МАРТЕН ФУРКАД

МОЯ МЕЧТА О ЗОЛОТЕ И СНЕГЕ

в соавторстве с Жаном Иссартелем

ПРЕДИСЛОВИЕ
ТОНИ ЭСТАНГЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

От Пиренеев, Альп и Юрских гор, где прошли его детство и юность, до адреналина олимпийского Ванкувера и триумфа Сочи – Мартен в деталях описывает свой невероятный путь. «Моя мечта о золоте и снеге» – достоверное свидетельство уникального спортсмена. Рассказывая о внутренних силах, которые побуждали его преодолевать себя, о своих слабостях, а также о потрясающей силе характера, Мартен не только посвящает читателя в тонкости своего спорта, но и раскрывает натуру больших чемпионов.

- Мартен Фуркад, Жан Иссартель
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○
  - ○ 1
    - ■
    - ■ Быть первым
    - ■ «Ты будешь чаще видеть меня по телевизору, чем в реальности…»
  - ○ 2
    - ■
    - ■ Петиция об отъезде
    - ■ Перед лицом смерти
    - ■ Возвращение в исходную точку
    - ■ Полет продолжается
  - ○ 3
    - ■
    - ■ Новый отъезд
    - ■ Кое-кто зазнался…
    - ■ Или стал уверен в себе
  - ○ 4
    - ■
    - ■ Путь открыт
    - ■ Хмурые дни
    - ■ Отделиться от Симона
    - ■ «Номер один»: как это создавалось
  - ○ 5
    - ■
    - ■ Зачем нужна книга?
  - ○ 6
    - ■
    - ■ Тщательно разработанный план

- Перевести дух
- Конец света
- Мой костюм супергероя
- Перерыв

7

-
- Умираю от страха
- Икона по имени Бьёрндален
- Мечта всей жизни
- Разделить счастье
- Знаю, он гордится мной
- Еще одно золото
- Сравняться с Килли
- Не хватило трех чертовых сантиметров

8

-
- Раз уж зашла речь о деньгах
- Страх пустоты
- Трудные месяцы
- День, который мог бы быть идеальным

9

-
- Глаз тигра
- Искушение лыжными гонками
- Черная лента
- Я не мог проиграть

10

-
- Ощущение предательства
- Почему я никогда не буду принимать допинг
- Остаться в истории

Приложение

-
- Азбука биатлона
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24

Мартен Фуркад, Жан Иссартель
Моя мечта о золоте и снеге

Манон и Инес, с любовью

Copyright © Hachette Livre (Marabout), Paris, 2017
© Петров М. А., Котомина М. А., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Предисловие

Тони Эстанге,

трехкратный олимпийский чемпион

Я встретил Мартена незадолго до окончания моей карьеры, когда он только еще начинал

свою. Это было не поверхностное знакомство, а настоящая встреча, настолько яркая, насколько яркой может быть встреча двух спортсменов.

Вместе мы пережили радостные моменты, особенно когда мне выпала честь вручать ему золотую медаль на Играх в Сочи. Были не только минуты сомнения накануне важнейших соревнований, но также и дни отдыха, когда на выходных мы вместе катались на лыжах или занимались виндсерфингом, просто для удовольствия…

Больше всего меня поразило, какое впечатление произвели выступления Мартена в Сочи на моего старшего сына, который в возрасте шести лет впервые побывал на соревнованиях по биатлону. Буквально на следующий день биатлон стал его страстью. Поначалу он играл в биатлониста в нашей гостиной, имитируя жесты Мартена, а потом решил попробовать биатлон по-настоящему. Он был в восторге.

С тех пор каждый раз, когда я вижу Мартена по телевизору, я думаю о всех детях, у которых он вызывает желание встать на лыжи.

Мы с Мартеном отлично поняли друг друга еще и потому, что у нас очень похожая спортивная биография. К нему, как и ко мне, желание заниматься спортом пришло очень рано. Мы росли в семьях, где любили спорт. С разницей в десять лет мы следовали за отцами и братьями в их спортивных устремлениях. Чтобы делать «как старшие», мы пробовали все виды спорта, которые были нам доступны, отдавая предпочтение занятиям на открытом воздухе. Пиренеи были для этого идеальной площадкой. Хоккей, лыжи, виндсерфинг, каяк, велосипед… Мартен не просто биатлонист. Он настоящий фанат спорта. Тот, который предпочитает именно заниматься. Мартен рассказывал, что, когда он бывает на любых спортивных соревнованиях, то не может спокойно усидеть на трибуне. Ему нужно быть в гуще событий.

Нас также связывает одинаковая история отношений со старшими братьями. Как Мартен шел по следам брата Симона в своем увлечении биатлоном, так и я следовал за своим братом Патрисом, бронзовым медалистом в гребле на каноэ на Играх в Атланте. Как и он, я постепенно перешел от роли младшего

брата, который повторяет за старшим, в статус конкурента. Эта история братского соперничества никогда не бывает простой. Но сегодня мы оба отдаем должное тому, каким неиссякаемым источником вдохновения был спортивный путь наших старших братьев. В том, что нам посчастливилось пережить уникальные моменты на Олимпийских играх, есть во многом и их заслуга.

На этом сходство заканчивается. Мартен – это мутант! Когда мы вместе идем кататься на лыжах, я пытаюсь угнаться за своими сыновьями по обычной лыжне, в то время как Мартен взбирается бесшажным ходом[1] вверх по «красной» горнолыжной трассе! В выходные дни он ездит по шесть часов на велосипеде по горам, успевая заехать на несколько перевалов! Особенно меня впечатляет его стабильность. В моем виде спорта, как и во многих других, нужно быть на пике формы четыре-пять раз в году. Мартен же бегает 30 гонок за сезон, и чаще всего именно он победно вскидывает руки на финише. Это настоящая машина!

Мартен обладает не только физической мощью и тактическим умом, но и любознательностью, широтой взглядов и редкой откровенностью. Он очень увлеченный спортсмен. Чтобы отстаивать кандидатуру Парижа для проведения Олимпиады-2024, он бросился в бой еще до того, как мы официально зарегистрировали заявку, для председательствования на юношеской ассамблее «Олимпийская цель» в 2014 году. В течение трех лет он постоянно был на связи, когда нам требовалась его поддержка, даже если в это время находился на чемпионате мира. Благодаря в том числе и ему наша заявка «Париж-2024» одержала победу 13 сентября 2017 года.

* * *

Мартену еще нет тридцати, а он уже вписал свое имя в историю биатлона. Однако он из тех чемпионов, которые настолько доминируют в своей дисциплине, что выходят далеко за ее рамки. Поэтому правильнее будет сказать: Мартену еще нет тридцати, а он уже вписал свое имя в историю спорта.

Он действительно пример для подражания, и не только для моего сына, но также и для миллионов французов и любителей спорта во всем мире. Его олимпийская мечта стала мечтой этих людей. В этом сила спорта: вдохновлять других на мечту. Мечту о золоте и снеге.

Когда я пересекаю финишную черту, события начинают развиваться стремительно. Только я успеваю обнять Флорана,

моего массажиста, и позвонить Элен, моей девушке, оставшейся во Франции, чтобы сказать, что я ее люблю, как сразу попадаю в лапы протокола.

Из микст-зоны, где я в прямом эфире раздаю интервью, меня ведут на цветочную церемонию. Замечаю на трибунах родителей и делаю им знак рукой. Я хотел бы дотронуться до них, чтобы убедиться: этот водоворот событий реален, но протокол не позволяет. Доверяю свой букет пресс-секретарю нашей команды Кати, чтобы она передала его маме, и ухожу на пресс-конференцию.

Наряду с почестями я открываю тот факт, что успешная гонка длится намного дольше, чем время, за которое пробегаешь 15 километров. Ответив на вопросы журналистов, я оказываюсь в руках врачей для допинг-контроля. В комнате ожидания у меня наконец-то появляется время взглянуть на экран телефона. Поздравления тянутся бесконечным потоком. В течение десяти минут, прошедших после финиша, я получил сто пятьдесят сообщений, и телефон продолжает вибрировать каждые две секунды.

Я хочу ответить всем, и обязательно это сделаю, но сейчас меня переполняют эмоции. Я пишу сообщение Тьерри Дюссеру, тренеру моей юности, благодарю его за то, что он помог мне быть здесь, и еще одно – Паскалю Этьену, который тренировал меня весь последний год, а теперь сражается с раком, – через несколько дней он проиграет эту битву…

Наконец я вхожу в комнату для допинг-контроля. Здесь странная атмосфера, полная подозрительности. Это мало напоминает обычную рутину допинг-контроля на Кубке мира[2]. На Олимпиаде все по-другому. Сдав анализ крови, я должен помочиться в пробирку, стоя голым рядом с незнакомым мне человеком в туалете с зеркальными стенами, полом и потолком. Странный опыт для юноши двадцати одного года, даже если я уже перестал быть стыдливым.

Проверив в пятый раз номера самых важных анализов в моей короткой карьере, я отправляюсь в Олимпийскую деревню Уистлера на большом полноприводном GMC. С автобусом теперь покончено: начали действовать привилегии.

График напряженный: нужно поесть, сделать восстановительный массаж и подготовиться к вручению медалей, которое пройдет в городе. Встречаю несколько спортсменов из французской сборной, мы обмениваемся короткими фразами, и я чувствую, что их поздравления и улыбки искренни.

В шесть вечера отправляюсь на церемонию вручения медалей. Я возбужден, мне не терпится взять в руки то, о чем мне все

говорят вот уже пять часов, с момента окончания масс-старта.

Приезжаем на место очень рано. В комнате за кулисами я встречаю других медалистов сегодняшнего дня. Протокол МОК суров: медалист не может опоздать или отсутствовать на церемонии, здесь это недопустимо. Развалившись на больших диванах, мы пользуемся первой за день минутой затишья, чтобы передохнуть и поздравить друг друга. Горнолыжник Сильван Цурбригген, завоевавший бронзу, мой товарищ по лыжам Rossignol, жмет мне руку. До сих пор помню, как меня впечатлил размер его ладони! Я чувствую себя совсем юным рядом с именитыми медалистами.

Долго беседую с немкой Магдаленой Нойнер, которую только начал узнавать. Она сегодня выиграла вторую золотую медаль в биатлоне. Магдалена мне показалась скромной, но очень симпатичной. Украдкой поглядываю на американскую «звезду» Боде Миллера, собираясь попросить его о совместном фото, но он уткнулся в телефон, сидя поодаль и низко надвинув на глаза кепку.

После бесконечного ожидания наконец звучит олимпийский гимн. Я выхожу вслед за словаком и россиянином, с которыми мы делим подиум. Сразу замечаю французов и улыбаюсь при виде развевающихся триколоров. Мне нужно несколько долгих секунд, чтобы найти свое место на этой незнакомой сцене. Наконец я получаю медаль. Мою медаль.

Она только серебряная, но самая красивая: волнистой формы и украшена выгравированными орнаментами индейцев Британской Колумбии.

Мне трудно оторвать взгляд от этого великолепного предмета. Моя первая настоящая медаль…

Звуки русского гимна, исполняемого в честь олимпийского чемпиона Евгения Устюгова, возвращают меня в реальность. Снимаю шапку в знак уважения и ищу взглядом французов. Они все здесь: Стефан Бутьё, мой тренер по лыжам, Зигфрид Мазе, тренер по стрельбе, Кристиан Дюмон, руководитель французской сборной, четверо «мушкетеров скольжения», сервисеров: Гаэль Гайар, Кристиан Фавр, Оливье Гонон и Грег Дешам, а также тренеры девушек – Поло Жиакино и Лионель Лоран. Слева от них я замечаю маму и младшего брата Бриса, моего дядю с камерой в руке и отца, что-то прячущего за французским флагом. Я не вижу Симона, моего старшего брата, с которым делю этот прекрасный период жизни и за которым следовал в занятиях биатлоном до тех пор, пока не оказался в сборной Франции, а затем и здесь, на Олимпиаде в Ванкувере. Я не вижу Симона, но знаю – он здесь.

Приехав в Канаду в ранге «номера один» общего зачета Кубка

мира, убежденный, что наступил звездный час его карьеры, он провел эти Игры как призрак, далеко, очень далеко от своего настоящего уровня. Однако звезда сборной Франции – это Симон… Сжав его в объятиях после финиша, я сказал ему: «Это должна была быть твоя медаль». Сейчас я хочу найти его, чтобы разделить этот момент с ним.

У меня стынет кровь, когда я наконец его вижу. В слезах. Спрятавшегося за флагом, который держит отец.

Я переживаю самый прекрасный момент в моей жизни, тогда как он – худший в своей. У меня теперь только одно желание: спуститься с пьедестала и подойти к нему. Через секунду я перестаю улыбаться, хотя улыбка не покидала меня с самого утра.

Моему брату плохо, и это важнее, чем любой олимпийский подиум.

1
Братья

Пытаясь проследить истоки моей спортивной карьеры, как не вспомнить семью, моих двух братьев – Бриса и Симона. Когда я думаю о причинах моего признания, неутолимой жажды, которая живет во мне, все мысли возвращают меня в наше детство.

Конечно, будет преувеличением сказать, что все было предрешено уже тогда. В радостной и свободной юности, которую нам обеспечили родители, судьба определила мне место посередине, между младшим Брисом и старшим Симоном.

Было много причин тому, что впоследствии определило мою жизнь и позволило воплотить безумную мечту стать чемпионом. Но, бесспорно, если я нес в себе зерно (ген?) духа соревнования, мое особенное детство и положение в семье способствовали тому, чтобы оно проросло.

Честно говоря, поначалу я боялся Симона. Когда будучи ребенком, я дрался с Брисом, самым младшим из нас, Симон обычно вставал на его защиту, и мне приходилось иметь дело с ним. И это была уже совсем другая история!

Не подумайте, что мы росли в атмосфере воинственности. Наоборот, родители, и особенно мать, ненавидели, когда мы решали конфликты иначе, чем посредством диалога. Но все, кто это пережил, знают: если у тебя есть братья, в детстве многие проблемы решаются ударом кулака.

Не то чтобы родители нами не занимались, но, согласно своим тогдашним убеждениям, они выбрали жизнь на природе, и мы пользовались той огромной свободой, которую нам предоставили.

Когда мне было пять или шесть лет, моя мать, логопед, и отец, горный гид, поселились в доме, стоящем далеко на отшибе, в получасе езды на машине от Фон-Ромё. Кассань, как называлось наше жилище, был великолепным каменным домом с сараями, хлевом, большой гостиной и комнатами для сдачи постояльцам. И все это на природе, в 15 километрах от ближайших соседей.

У друзей родителей была пасека, и нам с Брисом давали банки с медом, чтобы мы продавали их постояльцам. Часто мы принимали жильцов сами, пока родители были на работе. Мы были ответственными, самостоятельными, свободными. Счастливыми. Наша мать занималась садом и огородом, готовила еду после того, как заканчивала прием в своем кабинете в Сайагузе. Она также наведывалась в горы к отцу, который на

неделю уходил в конный поход с туристами.

Позже, когда мне было около десяти лет, отец несколько раз брал меня с собой. Я шел в темпе взрослых, шесть или семь часов в день, вел лошадей и помогал с обустройством лагеря. Я наслаждался этими моментами, гордый впечатлением, которое производила на туристов моя выносливость. Я был любимцем, маленькой «звездой» туристической группы…

В Кассани у нас была прекрасная жизнь. Мы с Брисом проводили время за игрой в ветвях огромного дерева, которое оборудовали под космический корабль. Мы были очень близки. Каждый год в июне мы играли в «Ролан Гаррос» на разбитой грунтовой дороге, будучи единственными участниками турнира. Многие годы Брис был моим лучшим товарищем по играм. Что касается Симона, он быстро отделился от нас, предпочитая проводить время в компании сверстников.

Чтобы добраться до школы, нужно было идти полтора километра пешком до дороги, где нас подбирал школьный автобус, курсировавший от одной деревни к другой. В то время отец, вдобавок к своим коням, выходил трех испанских лошадей, предназначавшихся на убой. Вероятно, он бы этого не сделал, если бы мы с Брисом не замолвили за них слово. Мама не сразу поняла, кому принадлежали волоски, которые она находила на наших брюках, когда мы возвращались из школы. Мы тайком ездили верхом на лошадях до дороги, чтобы не проделывать этот путь пешком.

В остальном вы легко можете представить себе нашу жизнь немного в стиле хиппи. У нас была гостиная с телевизором, но мы туда наведывались редко, и то после обсуждения, вернее, препирательств с мамой по поводу программы. Это были «Ушуайя», «Корни и кроны», «Таласса», иногда фильм на видеокассете или мультфильмы воскресным вечером. В любом случае мама предпочитала коллективные игры. Очевидно, что даже в «Мемори» я не любил проигрывать…

Хотя родители были очень заняты, сочетая основную работу и хлопоты в нашем маленьком отеле, они находили время, чтобы отправляться всем вместе на каникулы.

Так, в 1996 году мы провели лето в Квебеке. Я запомнил этот год благодаря Олимпийским играм в Атланте. Мы с Симоном смотрели их по телевизору, сидя в гостиной наших канадских друзей, у которых была пасека рядом с островом Сен-Лоран. Мама утверждает, что именно здесь зародилось наше призвание – на диване перед экраном, который показывал победы Майкла Джонсона и Мари-Жозе Перек…

В другое лето, несколькими годами ранее, когда мы поехали

в отпуск куда-то в центр Франции, мотор нашего «Рено Экспресс» отдал богу душу на пятидесятом километре пути. Тогда отец решил арендовать яхту в Аржелес-сюр-Мер, чтобы мы могли совершить круиз по Средиземному морю, взяв вдобавок на борт еще одного из наших кузенов. У отца были весьма приблизительные представления о навигации, но для него вполне достаточные. Таким был мой отец. Казалось, он никогда не сомневается, все держит под контролем, хотя, наверное, в глубине души он понимал, насколько безрассудным с точки зрения безопасности был его метод воспитания. Помню, как мы с братьями и кузеном играли в шлюпке, привязанной к плывущей яхте, и я прыгнул в воду, прямо в открытое море… Не знаю, может, времена изменились, но нам это казалось нормальным, а сегодня я со своими дочками не сделаю и десятой части того, что мы вытворяли тогда.

Еще мы побывали в Марокко, где совершили поход по Атласским горам; отец организовывал здесь для своих клиентов несколько велосипедных туров. В ущельях, по которым проходил наш маршрут, в то время случилось наводнение, местный гид волновался, но отец заверил его, что он знает, что делает. В итоге мы оказались заперты стихией недалеко от деревни гида. Это была традиционная деревня в очень изолированном уголке страны. Три дня мы прожили у гида, ожидая, пока дорогу расчистят. Эти дни произвели на меня огромное впечатление. У жителей не было практически ничего, но они были счастливы поделиться этим с нами. Они захотели устроить праздник, потому что мы здесь. Праздник продолжался все три дня. Собираясь в путь, я подарил свою кепку мальчику немного младше меня. До сих пор помню его загоревшиеся глаза, удивленную и сияющую улыбку. Он смотрел на меня так, будто я подарил ему по меньшей мере дом. Я был очень тронут. Мне было лет двенадцать, но я не забыл тот божественный момент.

Быть первым

Конечно, в нашей вольной жизни в горах спорт был главным занятием. Горные и беговые лыжи, походы на снегоступах зимой; пешие походы, велосипед и бег летом – мы все время занимались спортом на открытом воздухе. Что касается меня, элемент соревнования всегда имел большое значение. Каким бы ни было средство передвижения, я должен был первым оказаться на вершине. Симон начал заниматься хоккеем, и, разумеется, я последовал за ним. Но, как до этого с занятиями дзюдо, я быстро понял, что не создан для контактного спорта. Думаю, ограничением стала и большая стоимость тренировок. Естественно, что мы втроем переключились на беговые лыжи. В лыжном клубе мы нашли продолжение занятий, к которым привыкли в семье. Преподаватели по лыжам делали акцент больше на удовольствии и прогулках на природе, чем на технике лыжного хода. Но они уже разглядели, что трое братьев Фуркадов имели некоторые способности и, в моем случае, определенный соревновательный дух.

Когда я получал хорошую оценку в школе, я гордился, только если оценка была самой лучшей. Если я был только вторым, я был разочарован, и по мне это было видно.

В спорте все было еще хуже. В лицее Фон-Ромё, куда ходил в спортивную секцию, я был окружен ребятами, которые постоянно занимались атлетикой, в то время как я посвятил себя беговым лыжам. Это мне не мешало плакать после кросса, если я не побеждал. Такое случилось только раз, в шестом классе. Потом я уже оккупировал высшую ступеньку пьедестала вплоть до поступления в лицей.

Симон, который во всем был моим предшественником, великолепно справлялся с ролью старшего брата. Он не раз вмешивался, когда я уже почти ввязался в драку. Даже Тибо, который впоследствии станет одним из моих лучших друзей, начал знакомство с того, что собирался набить мне морду. Много лет спустя он признался Симону, что его остановила только перспектива иметь дело с ним.

Симон занялся биатлоном за компанию со своими друзьями. Я же все повторял за старшим братом. Издалека. Даже если это его раздражало. Думаю, в то время он искал себя. Он казался созревшим для того, чтобы посвятить тело и душу какому-нибудь делу. Симон решил, что приложит все усилия, чтобы преуспеть в биатлоне: он очень тяжело переживал, что его не отобрали на чемпионат Франции, а его лучшие друзья туда поехали.

Со своей стороны, я был более одаренным, но и в большей степени дилетантом. Я вошел в команду Восточных Пиренеев. И мы часто ездили на сборы или соревнования в Альпы вместе с нашими врагами из Верхних Пиренеев.

Там-то я и встретил Элен.

«Ты будешь чаще видеть меня по телевизору, чем в реальности…»

Когда я перечитываю письма, которыми мы обменивались, мне почти стыдно, настолько они мне кажутся инфантильными. Я был ребенком, когда мы встретились на чемпионате Франции среди клубных команд в Альпах. Мне было 11 или 12 лет, но у меня был хорошо подвешен язык и довольно мало комплексов. Она была на год старше. Она мне понравилась, и поэтому я ее спросил в записке, подсунутой под дверь, не хочет ли она меня поцеловать. Странно, но она не приняла моего предложения! Насколько помню, она мне передала короткий ответ вроде «О, нет!». Думаю, тогда я действительно казался ей обузой, и она была права.

Год спустя она оказалась в Фон-Ромё, запертая сильной снежной бурей. И я снова попытал свою удачу. Думаю, на этот раз я был гораздо менее неуклюж. В этом возрасте мы быстро учимся и меняемся…

После того благословенного уик-энда не проходило и недели, чтобы мы не говорили по крайней мере час по телефону.

> Недавно Элен напомнила мне, что в 14 лет я сказал ей: «Если ты станешь моей женой, ты будешь чаще видеть меня по телевизору, чем в реальности…»

Первая часть нашей истории постепенно угасла из-за нашей удаленности, но мы снова встретились в 17 или 18 лет, при этом никогда полностью не прерывая все, что нас связывало. С тех пор наши отношения стали более серьезными, несмотря на то, что она уехала учиться в Тулузу, а я становился настоящим биатлонистом между Премано́ном и Виллар-де-Ланс.

Это потрясающе, что сейчас Элен – моя жена, мать моих детей. В наших отношениях было несколько перерывов начиная с наших 14 лет, но мы никогда не переставали общаться и доверять друг другу. Я убежден, что без нее мне бы не удалось построить такую спортивную карьеру. Она дала мне стабильность чувств, в которой я нуждался. Что до меня, я никогда не лгал ей о том, какая жизнь ждет меня, а значит и ее, если она согласится разделить ее со мной. Недавно Элен напомнила мне, что в 14 лет я сказал ей: «Если ты станешь моей женой, ты будешь чаще видеть меня по телевизору, чем в реальности…» Наверно, я до конца не осознавал, что хочу стать тем, кем стал сегодня. Но, вспоминая те слова, не буду отрицать, что внутри меня жило

стремление, интуиция. Я хотел стать таким, как те парни, что украшали стены моей комнаты. Хотел стать чемпионом с плаката. Это было больше, чем просто желание. Огонек, маленький огонек, который никогда не гаснет.

2
По стопам моего кумира

Проучившись год в лицее в Фон-Ромё, Симон решил уехать в Альпы, в спортивный лицей в Виллар-де-Ланс. Сначала в качестве обитателя интерната, а потом и обладателя собственной комнаты.

Он вкалывал как сумасшедший. Трудился больше, чем остальные, и его тренер Тьерри Дюссер быстро понял, что к нему в руки попал настоящий самородок. Таков был Симон: всё или ничего. В то время он напоминал воина-крестоносца – мечту каждого тренера. Я также думаю, он исходил из установки, что, будучи родом из Пиренеев, он будет не очень хорошо принят другими лыжниками, в основном уроженцами Альп. Скорее всего, его опасения были напрасны, но это не помешало ему полностью погрузиться в работу и прогрессировать с невиданной скоростью.

Его редкие визиты домой я воспринимал как пришествие Мессии. Мы уже были не в том возрасте, чтобы обмениваться ударами кулака. Наши отношения стали гораздо спокойнее. На самом же деле брат стал моим кумиром. Я даже не помышлял когда-то сравняться с ним, я просто хотел, больше чем когда-либо, идти по его стопам.

Когда один или два раза мы навещали его в Вилларе, я был горд оказаться в той обстановке, которая его окружала. Он принадлежал к сливкам спортивного мира, был лучшим биатлонистом Франции среди юниоров. Скоро он станет лучшим в мире, в этом ни у него, ни у меня не было ни малейшего сомнения. Мне удалось составить компанию на пробежке ему и его наставнику Тьерри Дюссеру. Думаю, я вел себя скованно, боясь показаться смешным. Но на самом деле я произвел впечатление на Тьерри, по крайней мере так он мне сказал несколько лет спустя.

Как бы там ни было, я заразился успехами Симона. Я тоже хотел испытать то, чем жил Симон, не смея даже представить, что когда-то смогу быть так же хорош, как он. Эта мысль зрела внутри меня, пока не стала одержимостью. Без сомнения, в этом проявился мой каталонский характер: я упрям, и если во мне появилось желание, мне нужно идти до конца, сделать все, чтобы его удовлетворить.

Петиция об отъезде

В тот год Жан-Гийом Беатрикс и Грегуар Жаклен стали, по справедливому решению судей, чемпионами Франции среди юниоров. Оба носили цвета Дофине, и обоих тренировал Тьерри Дюссер. Что касается меня, я находился в середине рейтинга. У меня определенно был потенциал, но до их уровня я пока не дотягивал. Я считал, что для того чтобы прогрессировать, есть единственное решение: присоединиться к их группе, то есть уехать из Пиренеев в Альпы и, подобно Симону, тренироваться в спортивном центре «Надежда Виллар-де-Ланс».

Если быть до конца откровенным, не уверен, что меня привлекало больше: независимая жизнь вдали от родителей или то, что команда Дофине была практически неминуемой ступенькой для тех, кто хотел попасть в спорт высоких достижений.

Я знал, что меня могут взять в эту элитную когорту. Во-первых, мой уровень был вполне хорош, и на взгляд специалиста было очевидно, что он может стать гораздо лучше. Во-вторых, я был младшим братом Симона Фуркада, чьи успехи и работоспособность свидетельствовали и в пользу его родственников! Я связался с Тьерри Дюссером и получил его согласие. Оставалось только уговорить родителей…

В середине зимы я начал осаду. Я доставал родителей в течение нескольких месяцев; за каждой едой я заводил разговор на эту тему. Это было настоящее сражение с неизвестным заранее результатом: родители считали, что в свои 15 лет я еще недостаточно созрел для самостоятельной жизни; к тому же они понимали, каких дополнительных расходов это потребует. Двое сыновей, спортсменов высокого уровня, живущих далеко, это было нелегкое бремя для родителей. Я до конца не был уверен, что мне удастся их убедить, но у меня была стратегия: я брал их измором. Я постоянно и неуклонно поднимал эту тему. Даже составил петицию к семье с просьбой, чтобы меня отпустили!

Они сдались в конце весны. Думаю, что мой дед с отцовской стороны убедил маму разрешить мне попробовать. Я был в комнате Бриса, когда они мне сказали: «Хорошо, ты едешь». Не помню других деталей, я ничего не видел, не слышал и не понимал кроме того, что моя мечта исполнилась. Я тут же позвонил Тьерри Дюссеру. Начиналась новая жизнь!

В середине лета Дюссер позвал меня на сборы в Севенны со своей командой. В остальное время я работал на водной базе на озере Матамаль: выдавал и принимал снаряжение, помогал с его

подготовкой… Моим начальником был отец Тибо – того самого парня, который несколько лет назад хотел набить мне морду, а потом стал моим лучшим другом. По утрам я был свободен и мог тренироваться, а работал после обеда, до восьми вечера. Вечером я возвращался (а иногда и нет) домой или проводил время с друзьями.

Как-то раз ночью, после вечеринки, мы с Тибо были одни в доме его родителей на берегу озера. Они оставили на столе ключи от автомобиля. Не знаю, что нам взбрело в голову… Мы взяли ключи и отправились покататься. Поскольку Тибо, как и мне, было 15 лет, у него не было водительских прав. Проехав несколько километров, мы врезались в дерево. Это была не просто легкая авария, мы перевернулись, и только чудом ни он, ни я не получили травм. Первые слова, которые я сказал Тибо после того, как оправился от шока: «Черт, теперь родители не отпустят меня в Виллар!»

Все же я позвонил отцу, чтобы он за нами приехал. На наше счастье, первым, что он увидел, были обломки машины, намотанные на дерево. Он был так напуган тем, что могло с нами случиться, что почти не ругался. Но на следующей день мы получили от родителей хорошую взбучку. К тому же нас заставили оплатить стоимость нашей грандиозной глупости. Тибо проработал все лето без зарплаты, чтобы возместить ущерб родителям. Со мной его отец обошелся более милосердно, он удерживал только часть моего жалованья… В наказание нас с Тибо разлучили: один работал по утрам, другой после обеда, а разрешения на походы по вечеринкам были сильно урезаны.

Перед лицом смерти

Так прошло лето, с небольшим перерывом на сборы в Севеннах. Меня хорошо приняли, и я без труда нашел себе место в команде. Мы быстро сблизились с Жаном-Гийомом Беатриксом, а также с Мари-Лор Брюне, которая, как и я, приехала из Фон-Ромё.

В сентябре, после переезда в Виллар-де-Ланс, мне было немного сложнее влиться в коллектив. В интернате мы жили в одной комнате с тремя горнолыжниками, и, по счастью, отношения были хорошие. Выходные я проводил в семье Шанталь и Бруно Дюссеров, которые еще раньше приютили Симона, до того как он снял отдельное жилье. Я учился в одном классе с их дочерью Марин. Шанталь тоже родом из Пиренеев, а Бруно руководит подразделением беговых лыж в компании Rossignol. Нужно ли говорить, что мы принадлежали к одному миру… В остальном я был таким же юным спортсменом, как и другие. Тренировок становилось все больше, я хорошо прогрессировал. Ничто не предвещало, что я снова окажусь перед лицом смерти, второй раз за несколько недель.

В октябре мы поехали на сборы в Альп-д-Юэз, чтобы тренироваться на первом снеге. Тьерри Дюссер запланировал стрелковую тренировку, но из-за плохой погоды ее перенесли в зал, где чуть не случилась катастрофа.

Мы должны были отработать движения при стрельбе, но без патронов. Это называется «холостой тренаж». Задача тренировок – довести все до автоматизма. Заряжаем винтовку с закрытыми глазами, неустанно повторяем движения, чтобы на соревнованиях делать их без малейшего колебания. Помню, как Тьерри говорил: «Представьте, что вы на первой гонке сезона, это отборочные соревнования на Кубок Европы. Вы приходите на огневой рубеж, дышите, принимаете изготовку, вставляете обойму и, когда вы готовы, стреляете». Мы выстроились в три ряда перед зеркальной стеной, чтобы хорошо видеть все движения. Я был в первом ряду. За мной, немного слева, стояла девушка из нашей группы. По сигналу Тьерри мы взяли винтовки, вставили обоймы, прицелились и выстрелили перед своими отражениями в зеркале. Обычно мы должны были слышать только звук холостого выстрела. Сухой «клик». Мне это показалось дурной шуткой, когда я услышал «БАХ». Но, подняв глаза, я увидел перед собой разбитое зеркало. Немного выше отражения моей головы…

Я тут же подумал, что сам сделал глупость, забыв патрон в обойме. Мне уже приходилось допускать такую ошибку. Первая

вещь, которой учат в биатлоне, – это техника безопасности при обращении с огнестрельным оружием. Когда после окончания тренировки ты вынимаешь обойму, необходимо убедиться, что внутри не осталось ни одного патрона. Очень быстро это становится рефлексом, и тренеры добивались от нас такого автоматизма. Я думал, мои рефлексы дали сбой. Но когда я открыл затвор, там не было гильзы. Значит, выстрел был не из моей винтовки. Я обернулся. Девушка за мной как раз проверяла свое оружие. Я помню это, как замедленную сцену фильма. Гильза, которая падает на пол и отскакивает… Она забыла вынуть патроны, когда мы уходили с открытого стрельбища, не заметила, что стреляет из заряженного оружия, и пуля 0.22 калибра прошла в нескольких сантиметрах от моей головы.

Возвращение в исходную точку

Не считая инцидента с заряженной винтовкой, который я запомнил на всю жизнь, год прошел очень хорошо. Спортивные результаты превзошли все мои ожидания. Я начал завоевывать титулы в биатлоне, а также вошел в пятерку сильнейших по беговым лыжам во Франции и отобрался на чемпионат Европы в Австрии. В лицее все было сложнее. Думаю, мне плохо подходила система интерната, и если бы не мои товарищи по комнате, мне было бы сложно пережить этот год. Другие биатлонисты моего возраста учились по системе экстерната, то есть возвращались домой, к родителям, братьям и сестрам, друзьям детства… Мне тоже хотелось жить так, как они.

В плане учебы я работал недостаточно усердно. С приходом весны жизнь начала портиться. Биатлонный сезон закончился, впереди долгий период тренировок, почти восемь месяцев до первых соревнований. Все больше стало не хватать друзей и моей девушки из Фон-Ромё. Я вспоминал чудесное прошлое лето на берегу озера… Все это привело меня в уныние. Мне стало казаться, что я напрасно трачу свою юность.

В спортивной группе возникли сложности. Тьерри уже планировал будущий сезон, в то время как мы хотели немного сбросить напряжение. Быть может, меня странным образом напугал титул чемпиона мира среди юниоров, который завоевал Симон. Я знал, сколько работы и жертв потребовал от него этот титул, и если я все-таки мечтал стать таким, как он, то пока не был готов столько же вкладывать.

Майские праздники позволили мне вернуться домой, обрести друзей и мою прежнюю жизнь. Вместо того, чтобы поднять настроение, эта поездка убедила меня, что я сделал ложный шаг, уехав в Виллар, так далеко от дома. Мне захотелось снова стать обычным подростком, не ставить больших целей и спокойно жить в окружении друзей. Работать на водной базе, получить права на управление катером. Я не был согласен на жертвы, которые нужны, чтобы подойти к осенним сборам в хорошей форме. Я хотел летние каникулы, как раньше! Но, зная требования моего спорта, я понимал, что два месяца безделья несовместимы с теми высокими целями, которые я себе ставил. Существовал разрыв между тем, кем я хотел стать, и тем, что я готов был для этого отдать.

Я открылся Жан-Гийому и еще нескольким товарищам в группе, моим друзьям в Пиренеях, а также родителям. Сложнее было сказать об этом Симону.

Я боялся его разочаровать. С детских лет мы еще никогда не виделись так часто, как в то время, когда я приехал к нему в Альпы. Как будто личные проекты в биатлоне стали нашим общим делом. Страсть к биатлону нас сблизила, и, хотя у каждого были свои друзья и свои цели, я проводил у него в Вилларе очень много времени. По выходным я жил в своей «приемной» семье после недели, проведенной в интернате, но регулярно навещал Симона. Никогда за всю жизнь мы не были так близки. Думаю, он тоже гордился, что в лыжном мире заговорили о «братьях Фуркадах».

Он был тронут, когда я признался ему, что бросаю биатлон и возвращаюсь домой. Однако он не пытался меня переубедить, вероятно, потому, что с некоторого момента чувствовал мое настроение. Весенняя депрессия – довольно частое явление в мире лыжного спорта. Полгода без снега, полгода одиноких тренировок, когда ты знаешь, что должен тяжело работать, чтобы получить первые плоды своих усилий только в декабре, и то, если все пойдет хорошо… Такое положение вещей обескураживает многих, и Симон тоже проходил через это. Что до меня, то в 16 лет я не мог стиснуть зубы и пережить эти шесть месяцев.

Симон предупрежден, значит, оставалось поговорить с единственным человеком, которому я пока не посмел сказать, с Тьерри Дюссером.

Я чувствовал себя перед ним неловко, потому что испытывал к этому человеку (и испытываю сейчас) огромное уважение. Не только к его личным качествам, но также как к образцу профессионализма и безгранично преданного служения биатлону. Он отдавал все своему спорту и своим спортсменам. Мы часто ночевали у него дома, чтобы снизить стоимость сборов, он готовил нам еду, обеспечивал всем необходимым. Я же больше не хотел быть вовлеченным в свой спорт так же, как он. Я не мог представить себе, что окажусь перед ним осенью, не предприняв тех усилий, которых он от нас всех ожидал, не сделав необходимый минимум. Я хорошо знал, что это будет видно на первой же осенней тренировке на лыжероллерах: спорт высоких достижений беспощаден к тем, кто халтурит и вкладывает в него недостаточно. Я не хотел его обманывать или проявлять неуважение плохой подготовкой, но и не чувствовал ни сил, ни желания следовать плану летних тренировок. У меня было ощущение, что своим уходом я его предаю. Собираюсь все бросить в то время, когда у меня очень хорошие результаты. Я чувствовал себя виноватым за то, что у меня больше не было желания. Но внутри себя я уже все решил. Я бросаю биатлон…

Полет продолжается

Наконец я набрался смелости с ним поговорить. Тьерри попытался было меня переубедить, но я уже принял решение и не собирался его менять. Он хорошо знал, насколько я упрям. Он сказал только: «Надеюсь, ты потом не будешь жалеть».

Я никогда об этом не пожалел, даже притом что мне пришлось в течение нескольких лет нагонять упущенное. Но это был шаг, в котором я нуждался в тот момент жизни. Возможно, это позволило мне вернуться позже с теми же целями, но с готовностью вкладывать больше. Уже разобравшись в том, что именно заставляет меня любить спорт и соревнования… Да, возможно, решение прекратить заниматься, принятое тогда, позволяет увеличивать усилия до сих пор, спустя много времени, хотя я уже намного превзошел все цели, которые ставил, когда решил стать чемпионом.

Я снова переехал, на этот раз домой. Родители, всегда поддерживающие меня, беспокоились, что после года вдали от дома мне будет сложно привыкнуть к моей маленькой комнате и прежнему образу жизни. Поэтому отец обустроил для меня другую комнату, рядом с гаражом, чтобы я сохранял некоторую независимость.

Я снова обрел друзей, озеро. Вдохнул жизнь полной грудью. Это было хорошо!

Я составлял компанию отцу, который занимался триатлоном. Мне это было интересно, и у меня неплохо получалось. Я участвовал вместе с ним в нескольких гонках, и продолжил заниматься триатлоном даже после возвращения к учебе. Плаванье с классом, специальные тренировки по средам и субботам, велотренировки по вечерам. Мой темперамент никогда мне не позволял оставаться без движения…

Благодаря триатлону я сохранил привычку к спортивной дисциплине и физическую форму. Как говорится, минимизировал потери… В любой момент, сам того не сознавая, я сохранял способность вновь вернуться к лыжам.

Пока я был в Вилларе, в Фон-Ромё сменился тренер биатлонной секции. Тренировочным центром стал управлять некий Дени Буасьер. Он знал мою историю и понимал, что я больше не хочу выкладываться до конца. Осенью он пришел ко мне и предложил присоединиться к его группе без всяких обязательств. Просто чтобы попробовать. На следующей неделе он ехал со своей командой на сборы в Тинь и позвал меня с собой. Предложение звучало так: «Ты ни на что не

подписываешься. Если тебе понравится, ты остаешься столько, сколько захочешь, а когда разонравится, уйдешь. Все просто». От такого предложения сложно было отказаться! К тому же лыжи осенью – это особенно здорово! Я так долго не видел снега и начал по нему скучать…

Этот разговор с Дени в мрачноватом коридоре в подвале лицея Фон-Ромё изменил течение моей жизни. Я поехал с ними и оказался в замечательной команде. Там было двое ребят моего возраста и примерно моего уровня в лыжах – Гарет и Бастьен, и прекрасная атмосфера. Мы постоянно соперничали, и я понял, что растерял не так уж много навыков. Потери, конечно, были, но не настолько большие, чтобы отбить охоту к дальнейшим занятиям.

Итак, мое приключение снова продолжилось.

3
Дух соревнования

Год был радостным и красочным. Уйдя из большого спорта, я говорил себе, что это как раз то, что мне нужно. Прекрасной атмосферой в нашей спортивной группе мы были обязаны характеру и опыту Дени Буасьера. Региональный технический советник, пришедший из велоспорта, он был назначен главой тренировочного центра «Надежда Фон-Ромё» после непрерывной чехарды тренеров. Несомненно, Дени был выбран на эту должность в большей степени из-за своих качеств педагога, чем благодаря знанию лыж. Он умел поддерживать дух команды, передавать свой неистощимый энтузиазм, несмотря на постоянные заботы о бюджете и маленькие неприятности, такие как кража запасов лыжной мази. А это означало потерю серьезных средств для тощей кассы нашего спортивного центра!

Он не был полной противоположностью Тьерри Дюссеру, но близко к тому. Если Тьерри подходил к тренировкам с сугубо профессиональной точки зрения, со всей строгостью знатока своего дела, Дени постоянно куда-то бежал, выдавал тысячу идей в секунду и предлагал двести проектов, чтобы вовлечь нас в свой вихрь. Когда он отправлялся с нами на лыжную тренировку, он брал с собой только одну палку, потому что другая рука была ему нужна для почти непрерывных разговоров по телефону. Он был полностью погружен в свое дело, переходя от роли тренера к роли массажиста, а потом шел тестировать и смазывать лыжи. Он был единственным нашим тренером и делал для нас все. Несмотря на разность характеров и методики, у него была одна общая черта с Тьерри Дюссером: в любой момент полная погруженность в свое дело. Но в отличие от Тьерри, который управлял большой группой с очень сильной внутренней конкуренцией, огромной машиной, которая не позволяла устраивать дискуссии перед принятием решений, Дени по-настоящему занимался только одним биатлонистом – мной. Поэтому наши рабочие отношения стали менее односторонними. Мы обсуждали с ним все, что касалось моей подготовки. Он оставлял мне свободу выбора, большую автономию в моих действиях, и мне нравилась эта ответственность. Опять это было как раз то, в чем я нуждался на тот момент.

Я бездарно провалил отборочные соревнования на юношеские Олимпийские игры, но это не изменило траекторию, на которой я теперь уверенно стоял. Я снова обрел желание заниматься

большим спортом. Более твердое, чем когда-либо. После лета в режиме дилетанта огонек, который никогда не переставал тлеть во мне, обрел новую силу, возможно, небывалую до этого. Мое отступление перед трудностями, совершенное прошлой весной в Вилларе, было только этапом более глубокого процесса, одним шагом назад для того, чтобы затем сделать десять шагов вперед. Действительно, счастливая пауза…

Мы с Гаретом серьезно соперничали в лыжах и стали одними из лучших лыжников Франции нашего возраста в свободном стиле. В биатлоне же, наоборот, я тратил слишком много времени на стрельбу, и поэтому не попадал в число лучших в моем поколении. Отставание на огневом рубеже долгое время служило мне помехой, пока я был юниором. В нашем спортивном центре «Надежда Фон-Ромё» я был единственным биатлонистом, который показывал действительно хорошие результаты. Нет конкуренции – значит, нет соревнования, и, следовательно, нет большого прогресса. И если Дени блестяще удалось переквалифицироваться из тренера по велоспорту в наставника по лыжам, со стрельбой все было сложнее!

С другой стороны, и это самое главное, я вновь обрел вкус к соревнованиям, к нелегкой жизни начинающего спортсмена высокого уровня, к переездам, к работе в команде. Я снова открыл для себя перспективы, которые, как казалось, уже похоронил. Я был готов продолжить зарождающуюся карьеру, которую намеренно оборвал. В плане учебы этот год, в котором я должен был сдавать экзамены на бакалавриат[3], тоже прошел очень хорошо. И парадоксальным образом этот успех создал мне проблемы!

> С другой стороны, и это самое главное, я вновь обрел вкус к соревнованиям, к нелегкой жизни начинающего спортсмена высокого уровня, к переездам, к работе в команде.

Новый отъезд

В спортивном центре Виллар-де-Ланс программа двух последних классов лицея растянута на три года, чтобы оставить необходимое время для тренировок и соревнований.

Я же вернулся в Фон-Ромё к обычной лицейской программе и сдал экзамены за предпоследний год обучения, получив очень хорошие оценки. Когда я позвонил в лицей Виллара с просьбой о возвращении в спортивную секцию, мне поставили условие, что я буду учиться с ребятами своего возраста, которые еще не сдали экзамены, так как по программе находились в середине предпоследнего класса. Я не хотел напрасно терять школьный год, и родители меня поддержали, при этом ни на чем не настаивая. Несмотря на беспокойство за меня, они были согласны, чтобы я снова попытал свой шанс, но не какой угодно ценой. В любом случае это не стоило целого года учебы. Руководство лицея в Вилларе было непреклонно: я должен оставаться со своими ровесниками как на тренировках, так и в школе.

В это же время спортивный центр в Преманоне перешел под руководство Стефана Бутьё. У меня была возможность уехать тренироваться туда, учась последний год в лицее заочно, чтобы сдать выпускные экзамены экстерном следующей весной.

Родителям было сложнее отпустить меня одного, без старшего брата, в Преманон в далеких от нас Юрских горах[4]. Я буду жить один, должен буду сам заставлять себя учиться, причем заочно, без всякого присмотра. Но они верили в меня, в мою целеустремленность.

Нужно было найти мне комнату. Не очень дорого… Даже если я всегда бережно относился к деньгам, знал им цену и откладывал то, что мне удавалось заработать летом, моим родителям – логопеду и горному гиду – будет очень нелегко оплачивать мне аренду жилья, даже самого скромного. В этом регионе, расположенном у границы со Швейцарией, цены на жилье соответствуют хорошим заработкам жителей-фронтальеров[5].

К счастью, регион Лангедок и департамент Восточные Пиренеи выделили мне стипендию, но даже это не помогло нам найти жилье, подходящее по цене. Как-то после целого дня бесплодных поисков расстроенные родители остановились в кафе перекусить. Хозяйка им рассказала, что некий Андре Бюффар, бывший член олимпийской сборной Франции по биатлону, недавно похоронил жену и наверняка будет не против пустить

жильца в комнату, оборудованную на цокольном этаже его дома. Родители поехали к нему, и сделка была заключена по приемлемой цене, с условием, что я освобожу комнату, когда на школьных каникулах Андре будет сдавать ее туристам за более высокую плату.

Первый год в Преманоне прошел прекрасно. Свободно распоряжаясь своим временем, я начал наверстывать отставание в стрельбе, делая холостой тренаж у себя в комнате в течение многих часов. Черный круг на белом листе, приколотом к стене, – и я могу совершенствовать свою изготовку и последовательность выстрелов. Немного найдется тех, кто провел столько времени за этим упражнением, сколько я. Я полностью посвятил себя своим целям. В этот раз у меня не было ни сомнений, ни раздумий. Я нашел свой путь. Я знал, для чего я здесь, зачем я выбрал отъезд и самую нелегкую из открывавшихся передо мной дорог.

Мое первое путешествие не принесло успеха, и я понимал, что третьей попытки не будет. Я делал все, чтобы преуспеть в этот раз.

Возможно, если бы я вернулся в Виллар, в комфорт интерната и под надежное крыло Симона, я бы не взял на себя в такой степени ответственность за свои амбиции. Здесь же все зависело только от меня, у меня не было выбора. Если я хотел сдать выпускные экзамены в лицее, я должен был работать без присмотра учителей; если я был голоден, я должен был совместить тренировку с походом за покупками, толкая по снегу тележку с добрый километр, который отделял мое жилище от ближайшего супермаркета…

Я выковывал моральный дух одновременно с тем, как постигал мастерство спортсмена высокого уровня. И чем больше я посвящал себя своему прогрессу, тем больше я находил силы приносить жертвы. Это был благотворный круг. Жизнь вдали от дома закалила меня, сделала более ответственным. Я еще не был тем профессионалом, которым стал теперь, но я открыл к этому путь. Встал на нужные рельсы.

Мой круг общения составляли ребята, с которыми я занимался в спортивном центре Преманона. Джейсон Лами-Шапюи, который спустя несколько лет станет чемпионом мира в лыжном двоеборье, а затем завоюет золото Олимпиады в Ванкувере; Анаис Бескон, выступающая теперь за женскую сборную Франции по биатлону; Гарет из Пиренеев, который вошел в команду лыжников. Еще Жарно Бувер, второй биатлонист из нашей группы, который до сих пор входит в число моих лучших друзей. Именно с ним мы больше всего тренировались, а также вместе готовили уроки.

В Преманоне была создана, – и остается до сих пор, – целая экосистема вокруг беговых лыж, и это позволило укрепить мою решимость. Все, что я делал, жертвы, которые считал нормальными и необходимыми, разделяли и другие юноши моего возраста, и это облегчало наши трудности. Во второй год я жил с соседом, пока не вернулся в комнату, предназначенную для меня одного, что лучше подходило моему характеру. Не сочтите меня одиноким волком; я особенно ценил компанию Америка Дешама и Мартена Буше, которые приехали пополнить наш отряд биатлонистов на втором году моего обучения.

> Все, что я делал, жертвы, которые считал нормальными и необходимыми, – это разделяли и другие юноши моего возраста, и это облегчало наши трудности.

Как только наступила весна, мы часто отправлялись вместе в долгие поездки на велосипедах. Но в мае в горах Юры погода не всегда устойчива. Помню, как однажды мы проехали около сотни километров вокруг озера Жу, несмотря на холод и дождь. Когда я вернулся к себе, у меня так замерзли пальцы, что я не мог расстегнуть шлем. Пришлось принимать душ прямо в нем…

Звучит анекдотично, зато хорошо отражает наше состояние духа в то время. Мы совершали ошибки, но никогда не оставляли их неисправленными. Мы тяжело работали, но научились делать это с шуткой. Спортивный центр был еще небольшим, в нем не было студенческого общежития, в котором могли бы часто случаться тусовки. Мы были веселыми, но целеустремленными, настроенными постоянно совершенствоваться, чтобы достичь высокого уровня. Мы общались и вне тренировок, ходили друг к другу обедать. Мы не были отшельниками, но среди нас царила прежде всего рабочая атмосфера, которая поддерживалась всем коллективом, идущим к общей цели: мы хотели стать чемпионами.

Кое-кто зазнался…

В 2006-м Симон участвовал в своих первых Олимпийских играх, в Турине. Конечно, я не мог такое пропустить. Вместе с Элен мы на неделю сняли комнату в Бриансоне и каждый день отправлялись болеть за французских спортсменов. Прямо перед тем, как позволить себе эти студенческие каникулы, я выиграл гонку на Кубке Франции по лыжам в Ла-Песс, в Юре, и одновременно прошел отбор на чемпионат Европы среди юниоров. Параллельно я должен был выступить на Кубке Европы по биатлону в Мартелле, в Италии, где в первый раз в карьере я отстреляю чисто – 10 из 10. Я еще до конца не сделал выбор между лыжами и биатлоном, но становилось ясно, что определяться нужно быстрее. Необходимо было глубже специализироваться на стрельбе, если я хотел стать биатлонистом, или тренировать классический стиль, если я хотел стать лыжником.

Я выбрал биатлон по нескольким причинам. Во-первых, потому, что хотел быть как мой брат, который меня не переставал вдохновлять, теперь уже на Олимпийских играх! Во-вторых, в биатлоне можно раньше достичь спортивной зрелости, тогда как в лыжах спортсмены начинают выходить на пик формы только в 25–26 лет. Этот аргумент оказался решающим в моем выборе. Я знал, что если что-то не получится в биатлоне, я всегда смогу вернуться в лыжи. Обратный же переход более сложен из-за стрельбы.

Выбор был сделан, и после первого лета тренировок в составе сборной Франции я был отобран для участия во всех соревнованиях Кубка Европы 2007 года. Мой первый сезон на международном уровне завершился чемпионатом мира среди юниоров, который я провел довольно хорошо. В этот период я постоянно соревновался с теми, кто станет моими основными соперниками во взрослом биатлоне: Тарьем Бё, Симоном Шемпом, Эриком Лессером и всем этим поколением 1988 года рождения, так широко представленным сегодня на Кубке мира. На первой же гонке на меня произвел впечатление Шемп, так же как и Пайффер, старший Бё, который был особенно быстр на лыжах, и уже очень сильный Ландертингер. И, конечно же, был Жан-Гийом Беатрикс…

Со второго года в юниорской сборной каждый год я сражался с Жан-Ги. И на соревнованиях, и на тренировках наше соперничество было определяющим фактором моего прогресса, и, без сомнения, его тоже. Как и я, Жан-Ги – настоящий боец, и наша

конкуренция позволила мне раздвигать границы моих возможностей. И, правда, можно сказать, в те годы я тренировался только для того, чтобы превзойти Жан-Гийома Беатрикса! На кону было звание лучшего французского биатлониста в нашем поколении. Очень быстро звание лучшего биатлониста-француза стало означать место среди лучших биатлонистов Европы… А потом и мира.

> Я более скромен, потому что еще тогда хорошо выучил, что быть фаворитом – это ни в коем случае не гарантия победы.

Неизбежным следствием роста нашей силы стало то, что мы немного зазнались! Ничего особенно ужасного, но, приехав в феврале 2008 года в Рупольдинг на чемпионат мира среди юниоров, мы значились в числе фаворитов и были убеждены, что вот сейчас-то всех порвем. Но на самом деле мы полностью провалили спринт и пасьют. Тогда тренеры собрали нас и устроили страшный разнос. Холодно, без толики злобы, но с ужасающим спокойствием, они нам сказали: «Вы считаете себя теми, кем не являетесь!» И тем самым осадили нас. Я возненавидел то, каким предстал в их глазах, вышел оттуда в слезах, но выучил этот урок на всю оставшуюся карьеру. На следующий день Жан-Ги выиграл индивидуальную гонку и стал чемпионом мира среди юниоров. Я же провел добротную гонку и обосновался на восьмом месте. Но этот результат снова поставил мне голову на место. С тех пор я никогда не начинал главные старты с мечтой все выиграть, быть королем. Я стал скромнее, потому что еще тогда хорошо выучил: быть фаворитом – это ни в коем случае не гарантия победы.

Или стал уверен в себе

Несмотря на этот эпизод, спортивный путь привел меня в сборную Франции «А»[6], и в марте 2008 года я был приглашен выступить на первом для меня этапе Кубка мира в Осло. Перед нашим дебютом на «взрослых» соревнованиях тренеры дали нам совет «не лезть из кожи вон, делать все спокойно и уверенно». За несколько дней до первой гонки, спринта, мы пересеклись с Рафаэлем Пуаре, который сказал примерно следующее: «Сами увидите, здесь настоящий уровень, ничего общего с соревнованиями среди юниоров. Сделайте все, что можете, чтобы потом не сожалеть…» Это предупреждение, шедшее немного вразрез с тем, что хотели от нас тренеры, засело в голове и раззадорило меня. Я хорошо начал гонку, удачно отстрелялся на лежке с одной маленькой ошибкой. На стойку я пришел с неплохим временем и выпустил пять пуль за 19 секунд! Из них три мимо…

Хорошо помню потрясенный взгляд Стефана Бутьё, нашего тренера по стрельбе, в то время когда я наматывал штрафные круги. Его глаза мне кричали: «Ну, какой же ты дурак!»

В тот же вечер мы с Жан-Гийомом улетели домой во Францию, я заняв 61-е место, а он – 78-е. Мы были разочарованы… Но я уже проникся магией Кубка мира. И, если Жан-Гийому не понравилась царившая там атмосфера, для меня было бы немыслимо снова туда не вернуться.

Весной 2008 года сборная Франции, выступающая на Кубке мира, которая состояла из Венсана Дефрана, Симона, Луи Абера и Венсана Же, была снова расширена. В нее вошли два лучших юниора – Жан-Гийом Беатрикс и я, плюс на каждый сбор приглашались четверо или пятеро членов сборной «В». Так что нельзя сказать, что мы полностью упустили наши шансы. Но я решил, что не провороню следующие. Между сборами много тренировался в Преманоне. Но в конце сентября меня ждал новый удар судьбы, который мог, поведи я себя иначе, испортить мне карьеру.

Во время тренировки на лыжероллерах с Гаретом я упал на спуске на лесной дороге и вывихнул левое плечо. Кое-как добрался до дома, а на следующий день поехал в Лион к хирургу, который уверил меня в том, что нужна операция. Я быстро прикинул: операция потребует полгода на восстановление, сезон начинается через месяц, и, если я соглашаюсь на операцию, сезон 2008/09 для меня потерян, а через полтора года уже Олимпиада в Ванкувере. Значит, если будет операция, я почти наверняка

пролетаю мимо Игр.

В 20 лет не так-то просто пойти наперекор мнению уважаемого врача. Но это именно то, что я сделал благодаря своему быстрому подсчету. Я ответил: «Была не была, попробуем обойтись без операции!»

Без сомнения, это было поворотной точкой моей карьеры. Если бы я послушался совета врачей, я бы провалил Игры и, возможно, никогда бы не стал тем, кто я есть сегодня. Я взял на себя ответственность, послушался интуиции и принял правильное решение, несмотря на давление. За этим важным моментом моей карьеры последовал следующий, не менее значимый.

Из-за травмы я пропустил отборочные соревнования для постоянного участия в Кубке мира. Через несколько недель ко мне вернулись все мои навыки, и я одержал победу в отборе на Кубок Европы[7]. Так я оказался в Обертиллиахе вместе со сборной Франции «В», чтобы принять участие в первенстве континента во взрослой возрастной категории. Я занял второе место в гонке, первым был Ларс Бергер. Этот результат давал мне право присоединиться к команде «А», чтобы выступать на Кубке мира. Но так как в группе «А» все спортсмены выступили хорошо, руководитель сборной Франции, Кристиан Дюмон, сказал мне: «Мы пока не возьмем тебя в команду «А», но это не страшно, ты молод, у тебя будут и другие возможности». В тот момент, несмотря на чувство несправедливости, я отнесся с уважением к решению шефа. Выйдя от него, я рассказал об этом Венсану Порре, «старожилу» команды «В», который был на четыре года старше меня. Хотя мы и были соперниками, Венсан обратился ко мне со словами, полными невероятной доброжелательности. Он сказал: «Не соглашайся, Мартен. Иди ругаться, не упускай свой шанс. Мы быстро переходим из слишком молодых в слишком старые. Ты заработал это место, и ни у кого нет права его у тебя отобрать».

Его искренность меня тронула. Когда я об этом думаю, меня восхищает, что у него хватило великодушия дать мне хороший совет, в то время как мы были соперниками в борьбе за попадание в сборную на Кубке мира. Мне было 20 лет, Венсану – 24. В следующем году мое поколение громко заявило о себе, а он завершил карьеру. Я никогда не забывал эти слова и убежденность, с которой он их произнес. В глубине души я и сам знал то, о чем он мне сказал. Но он позволил этому инстинктивному знанию проявиться. Благодаря ему, я постиг глубинную правду спорта высоких достижений. Нельзя верить тем, кто говорит: «Ты молод, у тебя есть время». Времени нет никогда. Нужно брать максимум того, что можно взять в данный

момент. Шанс быстро уходит и, бывает, никогда не возвращается. Сегодня обо мне говорят, что я ненасытен, меня считают «каннибалом», и трудно объяснить, почему я всегда бьюсь с такой яростью, если уже все выиграл. Именно потому что знаю: однажды возможности иссякнут – и я должен быть уверен, что по максимуму использовал все свои шансы.

> «Не соглашайся, Мартен. Иди ругаться, не упускай свой шанс. Мы быстро переходим из слишком молодых в слишком старые. Ты заработал это место, и ни у кого нет права его у тебя отобрать».

Итак, я отправился протестовать. И Кристиан Дюмон дал мне место в группе «А», которое я честно заработал на трассе. Но на этом мое самоутверждение не закончилось. Нас было семеро человек на шесть мест. Правила игры были четкими: новички должны меняться. Один участвует в индивидуальной гонке, другой в спринте, и т. д. Те, кто покажет лучшие результаты в декабре, останутся в команде «А», остальные вернутся на Кубок Европы. Поскольку год был предолимпийский, давление было особенно сильным!

Так как я запрыгнул в этот поезд на ходу, другие уже показали хорошие результаты в последний месяц 2008 года. Мой брат заехал на третье место, Венсан Дефран в топ-5, Венсан Же однажды финишировал десятым, Жан-Гийом – 24-м, и Луи Абер – 27-м. Значит, мне нужно было занять место выше 27-го. И у меня было мало возможностей этого достичь.

Мы договорились, что первую гонку, индивидуальную, я пропускаю, и буду участвовать в следующей, спринте. Утром того дня, когда должна была состояться индивидуальная гонка, а я собирался проглотить хорошую тарелку яичницы на завтрак, Стефан Бутьё мне сказал: «Твой брат заболел, ты его заменяешь!» Я ответил: «Хорошо. Но только в том случае, если завтра я не пропускаю спринт. Иначе я не согласен…»

Я завершил гонку на почетном, но все-таки недостаточном 38-м месте. Как и было договорено, назавтра я бежал спринт. И достиг своего первого настоящего успеха. Финишировать десятым – это был выдающийся результат для вчерашнего юниора! Особенно отрадным было то, что я защитил свое место в группе и утвердился как постоянный член сборной Франции.

Чтобы прийти туда, где оказался, я должен был преодолеть две или три горы. Полностью утвердить свои права в течение нескольких месяцев. Пойти наперекор мнению известного врача, выступить против решения шефа сборной Франции. И когда я думаю о разговоре с Венсаном Порре, говорю себе, что иногда

карьера зависит от совсем незначительных вещей…

Итак, я завоевал право участвовать в Кубке мира в январе 2009 года и в предолимпийских стартах в феврале в Ванкувере. И там я снова добился очень большого успеха, заехав в топ-10, после того как занял 15-е место в пасьюте Рупольдинга.

С такими хорошими результатами я обрел свой билет на Олимпиаду! Грааль! Если не случится ничего непредвиденного, я буду участвовать в Играх вместе с моим братом Симоном…

4
Трудный урок Ванкувера

Помню приезд в Уистлер, как будто это было вчера. После долгой утренней переправы на пароме, доставившем нас из базового лагеря на острове горы Вашингтон[8] в Ванкувер, мы сели в автобус и двинулись по шоссе, специально построенном для того, чтобы соединить олимпийский кластер Берегового хребта со столицей Британской Колумбии, до которой теперь было менее двух часов езды.

Выйдя из автобуса, я окунулся в незнакомый, удивительный мир. Даже немного пугающий… Олимпийские игры – миф, который я приготовился развенчать. Но также это Грааль, тысячелетняя история, в которую я собирался вписать, на своем скромном уровне, и собственное имя…

Что-то волшебное есть в олимпийских сооружениях и Олимпийской деревне. Все красивое, новое. Олимпийские кольца – это залог качества и исключительности. Несмотря на грандиозность события, мы все здесь, с широко открытыми глазами, чтобы насладиться этим Диснейлендом для взрослых, охраняемым сильнее, чем сейф швейцарского банка. Чтобы перейти из одного места в другое, нужно пройти через досмотр более жесткий, чем во французских аэропортах во время антитеррористических операций. Но это Олимпийские игры, и мы безропотно подчиняемся правилам.

Дни, отделяющие нас от первой гонки, пролетают с сумасшедшей скоростью.

Мне особенно понравился рельеф трассы. Перед приездом в Уистлер у нас были сомнения в качестве снега из-за близости этого места к Тихому океану, что делает погоду очень переменчивой. В итоге трасса оказалась идеальной. Снег свежий, но на твердой основе. Мне не придется бороться в рыхлом снегу, который, учитывая мои габариты, лишает меня преимущества по сравнению с более легкими соперниками.

Последняя интенсивная тренировка показала, что я в хорошей форме. Я новичок в команде, поэтому мне нечего терять. Чувствую, что нахожусь за спинами Венсана Дефрана, уходящего олимпийского чемпиона, и Симона, который только что получил желтую майку лидера Кубка мира. На них приходится все давление. А я? Не в тени, а скорее в убежище, в хорошей позиции для атаки, даже если сам этого не осознаю…

Их статус заслонил от всех мое впечатляющее начало сезона.

Накануне Олимпиады я занимаю десятую строчку в общем зачете Кубка мира, несмотря на три пропущенные из-за гриппа декабрьские гонки. Я еще не прервал серию из шести подряд топ-8. Я один из самых серьезных аутсайдеров, но, кажется, никто этого пока не заметил. И особенно я сам!

Как всегда, накануне гонки сборная Франции собралась на брифинг в комнате тренеров. Нам дали всю информацию на завтра: расписание, технические советы, инструкции на гонку…

Мы знаем, что во время этого спринта погода будет капризной. Ожидается, что к концу гонки начнется снегопад, и нужно стартовать в первых номерах, чтобы опередить непогоду. Никаких шансов попасть на подиум для тех, кто будет бежать по вязкому свежевыпавшему снегу, приклеивающему лыжи к трассе.

По правилам мое положение в общем зачете Кубка мира позволяет мне получить стартовый номер в первой группе, что обеспечивает мне старт в числе первой тридцатки. У Симона также есть эта возможность. Мы знаем, что дела обстоят сложнее у Венсана Же, который должен будет бежать во 2-й группе, за пределами первых тридцати, и еще хуже у Венсана Дефрана, обреченного на группу 3, то есть дальше 50-го номера.

Но в момент получения стартовых номеров я остолбенел! У Венсана Же номер 6, у Симона – 17, у Венсана Дефрана – 36, и у меня – 44!

Кристиан Дюмон, шеф французского биатлона, объясняет нам, что тренерский штаб изменил стратегию и решил включить Венсана Же в группу, которая предназначалась мне, «чтобы не класть все яйца в одну корзину», а также дать Венсану Дефрану более благоприятный номер.

Я пытаюсь в это въехать, пока Стефан Бутьё продолжает нас инструктировать и напоминает о том, как важно хорошо начать эти Игры, чтобы придать команде позитивную динамику.

Когда все стали расходиться, я все еще оглушен и не могу понять, как так получилось, что принцип справедливости, главенствующий всегда в нашей команде, вдруг был попран. У меня такое чувство, что тренеры решили лишить меня преимущества в пользу одного из моих товарищей.

Симон, понимая мое разочарование, утешает меня словами: «Здорово они тебя надули»[9], которые отлично отражают суть ситуации!

В решающий день облака висят низко, а небо выглядит угрожающе. Когда я стартую, снег еще не начался. Я показываю лучшее время на лыжне до того как небеса разверзаются и хоронят мои надежды. Влажные хлопья снега мгновенно покрывают трассу и приклеивают к ней лыжи. Я пересекаю

финишную черту на 35-м месте после отчаянных двадцати минут, которые превратили мою олимпийскую мечту в восхождение на Голгофу.

Это мой худший результат за сезон, и он пришелся на самую важную гонку.

Я быстро понимаю, что Венсан Же выиграет. Он возглавляет таблицу предварительных результатов, и я знаю, что с изменением погоды никто не сможет его подвинуть.

Очевидно, что он получил стартовый номер, который предназначался мне, и великолепно этим воспользовался.

Меня захлестывает ненависть. Я виню тренеров в том, что они разрушили мою мечту. Мне только 21 год, но я говорю себе, что, возможно, это единственная Олимпиада в моей жизни. Когда прихожу в расположение сборной Франции, все радуются за Венсана. Я тут же начинаю говорить со Стефаном на повышенных тонах, и он приказывает мне успокоиться. Несмотря на гнев, я подчиняюсь. Стефан принадлежит к тем исключительным людям, которые очень редко повышают голос. Если он начинает говорить громче, мы быстро понимаем, что дело серьезно.

В слезах возвращаюсь в Олимпийскую деревню в компании Симона и Венсана Дефрана. Они раздосадованы не меньше меня, но уже имеют опыт грандиозных провалов.

Мы встречаем Робена Дювийяра, нашего друга-лыжника, который после финального отбора, прошедшего сегодня утром, узнал, что не будет участвовать в своей любимой гонке. Направляясь в ресторан Олимпийской деревни, мы, без сомнения, представляем собой отборную команду лузеров этого дня!

Олимпийский ресторан – это особенный опыт. Чтобы уважить кулинарные традиции того «плавильного котла», который представляют собой спортсмены разных стран, есть несколько прилавков, где можно попробовать азиатские, итальянские, европейские блюда…

Мы не выбрали ни один из них, предпочитая утопить наше горе в фастфуде, спонсоре Международного олимпийского комитета, которого мы, как сознательные спортсмены, до сих пор избегали. У нас не было другого способа саморазрушения: алкоголь в Олимпийской деревне под запретом, к тому же вариант напиться был слишком далек от нашего образа жизни… Хуже всего, что в закусочной закончилось «МакФлурри». Воистину дерьмовый день!

Оглядываясь назад, даже если никогда нельзя переписать историю, я знаю, что в этот день не смог бы стать олимпийским чемпионом. Я терял слишком много времени на стрельбе лежа. Но в глубине души у меня осталось сожаление, что я был лишен

возможности использовать шанс, которого заслуживал, который честно заработал на трассе. Хуже того, я упрекаю себя в тогдашнем бездействии и знаю, что никогда больше не позволю себя «надуть», как точно выразился Симон. И если несколько дней спустя я смягчу свою горечь серебряной медалью в масс-старте, я никогда не забуду этот урок.

Этот опыт несправедливости и сожалений изменил мой образ действий, мою карьеру. Он изменил мою жизнь.

Путь открыт

Олимпиада истощила мои силы. Физически и эмоционально. Едва я приехал к Элен в Тулузу, как тут же заболел. Давление исчезло, и тело сбрасывало напряжение. Однако сезон еще не был закончен. Отдохнув несколько дней, я беру палки, винтовку и лыжи, чтобы поехать в Финляндию, где Кубок мира снова вступает в свои права. Я все еще слаб, и тренеры решают не ставить меня в эстафету, предпочитая поберечь мои силы перед спринтом. Утром накануне гонки температура минус 27, но суровость климата быстро ставит меня на ноги. Я выдаю лучший результат за всю свою короткую кубковую карьеру, финишировав третьим. Более того, назавтра я выиграю пасьют, показав 19/20 на стрельбе. Это моя первая победа на Кубке мира.

На этом подиумы не закончились. Мы продолжаем наше полярное турне этапом в Осло, в Норвегии. Я побеждаю в спринте и пасьюте. Несмотря на не очень удачный заключительный этап в России, завершаю этот сезон на пятом месте общего зачета Кубка мира.

> Пятое место в общем зачете открыло мне глаза на очевидную вещь: отныне я могу бороться за звание лучшего биатлониста мира.

Внутри команды атмосфера немного странная. Между мной и Венсаном Же уже появилась смутная напряженность. Я еще не переварил то, что случилось накануне олимпийского спринта, но эта обида не объясняет всего. За Ванкувер я винил тренеров, а не Венсана. На самом деле в команде появилась некоторая размытость отношений. Теперь я знаю, что это довольно обычно для постолимпийского периода. Правда в том, что если Венсан стал медийным лидером команды, знаменем федерации, то спортивная иерархия совершенно другая. Лучший по результатам сезона – это я, новичок в группе, вчерашний юниор, который входит в силу и не собирается на этом останавливаться… Пятое место в общем зачете открыло мне глаза на очевидную вещь: отныне я могу бороться за звание лучшего биатлониста мира. И я верю в свои шансы им стать.

Хмурые дни

Олимпийский сезон закончился, и небо над сборной Франции становится пасмурным. В воздухе чувствуется наэлектризованность, несколько черных туч обещают скорую грозу. В конце сезона Венсан Дефран решил закончить карьеру, и его уход оставил пустоту, к которой мы оказались плохо готовы.

Во время Олимпиады в Турине в 2006 году я только готовился шагнуть в большой спорт. Венсан подарил мне одну из самых прекрасных эмоций, когда я смотрел по телевизору его победу в гонке преследования, первую олимпийскую победу во французском биатлоне. Спустя несколько лет Венсан станет для нас гораздо большим, чем просто товарищем по тренировкам. Он станет для всех старшим братом. Именно с тех пор я считаю его настоящим другом.

Лидерство Венсана было скромным. Обладая должным профессионализмом и харизмой, он при уходе оставил новому поколению ключи от сборной Франции. Он привносил мудрость в повседневную жизнь команды, сглаживал острые ситуации, мешал нам воспринимать все чересчур серьезно, но при этом предостерегал от того, чтобы работа превращалась в балаган.

Помню, как однажды я дурачился вместе с остальной молодежью. На тренировках мы часто играли, прикалывались, и обычно Венсан смотрел на это довольно благосклонно. Но мы не всегда чувствовали, когда нужно остановиться. Венсан же это знал, и в какой-то момент сухо меня одернул: «Слушай, Мартен, всему свое время. Мы здесь для того, чтобы работать!» Замечание кажется безобидным, но когда его произносит олимпийский чемпион на глазах у всех, это ставит всё на свои места. Где-то с полчаса я был обижен и чувствовал себя немного униженным, но потом понял, что это в моих интересах, так же как и в интересах команды. Он не был против шуток, но отводил им ограниченное пространство, чтобы они не вытеснили то, ради чего мы собрались. Работать. Совершенствоваться. Всем вместе.

Благодаря таким случаям сейчас я могу оценить, насколько присутствие Венсана было ценным в моем формировании как спортсмена.

После его ухода средний возраст сборной Франции резко упал и составил около 22 лет. Но уровень команды, наоборот, высок, как никогда прежде.

Я, Симон и Венсан Же – мы трое отныне входим в десятку лучших биатлонистов мира. Алексис Бёф и Жан-Гийом Беатрикс также очень сильны.

Здоровое соперничество, которое задавало тон в конце олимпийского сезона, постепенно исчезает, по мере того как мы вступаем в период тренировок.

Сборы следуют один за другим, и мы замалчиваем ситуацию, которая становится все более трудной. Укрываемся за нашими спортивными целями, чтобы не видеть проблем. Осенью, во время национальных сборов в Юрских горах, мы бьем все рекорды и понимаем, что, без сомнения, команда вышла на новый уровень.

На людях мы производим впечатление сплоченного коллектива, но за кулисами недомолвки и зависть понемногу разъедают команду. С приближением нового сезона и нарастанием давления ситуация начинает напоминать скороварку, готовую вот-вот взорваться.

> На людях мы производим впечатление сплоченного коллектива, но за кулисами недомолвки и зависть понемногу разъедают команду.

У меня не получается найти свое место и получить то внимание, которое мне нужно, чтобы расти дальше. Я завидую статусу Венсана Же, коронованного олимпийского чемпиона в спринте Ванкувера. Ставлю ему в вину, что он не приобщил нас к новой вселенной, которая открылась ему после победы на Олимпиаде. Я бы хотел, чтоб он рассказывал нам то, что ему повезло пережить, но мы узнаем это больше из прессы, чем от него самого. Такой у него характер. Конечно, это происходит из-за его деликатности, но я замыкаюсь в своей злости. Мы всё больше отдаляемся, и у нас не остается ничего общего, кроме совместных тренировок.

Взрыв произойдет во время предсезонного сбора в Швеции. В конце обычной тренировки Венсан выполняет последнюю стрельбу стоя и промахивается одним выстрелом. По обычаю, принятому в мире биатлона, я награждаю его восклицанием «у-у-у», означающем разочарование публики, чтобы уколоть его гордость.

Он реагирует физически. Когда чаша полна, достаточно одной капли… Венсан хватает меня за воротник, и мы уже почти начинаем драться, не снимая лыж, но Зигфрид Мазе, тренер по стрельбе, нас разнимает.

Стефан Бутьё немедленно собирает нас в вакс-кабине[10] и просит выяснить отношения. После нескольких секунд молчания слова вырываются, и мы отводим душу. То, что мы говорим, опережает то, что мы думаем. Дрожание в голосе – почти рыдания – дают мне понять, что этот разговор должен был состояться на несколько месяцев раньше. Мы усугубили ситуацию тем, что

пустили ее на самотек. Но этот петушиный бой стал неизбежным из-за того, что в команде не было спортивной иерархии.

Подобно жизни дикой природы, спорт высоких достижений безжалостен. Как в стае волков, место каждого четко определено, чтобы жизнь группы протекала гармонично. Вплоть до момента, когда молодой волк чувствует себя достаточно сильным, чтобы взять верх над прежним вожаком…

В тот же вечер, во время личного разговора на тему утренней стычки, Стефан и Зиг просят меня уточнить мои цели. Это поворотный момент в карьере. Впервые я доверяю им все свои мысли. По их глазам вижу, что они меня понимают. Мое желание, амбиции, которые я им открываю, кажутся им реалистичными. Ничего общего с утопией, безумными мечтами незрелого спортсмена, не имеющего контакта со спортивной реальностью. Я им говорю то, что у меня на уме: выиграть Кубок мира. И они это принимают.

Спустя несколько дней я подтвержу свои амбиции, завоевав два подиума подряд, позади Бьорндалена и Свендсена, на первых соревнованиях Кубка мира.

Отделиться от Симона

Однако проблема иерархии все еще сохранялась. По мере того как мои результаты улучшались, отношения с Симоном становились все хуже. Я видел, что он несчастен, и чувствовал себя в этом виноватым. Он ни в чем меня не упрекал, – к тому же меня не в чем было упрекнуть, – но все хуже и хуже выносил мой карьерный рост. Отныне я был мерилом успеха. Когда случился переворот, ни он, ни я до конца не поняли, какие эмоциональные механизмы внутри нас были затронуты. До того как я превзошел Симона, я никогда не рассматривал его как соперника. И, думаю, он относился ко мне так же. Когда я только пришел на Кубок мира, Симон был для меня незыблемым авторитетом. Я гордился тем, что я его брат. Будучи юниором, я красовался в его куртке с символикой сборной Франции… Теперь же я стал лидером сборной на глазах у всего мира.

Он рассказал мне это много лет спустя. Он, который всегда вкалывал больше, чем кто бы то ни было, бессознательно чувствовал, что больше, чем я, заслуживает того успеха, который на меня свалился. Это правда, есть некоторая несправедливость в том, что я преуспел раньше его, тогда как он столько отдавал спорту в течение многих лет. Он был стахановцем тренировок, очень ответственно подходил к восстановлению, он полностью посвятил себя спорту. Я же был в гораздо меньшей степени ригористом. Он был полностью погружен в этот мир, а я явно был более отдален. Конечно, я хотел добиться успеха и приносил все необходимые жертвы, но Симон делал гораздо больше. И именно я взлетел вверх, а он замкнулся в порочном круге… Нам не удавалось откровенно об этом поговорить. Мы смотрели друг на друга издалека, я – поднимаясь, он – спускаясь. Это немного портило мне удовольствие, но я не мог его упрекать, потому что это абсолютно не было его целью. Наоборот, Симон мечтал о проекте «братья Фуркады – против всего мира», он представлял, что мы сформируем команду в команде, сплоченную и всегда побеждающую. Он задумал проект для нас двоих, а я в это время незаметно для себя перешел из состояния мальчишки, который боготворит старшего брата, в статус лидера команды…

Между мной и Симоном росло непонимание. Мы оба от этого страдали, конечно, он больше, чем я, но его несчастье могло потопить нас обоих. Однажды Стефан отозвал меня в сторону и сказал: «Ты ничего не можешь сделать для Симона. Только он сам, и никто другой, может решить проблему. Самое лучшее для вас двоих – пусть каждый делает то, что он должен делать, и не

думает о другом. Это единственный выход». Конечно, он был прав. В течение многих месяцев я добровольно носил шоры на глазах, чтобы больше не видеть его печаль. Я покинул нашу общую комнату, которую мы делили с ним с того момента, как я появился на Кубке мира, чтобы каждый мог жить своей жизнью. Он всегда оставался моим старшим братом, но для спорта было необходимо, чтобы я больше на него не оглядывался.

«Номер один»: как это создавалось

Итак, я сделал все, что должен был сделать, чего бы мне это ни стоило, чтобы достичь цели, которую я для себя наметил и которую озвучил перед тренерами. Но только в кино или детских сказках бывает так, что событие наступает сразу, как только ты принял решение. В реальности нужно время, чтобы прийти к желаемому. Я не был готов стать лучшим в мире немедленно, как только нужно. Нужно было пройти полный курс подготовки. Победы, маленькие или большие, происходят по мере твоего поступательного развития, они показывают рост твоей мощи. Тело становится способным наращивать усилия на тренировках. На соревнованиях ты пожинаешь плоды проделанного труда, и это дает моральную силу тренироваться еще интенсивнее. Интенсивнее и качественнее, с постоянным ростом профессионализма. Образуется благотворный круг.

В 2011 году я был еще слишком нестабилен в течение сезона, чтобы поспорить за первое место с Эмилем Свендсеном, который на три года старше меня, и Тарьеем Бё, который тогда показывал высочайший уровень. Они были на вершине постоянно, я же переживал минуты славы время от времени.

Как, например, на чемпионате мира в Ханты-Мансийске, в Сибири. После бронзы в смешанной эстафете, завоеванной вместе с Мари Дорен, Мари-Лор Брюне и Алексисом Бёфом, я был вторым в спринте, а на следующий день выиграл гонку преследования впереди Эмиля и Тарьея. Подиум мечты для моего первого золота с главных стартов.

Я тщательно спланировал свой спортивный путь. Дал себе четыре года, олимпийский цикл, чтобы приехать в Сочи в совершенно другой роли, чем это было в Ванкувере. Я поставил промежуточные цели: выиграть на этапе Кубка мира, выиграть на чемпионате мира. Потом победить в общем зачете Кубка мира. Быть лучшим в течение всего года. Необходимо, чтобы я выполнил все эти пункты перед Сочи. Я постоянно говорил себе: «Если ты этого не сделаешь, ты не сможешь, приехав на Игры, быть неоспоримым лидером».

Не только для того, чтобы всегда иметь хороший стартовый номер или чтобы не отдавать свою судьбу в руки тренеров, которые могут сделать выбор не в мою пользу. Я хотел быть как можно лучше, чтобы чувствовать себя в своей тарелке, иметь право себе сказать: «С точки зрения статистики лучший в мире имеет больше шансов выиграть Олимпиаду, чем его соперники».

> Я хотел быть как можно лучше, чтобы чувствовать себя в своей тарелке, иметь право себе сказать: «С точки зрения статистики лучший в мире имеет больше шансов выиграть Олимпиаду, чем его соперники».

Я постепенно наращивал количество тренировочных часов. Стал уделять еще больше внимания стрельбе, для этого я обязан был ужесточить мотивацию. Чтобы нести меньше потерь, если стрельба не задалась как на тренировке, так и в гонках. Я продолжал прикладывать усилия, когда было тяжело, когда больше не было желания. Даже когда я боролся не за подиум, а за девятое место. Только так можно победить в общем зачете Кубка мира. Никогда ничего не упуская, сражаясь за каждое очко в турнирной таблице.

Я знал этот постулат, но мне нужен был небольшой щелчок по носу, чтобы понять его до конца. В январе 2011 года Canal+ делал со мной передачу «Спорт изнутри». В Оберхофе журналист беседовал с Зигфридом Мазе, тренером по стрельбе, который обронил, немного разочарованный моим выступлением в этот день: «Мартен не сможет бороться за Кубок мира с такими парнями, как Свендсен, если он опускает руки всякий раз, когда что-то не получается». Он говорил мне то же самое накануне, в личном разговоре между спортсменом и тренером. Когда я узнал, что он повторил это публично, разозлился. Но, когда же услышал это снова во время показа передачи, был потрясен. Я, наконец, понял. И больше не забыл.

У меня также было большое пространство для прогресса в гонках на время. Насколько я свободно чувствовал себя в масс-стартах и пасьютах, настолько же мне было тяжело в гонках с раздельным стартом. Над этим мы работали вместе со Стефаном Бутьё. Я провел много пороговых тренировок[11], чтобы лучше узнать себя, свое тело и его физиологию, чтобы понять, до какой степени я могу сдвигать предел возможностей и сколько времени могу в этом состоянии находиться. Эта необходимая работа сделала из меня универсального биатлониста. На сегодня именно в индивидуальной гонке у меня самый высокий процент выигранных соревнований, тогда как раньше это было действительно мое слабое место.

Встать на путь прогресса – это не только личный вызов. Когда каждый решает, что будет все делать как можно лучше, вперед продвигается весь коллектив. Команда Франции тоже создавалась в этот период. Я бы сказал, воссоздавалась. После периода Пуаре Байи[12], даже если Венсан Дефран и Флоранс Баварель стали олимпийскими чемпионами в 2006 году, команда Франции год от

года теряла позиции в зачете Кубка наций. В 2008 году было совершенно нереально бороться за место в тройке лучших биатлонных сборных.

Спустя три года мы стали одной из сильнейших команд в мире. Положительная динамика захватила нас, и мы почувствовали азарт. Мы видели, что все становится возможным, все включились в эту игру: спортсмены и персонал, парни и девушки. Мы вместе росли, оттачивали наши цели. Победы Венсана Же, Мари-Лор Брюне, Мари Дорен и, конечно, мои собственные создали тягу, стремление. Вдохновение.

5
Лучший биатлонист мира

В декабре 2011 года, за несколько месяцев до того, как в первый раз победить в общем зачете Кубка мира, я попал в аварию на мотоцикле. В рождественские праздники мы гостили у бабушки Элен в долине Асп. Я ушел на пробежку и, возвращаясь, встретил ее двоюродных братьев, которые ехали на мотоцикле для триала. Я попросил их дать мне попробовать… Хотел просто сесть на мотоцикл и сделать небольшой круг, как на обычном скутере. Я недооценил мощность этого зверя. Слишком сильно нажал на газ и мотоцикл встал на дыбы. Я пробежал несколько метров за ним, зацепившись за руль, пока он не повернул в мою сторону. У меня был совершенно дурацкий вид, как в тех видео, которые гуляют по Сети, но, что хуже, повредились левое колено и запястье.

В канун Рождества я очутился у старого деревенского доктора, который был на пенсии уже несколько десятилетий! Или это, или ехать в ближайший город и торчать там в больнице. Я предпочел остаться в деревне… Бывший врач нашел у себя древний хирургический набор, но его руки так дрожали, что я сказал: «Объясните, что надо сделать, я попробую сам». Рассказывая этот случай, я могу прослыть Рэмбо, но правда в том, что врач, несмотря на все свое желание, не смог бы меня зашить дрожащими руками. Настоящим мужеством было бы позволить ему это сделать… Возможно, даже безумием!

Через несколько дней я уехал с травмированным запястьем в Германию, на этап Кубка мира в Оберхофе. Боялся, что сломал ладьевидную кость, так как не мог толкаться палками. Я солгал тренерам, сказав, что упал во время пробежки… Не из-за страха, что меня станут бранить, а потому что не хотел, чтобы меня доставали с этим весь оставшийся сезон, чтобы журналисты снимали сливки с моей глупости. Я считал: уже достаточно наказан!

Чтобы я мог участвовать в первой гонке, врач выписал сильное обезболивающее – «Трамадол». Я принимал его первый раз в жизни. Мы оба не могли предположить, что у меня окажется аллергия на эту гадость. Всю ночь меня рвало, болел три дня, но, однако, принял участие в масс-старте, стараясь отыграть несколько очков и спасти свою майку лидера Кубка мира. Я финишировал 13-м, несмотря на 20 из 20 на стрельбе! Это мне временно стоило потери лидерства в общем зачете. Оглядываясь

назад, могу сказать, что именно тот случай сделал сезон таким захватывающим, ведь пришлось бороться с Эмилем Свендсеном вплоть до последнего этапа в сибирском Ханты-Мансийске…

В Хантах в наших комнатах стоит ужасная жара. Радиаторы отопления без регуляторов. Чтобы охладить комнату ниже сорока градусов, нужно открывать окно. Так как снаружи минус двадцать, сложно достичь нужной температуры, особенно ночью, когда пытаешься поспать! К тому же такая манера регулировать температуру очень экологична… Так же, как и слив в туалете, который работает не переставая.

Я плохо сплю, скорее, даже совсем не сплю. Мне не удается обуздать четыре часа разницы во времени с Францией. Эмиль Свендсен еще может лишить меня моей мечты. Мы движемся ноздря в ноздрю к «Хрустальному глобусу», предназначенному победителю общего зачета Кубка мира по биатлону. Остались три гонки, первая из них – завтра, а я выжат как лимон. Два или три часа ночи, бессонница не оставляет меня, а книга, которую я читаю перед сном, закончена. Волнуюсь, не знаю, что делать. Итак, я пишу… своим тренерам. Чтобы занять время, постараться успокоиться и наконец уснуть.

Мне есть, что им сказать: то, что завтра не будет иметь такого значения, после гонки, когда партия будет, возможно, уже сыграна. Потому что не дурак и хорошо знаю, что первое соревнование задает тон всем остальным, а значит, на кону стоит мое место лучшего биатлониста мира…

Несколько лет спустя эти слова покажутся мне довольно наивными. Но это именно то, что я написал в ту ночь, во всей искренности того момента.

«Появилось желание написать, чтобы немного выплеснуть мои эмоции…

До спринта несколько часов. В час, когда я это пишу, никто не знает, кому в воскресенье достанется Большой хрустальный глобус.

Особенно я, даже будучи успокоен книгой моего друга Килиана Жорнета «Бежать или умереть», полон сомнений и всяких мыслей вот уже два дня.

Сомнения, которые во мне поселились, позволяют мне отойти немного в сторону, посмотреть с высоты на эмоции, которые я переживал в течение сезона.

Гордость, радость, но также неуверенность и слезы, эти верные спутники спортсмена высокого уровня.

Такая неопределенность позволяет мне также осознать, что сезон был великолепным не из-за подиумов и побед, а благодаря эмоциям, пережитым вместе с фантастической командой.

Конечно, я думаю обо всех, кто мне помог здесь оказаться, но история этого «Глобуса» более личная.

Она была написана вместе со Стефом, Зигом, Кристианом, Грегом, Батистом, Ксавье, Лионелем, Пауло, Бруно, Алексом, Брисом, Йо, Кентеном, Оливье, Алексом, с нашей дружеской командой Симон/Жан-Ги/Алекс/Луи/Венсан и, конечно, с моей спутницей Элен.

Спасибо, что весь этот год вы были рядом, выдерживали мои капризы, сомнения и помогали мне всегда смотреть в будущее.

Спасибо, что пережили вместе со мной эти ежедневные сражения.

Я никогда не смог бы представить не только эмоции, которые вызывает борьба за Кубок мира, но и те ресурсы, которые должен был вложить, чтобы оказаться здесь за три гонки до конца сезона. Я удивлен, поражен, многое понял и многого добился.

Конечно, я совершал ошибки с бóльшими или меньшими последствиями, но смог преодолеть каждую из них. Мне удалось добиться успехов, которые останутся в моей памяти.

Итак, каким бы ни был результат уик-энда, я запомню эти моменты, и мы переживем вместе нашу радость или нашу боль.

Спасибо также Эмилю и остальным, кто сделал эту битву такой трудной.

Сегодня днем, в 16 часов, я пойду завоевывать этот «Глобус» для вас!»

Я его выиграл, последний спринт сезона 2011/12. Эмиль же гонку провалил. Это не очень милосердно, но когда на последней стрельбе я увидел краем глаза, что он отправился на штрафной круг, я испустил громкое молчаливое «Да-а-а!» Если не случится ядерной катастрофы, я выиграю мой первый «Хрустальный глобус».

Конечно, эта победа не имеет такого немедленного, явственного вкуса, как олимпийское золото, но со спортивной точки зрения она говорит о гораздо большем. Перипетии гонки одного дня могут сделать так, что ты станешь олимпийским чемпионом, не будучи при этом лучшим в мире. Можно поймать удачу – и талант заключается в том, чтобы это сделать! Можно быть на вершине один день и завоевать золотую медаль, заслуженную, потому что незаслуженного олимпийского золота не бывает. Но победить в общем зачете Кубка мира в спортивном мире ценится гораздо выше. Это труднее: нужно выигрывать, снова выигрывать, стараться отыграть малейшие очки даже в

неудачные дни, чтобы не растратить преимущество, которое ты заработал в дни удачные. «Большой Хрустальный глобус» в глазах публики стоит намного меньше, чем олимпийское золото, но в спортивной среде он имеет огромное значение. При завоевании его, возможности взять его в руки я просто-напросто заявляю о себе как о лучшем в мире биатлонисте.

К тому же ненароком я положил начало той книге, которую вы держите в руках…

Зачем нужна книга?

Раз уж мы о ней заговорили, давайте остановимся на этом моменте. Наверное, я еще слишком молод, чтобы рассказывать о своей жизни, положить ее на бумагу и претендовать на то, чтобы сделать из нее книгу. Но в мире большого спорта взрослеешь очень быстро. Не случайно для нас выход на пенсию наступает в возрасте, когда для прочих смертных это событие представляется весьма отдаленной перспективой. Соревнования тебя используют, формируют и разрушают. Они позволяют многое испытать, ощутить очень сильные эмоции. Это ускоренная школа жизни, уникальный опыт познания себя. И, возможно, в моем возрасте мне уже есть что рассказать… В любом случае, начиная с того первого письма тренерам, я не переставал записывать свои впечатления, эмоции, желания, все то, что было на сердце.

К написанию книги меня побудили воспоминания о важных событиях, которые остались вне поля зрения прессы. Если идея сделать из этого книгу появилась довольно быстро, то вначале речь шла о том, чтобы не забыть моменты, которые я считал основополагающими в том, кем я стал как спортсмен и особенно как человек. Только я один знал, насколько значимыми были эти моменты, и не хотел быть единственным, кто понимает их важность. Еще мне нужно было сказать какие-то вещи моим близким, команде.

Например, история первой олимпийской гонки в Ванкувере изменила мой взгляд на спорт, она позволила осознать, что я должен быть безупречным, чтобы несправедливость в отношении меня никогда не повторилась. Этот эпизод обусловил все, что случилось потом. Такой образ мыслей – стать бесспорно лучшим, чтобы никогда случай не обернулся мне во вред, – в корне перевернул мою карьеру. Я никогда ни с кем не говорил, за исключением реакций сгоряча, о том самом «тебя здорово надули», как когда-то мне бросил Симон. Нужно было освободиться. Высказать. Невозможно представить, что я буду когда-то еще раз обсуждать это с моими тренерами, и лучшим способом, самым спокойным, было описать это в книге.

Я хотел иметь возможность все вспомнить до того, как время исказит воспоминания, факты и особенно мое восприятие. Хотел сохранить точный вкус момента, был ли он сладким или горьким. Запечатлеть его, чтобы никогда не забыть.

Это может показаться извращением, но я говорю себе: «Если завтра тебя не станет, по крайней мере не будет сожалений, что ты хранил в себе то, чем хотел бы поделиться». Да, это также

завещание, которое я пишу сезон за сезоном, начиная с того первого письма моим тренерам.

На самом деле я не собирался представлять эти кусочки жизни широкой публике. Записывая маленькие истории в укромном углу, я часто адресовал их кому-то конкретно. Моему тренеру, Венсану Же, брату Симону, моей спутнице Элен…

> Я также говорю себе: «Если завтра тебя не станет, по крайней мере не будет сожалений, что ты хранил в себе то, чем хотел бы поделиться».

Гораздо позже, перечитывая записи, чтобы проверить, не выставил ли я себя необоснованно положительным героем, я сказал себе: пожалуй, это может представлять какой-то интерес и за пределами узкого круга друзей, семьи или коллег. Я уважал людей, о которых говорил, и частную жизнь членов сборной. Не предавал ничьих интересов, раскрывая свои личные переживания событий. Я лишь свидетельствовал, так честно, как только мог, о вещах, которые меня сформировали.

Я публикую книгу не для того, чтобы произвести сенсацию или заработать деньги, мой проект не имеет ничего общего с целями, которые мне часто приписывают. Я просто хочу дать привилегированный доступ тем, кого это интересует. Доступ к тому знанию, кто я есть и как им стал.

Элен, единственная, кто регулярно читал главы этой книги, мягко подтрунивала надо мной, когда, не написав ни строчки в течение восьми месяцев, я просил ее прокомментировать очередной отрывок. Она очень быстро поняла, что мои литературные упражнения повторялись каждый раз, как мы уезжали на каникулы; это позволяло мне подвести черту под прошедшим сезоном и переключиться на следующий. Я чувствовал потребность составить отчет о закончившемся сезоне, выделить самые значимые для меня события. В менеджменте это называлось бы «провести оценку собственной деятельности»!

Помню сомнения Элен во время чтения: «Ты уверен, что хочешь, чтобы люди об этом знали? Не боишься показаться склочным?» Она говорила об отрывках, где я выражал чувства, которые обычно не принято показывать – например, ревность или злопамятность. Но я хотел быть искренним. Мне неинтересно рассказывать мою историю для того, чтобы приукрасить реальность. Я тот, кто я есть, и не извлекаю из этого ни стыда, ни гордости. Потом Элен со мной согласилась: «В итоге ты прав. Когда читаешь до конца, лучше понимаешь, что ты чувствовал, это более человечно…»

В этом весь смысл. Быть объективным и честным. Я прекрасно

понимаю, что в моем желании открыть свою жизнь есть доля нарциссизма. Я также думаю, что в некотором роде это попытка психоанализа. Высказать то, что на душе, – это для меня способ лучше ужиться со всем, сделать так, чтобы плохие воспоминания больше не стояли поперек горла, а хорошие не превратили меня в суперэгоцентрика. Надеюсь, еще не слишком поздно!

У меня нет желания разыгрывать ложную скромность. Я хорошо понимаю, что моя история во многих аспектах уникальна. Титулы, которых я добился, и сохраняющееся желание завоевать следующие показывают мне, что во мне есть нечто особенное. Я не стремлюсь узнать, хорошее или плохое. Просто хочу попытаться понять, откуда это взялось, из какой трещины, из каких внутренних сил, из какого приятного или болезненного опыта, из каких встреч или событий, предопределенных либо случайных. Наверняка, предопределенных… Я больше верю в судьбу, чем в случайность!

К тому же, помимо самоанализа, я говорю себе, что книга может быть интересна спортсменам высокого уровня и некоторым любителям спорта. Что они узнают что-то для себя новое, если я честно расскажу о своем опыте. Это я и делаю…

6
Золото для меня, серебро для Симона

Борьба за Кубок меня изнурила. Гнаться за очками каждую неделю, в каждом соревновании в течение всей зимы, не упускать ничего, стараться ограничить потери, которые случаются в неудачные дни, максимизировать выигрыш в хорошие дни, всегда быть сфокусированным на цели… Я не мог представить, насколько победа в Кубке мира окажется дорогостоящей в плане затрат энергии. В конце сезона 2011/12 я сказал себе: «Больше никогда, это слишком трудно!»

С тех пор в конце каждого сезона я получаю «Хрустальный глобус», который присуждается победителю общего зачета. Шесть раз подряд… Но после первого «Глобуса» я был убежден, что у меня не будет моральных и физических сил повторить это снова. Я думал, что лучше буду бороться за «Малые Хрустальные глобусы», в отдельных дисциплинах и за медали чемпионатов мира.

Надо сказать, что перед моим успехом в Ханты-Мансийске я провел исключительный чемпионат мира. Однако я приехал в Рупольдинг с единственной целью: заработать как можно больше очков в общем зачете, потому что в биатлоне результаты чемпионата мира идут в зачет Кубка мира.

Смешанная эстафета, которая открывала чемпионат, прошла довольно неудачно. Девушки проявили себя очень хорошо, но Симон, который бежал на третьем этапе, пережил один из моментов, которые никому не пожелаешь в командном соревновании. Когда я принял эстафету, игра была уже сыграна, и даже Супермен не смог бы победить в этой ситуации. Поэтому я завершил эстафету без надрыва, экономя силы на будущее. На следующий день, перед тем как уйти на старт в спринте, я встретил Симона в вакс-кабине. Совершенно не помню эту сцену, но он рассказал мне много лет спустя, что я его подбодрил несколькими братскими словами. Что он был в отчаянии, и внимание, которое я к нему проявил, очень ему помогло. Он даже убежден, что именно с того разговора начала восстанавливаться наша близость – для него это было поворотным моментом. Поразительно, насколько по-разному люди воспринимают одно и то же событие. Лично я запомнил гонку. Она задала прекрасное начало серии личных гонок на этом чемпионате. Я победил,

отстреляв только 8 из 10, но имея супервремя на лыжне. Помню также, что потом выиграл гонку преследования с 16 из 20 на стрельбе… Что касается Симона, если говорить о моменте, который нас объединил, то у меня в памяти осталась только индивидуальная гонка.

Я провалил свою гонку, имея хороший лыжный ход, но пять промахов, и понимал, что финиширую далеко от лидеров. Случайность распределения стартовых номеров сделала так, что на последнем круге я оказался рядом с Симоном. Он боролся за подиум, и я решил по возможности ему помочь. На Кубке мира по биатлону нет таких состязаний, но я взялся провести вместе с ним командную гонку[13]. Я задавал темп на подъемах, чтобы на спусках он мог перевести дыхание и меня обогнать. Потом я должен был сделать сильный рывок, чтобы снова обогнать его перед следующим подъемом и начать цикл заново… Возможно, это и не оказало большого влияния на результат соревнования, но я был счастлив чувствовать, что помогаю брату. И когда увидел его сияющим на подиуме, с серебряной медалью на шее, ощутил, как к горлу подкатывает ком от нахлынувших эмоций…

> С тех пор в конце каждого сезона я получаю «Хрустальный глобус», который присуждается победителю общего зачета. Шесть раз подряд…

Тем не менее я был расстроен, что провалил собственную гонку. Комментарии журналистов, которые после пасьюта уже мечтали о том, что я возьму «Большой шлем», еще больше растравляли рану. Может быть, именно это способствовало победе в масс-старте? Не знаю. В любом случае я провел великолепную гонку, выше своего уровня на тот момент, отстреляв 18 из 20 и показав лучшее время на лыжне. Помню конец гонки, когда ушел с огневого рубежа вторым, обошел лидера и в одиночестве пересек финишную черту, а затем на ходу сбросил лыжи и поднял их высоко над головой!

Тщательно разработанный план

С тех пор как я возобновил тренировки, в отличие ото всех – первого мая, все складывается прекрасно в моей подготовке к Сочи. Тяжесть тренировок увеличивается от сбора к сбору, и мое тело реагирует лучше, чем когда-либо, на ту работу, которую я ему задаю. Чувствую себя сильным. Конечно, есть физическая усталость, спровоцированная нагрузками, но она в пределах нормы. Я ощущаю легкость, как будто уже готов выйти на старт соревнований.

Когда просыпаюсь утром, то не чувствую ни боли, ни ломоты в мышцах, несмотря на объем тренировок, проделанных накануне. Это сладостное ощущение, почти эйфория. За четыре месяца я накопил более 300 часов физических тренировок, 55 дней на сборах, которых более 50 – на высоте более 1700 м, чтобы подготовить организм к соревнованиям на стадионе «Лаура», где будут происходить биатлонные гонки в олимпийском Сочи.

Я не хочу оставлять ничего на волю случая и тщательно выверяю все нюансы подготовки. По возможности избегаю долгих переездов, что стало моей постоянной заботой, так как они означают потерю времени и энергии. Мои близкие стали незаменимыми союзниками. Стефан делает все возможное, чтобы встретить меня в аэропорту Франкфурта, пока вся команда проводит девять часов в автобусе, переезжая из Франции в Оберхоф. Элен ведет машину, в то время как я преодолеваю путь на велосипеде, что позволяет мне совместить приятное с полезным…

Все складывается наилучшим образом, но тень олимпийских колец становится гнетущей – Олимпиада в Сочи приближается и давление растет.

Как часто бывает при усилении напряжения, я становлюсь раздражительным, плохо воспринимаю критику и постепенно закрываюсь в себе. Я взвинчен, и даже если со стыдом чувствую, что мои реакции чрезмерны, то мне сложно их изменить. На самом деле я не способен себе сказать: «Ты воспринимаешь все слишком близко к сердцу! Это чересчур!» Я реагирую на небольшие возражения как на агрессию. И не в том состоянии, чтобы увидеть, что перебарщиваю. Это делает меня сложным человеком для моего окружения. Я не так весел, отзывчив, открыт. Поэтому иногда отдалялся от команды, чтобы не портить общую атмосферу. Лучше уж буду ворчать в одиночестве!

Обычно я довольно-таки сговорчивый и терпимый человек.

Почти покладистый. Но в подобные моменты опасаюсь, что стал старым брюзгой! Мы можем остановиться в очень хорошем отеле, но если лейка душа сломана, это меня раздражает гораздо больше, чем обычно. Мельчайшее отступление от обычного распорядка может выбить меня из колеи. Когда тренер предлагает изменения заранее намеченной программы, даже самые незначительные, я их отвергаю. Предпочитаю оставаться на своих рельсах, делать все, как привык. Мне нравится чувствовать, что я все предусмотрел, учел, спланировал. Сделал решающий выбор в непонятной ситуации. И затем не отступил от него!

В сентябре, как и предполагалось, мы приезжаем на сбор в местечко, которое я хорошо знаю с юношеских лет, чтобы продолжать нашу подготовку, спокойно, насколько это возможно. Обертиллиах – одно из мест, где время кажется застывшим, идеальный открыточный образ сельской горной Австрии. Здесь снимались несколько сцен из последнего фильма про Джеймса Бонда, экшен с погонями на лыжах, на машине, на самолете, бесконечные перестрелки и злодеи, падающие, как мухи.

То бабье лето больше напоминало фильм «Хайди»: залитые солнцем пастбища, окруженные горами, настолько совершенными, будто вышли из кадров аниме. На каждом поле одинаковые деревянные сараи для хранения сена. Повсюду большие дома в альпийском стиле, герани на балконах, аккуратные изгороди, которые перекрашивают каждым летом, поленницы дров, выровненные до миллиметра, так что задаешься вопросом, как местные деревья могли произвести настолько одинаковые дрова!

Чтобы предупредить ажиотаж в прессе, который случится в феврале, я согласился, чтобы меня сопровождала съемочная группа Stade 2, делавшая обо мне большую передачу. Я всегда был любознательным, и работа с журналистами мне интересна, потому что она предполагает обмен мнениями и дискуссии. В юности хотел стать спортивным журналистом. Это среда, которую я люблю не из нарциссизма, расчета или выгоды, а потому, что она позволяет встречать людей, обладающих богатым опытом, с которыми мне нравится общаться. Эта сторона моей профессии никогда не казалась мне обременительной. Конечно, иногда немного однообразной, но я всегда безотказно выполнял обязательства перед прессой.

Некоторые рассматривают работу со СМИ как неудобство и даже подставу, но у меня так не было никогда. Естественно, меня предупреждали, что мой имидж может быть искажен журналистами, если я перестану за ним следить. Но я не стремлюсь выдать себя за героя, а хочу показать, кто я есть на

самом деле, поэтому такие опасения мне чужды. Думаю, если останусь самим собой при общении с журналистами, они с меньшей вероятностью исказят мое настоящее «я». Закрываясь слишком сильно, блокируя информацию, добиваешься противоположного эффекта: твой образ начинает жить собственной жизнью и все меньше напоминает реальность. К тому же, полагаю, если быть естественным, милым и приятным с людьми, у них будет меньше желания говорить о тебе плохо. И наоборот, спортсмен, который всем отказывает, в итоге поплатится за это, когда дела у него пойдут хуже.

Как бы там ни было, с журналистами или без, я начинаю испытывать все большее беспокойство, несмотря на красоту австрийской осени и идиллический пейзаж. Снова становлюсь раздражительным, не таким уравновешенным. Я не люблю это ощущение, оно заставляет чувствовать себя менее сильным, чем есть на самом деле. Это как история со стаканом, который наполовину полон или наполовину пуст.

Стресс заставляет меня видеть негативную сторону вещей. В нашей дисциплине в период с мая по ноябрь можно пересчитать по пальцам руки те случаи, когда на тренировке ты работаешь на пределе возможностей. Обычно мы проводим долгие тренировки, часто довольно нудные. Легко оценить свою физическую форму во время интенсивной тренировки. Скорость, на которой ты входишь в анаэробную зону, и способность из нее выйти позволяют понять, в какой форме ты сейчас находишься. Во время длинных тренировок нет цели достичь анаэробного порога, полностью выложиться. Наоборот, нужно наращивать часы и километры, но так, чтобы не слишком переутомиться. Уверенность в себе и моральное состояние, таким образом, играют огромную роль в том, как ты воспринимаешь собственную форму. Конечно, есть индикаторы, например измерение частоты сердечных сокращений. Но она зависит от многих условий: температуры, усталости. Также есть измерение уровня молочной кислоты – капля крови из кончика пальца, как делают диабетики для измерения уровня глюкозы, – но и оно не служит идеальным индикатором.

> Но я не стремлюсь выдать себя за героя, а хочу показать, кто я есть на самом деле, поэтому такие опасения мне чужды.

Я испытываю стресс, и это должно ощущаться теми, кто знает меня, как собственного сына. Стефану Бутьё и на этот раз удается найти правильные слова. Утром, когда мы, как обычно, наматываем километры на лыжероллерах по великолепной

тирольской трассе, Стефан, который стоит на своем посту в конце длинного пологого подъема, останавливает меня, чтобы обсудить технику. Он прекрасно знает, что я это ненавижу, предпочитая разборы в спокойной обстановке после тренировки. Он советует немного повернуть опорную руку, чтобы добиться большей плавности, но главное не в этом. Когда я собираюсь продолжить тренировку, он окликает меня и произносит с видом доброжелательным, хотя и немного насмешливым: «Перестань волноваться, у тебя будет этот титул, по-другому и быть не может!»

Мы обмениваемся короткими улыбками, и я знаю, что эти слова помогут. Моя самая большая мечта отныне превратилась в уверенность. Через несколько месяцев я стану олимпийским чемпионом.

Перевести дух

С начала летней подготовки было очень мало отдыха – всего лишь два дня, проведенные с Элен. Это было три месяца назад. Романтический уик-энд в Кот-Вермей[14], чтобы отрешиться от забот и набраться сил. Нет лучшего отдыха, чем загорать в бухточке, куда мы доплыли на каноэ, а потом провести вечер на музыкальном фестивале в Аржелес-сюр-Мер, слушая Madness, Cali и C2C.

Но та летняя передышка осталась в прошлом, и я чувствую потребность освежить голову в последний раз перед началом сезона.

Элен подготовила мне сюрприз: 14 сентября все друзья собрались у нас, чтобы отпраздновать мой день рождения… о котором я забыл. Хуже того, двумя днями раньше, когда Элен спросила меня, что я собираюсь делать на выходных, я ответил: «Ничего особенного, хочу спокойно побыть дома!» Я понял, что ее огорчил мой ответ, она уже все организовала, а я, как идиот, чуть не испортил сюрприз.

В итоге я был очень счастлив благодаря ее затее. Этот праздник доставил мне большую радость.

Нас собралось около двадцати человек: мои братья, мои лучшие друзья-лыжники (Луи Абер, Мари Дорен, Робен Дювийяр, Жан-Гийом, Жарно, Эмрик, Мартен), товарищи по Преманону и даже друзья детства из Фон-Ромё, которые специально ко мне приехали.

У меня немного близких друзей, но я знаю, что всегда могу рассчитывать на их поддержку, так же как и на здоровую критику. Большинство из них биатлонисты, и я уверен, что мои регалии не играют главную роль в наших отношениях. Для меня это очень важно. Я не хочу, чтобы меня путали с тем, чего я достиг, чтобы это заслоняло мою личность, и мой «успех» (я поставил это в кавычки!), спортивный или общественный, повредил человеческим отношениям.

Мне нужно, чтобы меня любили за то, кто я есть, а не за то, что я делаю. Это важно для меня. Возможно, потому, что в глубине души я сознаю, что спортивные успехи конечны, и не хочу, чтобы дружеские связи закончились вместе с ними. Я до сих пор очень привязан к друзьям, которые были еще до побед, к связям, которые я построил в прошлом. Они более просты и естественны. Некоторая моя известность здесь не принимается в расчет. Я знаю, что они честны, независимо от моей скромной славы.

Я не хочу, чтобы меня путали с тем, что я достиг, чтобы это заслоняло мою личность.

В этот период года, учитывая спортивный календарь, не стоит рассчитывать на праздник до рассвета. Нам пришлось пойти спать в час ночи после отличного ужина и максимум одной-двух кружек пива.

Я не монах, у меня тоже бывают шумные вечеринки, особенно в конце сезона, но в период подготовки к сезону пропуск тренировок обходится настолько дорого, что у меня нет никакого желания его делать. Это также связано с физиологией. Если я ложусь спать в полночь, то на следующий день я чувствую себя неважно на тренировке. И наоборот, осознание, что я «делаю все правильно» придает мне сил. Знание, что я был безупречен в плане здорового образа жизни, никогда не соглашался ни на малейший компромисс, – это важная часть моей уверенности в себе и моего спокойствия. Но я не ханжа и не буду бесконечно винить себя за кружку пива. Знаю некоторых, кто гораздо радикальнее меня!

Этот вечер с друзьями, с Элен, был последним глотком воздуха, который был мне нужен на пути к Сочи.

Когда наступает время собирать чемодан перед отъездом на первые зимние сборы, я знаю, что не мог бы и мечтать о лучшей предсезонной подготовке; это большое облегчение. У меня грандиозная цель, но я сделал все что мог, чтобы ее осуществить.

Теперь мы ступаем в гущу событий, остается только три месяца до дня Х. Моя подготовка нацелена на успех в Сочи, но я должен начать сезон на вершине, чтобы накопить уверенность, которая нужна. Однако все начнется не так, как я рассчитывал…

Конец света

Я планировал начать сезон на норвежских отборочных соревнованиях в Шушене. Уровень участников очень высок, так как здесь разыгрываются места в сборной Норвегии на предстоящий сезон.

В этой маленькой стране с пятью миллионами жителей, где бóльшая часть территории покрыта снегом всю зиму, лыжи – национальная религия. Дети встают на лыжи раньше, чем учатся ходить. Имея бюджет в три раза больше нашего, норвежская команда остается неизменным лидером мирового биатлона. За последние восемнадцать лет только трем «чужакам» удалось поколебать их владычество и выиграть Кубок мира: немцу Михаэлю Грайсу в 2007-м и двум храбрым французам: Рафаэлю Пуаре и мне…

Погрузиться в гущу событий без излишнего давления и оценить свой уровень рядом с самыми серьезными соперниками стало для меня идеальным решением. При условии, что результаты будут соответствовать моим ожиданиям…

Первая гонка проходит так себе. Показав 9/10 на стрельбе, я финиширую пятым в двадцати секундах от Эмиля Свендсена, лидера норвежского биатлона и, попутно, моего вечного конкурента. Я тут же теряю часть своей уверенности.

За этим немного затасканным выражением скрывается одно из важнейших слагаемых успеха. Пятое место не соответствует уровню, который, как я полагал, у меня имеется на этой стадии подготовки. Ошибка в оценке своих сил толкает меня к тому, чтобы видеть только негативную сторону реальности, замечать исключительно то, что не получилось. Восприятие самого себя во многом зависит от того, преуспел ты или потерпел поражение. Когда есть уверенность в себе, ты действуешь свободно, совершаешь правильные поступки и задаешь себе хорошие вопросы. Наоборот, если тебя одолели сомнения, ты склонен постоянно делать наихудший выбор, и мучаешься никчемными вопросами, которые усиливают сомнения и вовлекают тебя в порочный круг…

Масс-старт на следующий день будет настоящей катастрофой. Я наматываю штрафные круги и едва поспеваю на лыжах за норвежскими юниорами! Устал и нервничаю, и, пройдя две трети гонки, сдаюсь и схожу с дистанции. У меня непроницаемое лицо, разгневанный вид и мрачный взгляд. Некоторые спортсмены подпитываются этим топливом – гневом, яростью. Это не мой случай и поэтому подобные моменты сильно

запоминаются. Думаю, в таком состоянии я не тот, кто есть в глубине души. И этого не люблю.

Ухожу и, держа в руках лыжи, возвращаюсь в свой дом, где смотрю по телевизору окончание сражения, из которого мечтал выйти победителем. Я повержен, подавлен. Не могу понять, почему у меня не получилась гонка, тогда как я был уверен в своей готовности. Для меня это просто конец света. Крушение мира. Знаю, эти слова могут показаться преувеличением, почти кощунством. Но вся моя жизнь построена вокруг биатлона и успеха в нем.

До официального открытия сезона осталась неделя, а я уже растерял всю уверенность в себе. Как часто бывает, когда что-то не получается, я беру несколько дней отдыха, чтобы вновь обрести силы. Об этом часто забывают, но отдых является важнейшей составляющей спорта, и, возможно, я им слишком пренебрег, желая сделать все как можно лучше.

Затворившись в своих тридцати квадратных метрах, которые возвышаются над стадионом Эстерсунда, я пережидаю. Новостная лента «Твиттера» и главы полицейского романа Жан-Клода Иззо наполняют короткие дни ранней скандинавской зимы.

Как обычно, Стефан Бутьё посмеивается, видя меня сердитым. Не знаю, связан ли позитивный настрой с его характером или он действительно думает, что всё в порядке, но, когда я погружаюсь в пессимизм, он его предвидит и мягко подтрунивает надо мной. Это сбавляет драматизм ситуации, даже если обычно я не верю, что все так хорошо, как он хочет показать!

Мой костюм супергероя

Единственное, что может поднять мой моральный дух – возвращение в строй. И успех. С нетерпением жду смешанной эстафеты, первого соревнования на первом этапе Кубка мира, чтобы снова попытать удачу и заглушить голос сомнений, которые меня одолевают.

Когда этот день наступает, погода совсем не радует. Яростный ветер бушует над столицей шведской провинции Емтланд, и это один из самых трудноуправляемых факторов в биатлоне. Стрельба – точный вид спорта, на расстоянии пятидесяти метров любое отклонение может быть фатальным. При стрельбе стоя дуло винтовки не может отклоняться больше чем на 2 миллиметра, чтобы не сбить прицел. Ветер – наш злейший враг, так как он меняет траекторию пули и, более того, ухудшает устойчивость при стрельбе.

Сборная Франции превосходно начала эстафету, Мари-Лор Брюне и Мари Дорен опередили своих конкуренток и избежали сильных порывов ветра на стрельбище. Симон Дестьё безукоризненно прошел свой первый в карьере эстафетный этап на Кубке мира и передал мне эстафету в более чем 50 секундах впереди сборной Чехии. Я в хорошей форме, быстр на лыжне, и это заряжает энергией. Уже больше восьми месяцев я не испытывал этого ощущения. После стрельбы лежа, с которой справляюсь на отлично, у меня огромное преимущество: полторы минуты от ближайших преследователей. Перед тем как я пришел на последнюю стрельбу, казалось, что гонка уже выиграна. Успех сопутствует нам, пока не наступает финальная сцена. Грозные порывы ветра бушуют над стадионом. Я ничего не могу поделать и чувствую себя беспомощным, стоя с винтовкой наперевес.

> Единственное, что может поднять мой моральный дух, – возвращение в строй. И успех.

Ухожу с огневого рубежа спустя минуту двадцать, хотя обычно на стрельбу уходит не больше тридцати секунд. Знаю, что запорол работу всей команды, мне надо еще пройти два штрафных круга, и, чтобы мой кошмар был полным, я забыл выстрелить одним запасным патроном, что будет стоить нашей команде двух минут штрафа.

Финиширую пятым и знаю, что слова «такое бывает даже с лучшими» сегодня не принесут мне облегчения.

Я пересекаю микст-зону[15] быстрее, чем когда-либо в своей

жизни, избегая смотреть в глаза журналистам, которые по моему виду понимают, что сегодня интервью не будет. Чтобы я отказался отвечать на вопросы – кажется, такое случалось только дважды за мою карьеру. Но я в ярости, и знаю, что моя речь не будет конструктивной.

Я взбешен тем, что не смог справиться с ситуацией, совершил детскую ошибку, не смог взять реванш после двух «оплеух» подряд. Я в черном гневе, но, странным образом, вынес несколько положительных моментов из этой катастрофы. Мое выступление не имело ничего общего с тем, что я показал на прошлой неделе. Я вновь обрел скорость на лыжне, и понимаю, что крушение на стрельбе частично связано с погодными условиями. Я больше не сомневаюсь, но в ярости! И даже если это мне несвойственно, буду поддерживать ярость все три дня, что отделяют от индивидуальной гонки.

Остается час до гонки, когда я натягиваю желтую майку лидера общего зачета Кубка мира, который я выиграл во второй раз подряд в прошлом сезоне.

Я надел свой костюм супергероя, и он меня преобразил!

Это не преувеличение. Как только ты надеваешь желтую майку, ты становишься не таким, как остальные. Уникальным. В зоне старта тридцать спортсменов, но именно на тебя обращены взгляды публики. Звучит очень самодовольно, но такова реальность. Все, кому выпадала такая удача или честь, вам скажут то же самое. Некоторые чувствуют себя некомфортно, будучи в центре внимания. Этот знак отличия дает мне энергию, заставляет чувствовать себя лучше, более сильным, чем на самом деле. В первый раз мне это показалось немного подавляющим. Нужно было время на то, чтобы привыкнуть. Потребовался почти год для того, чтобы я стал себя действительно свободно чувствовать, сознавать свое право на желтую майку, но сейчас она как вторая кожа. Я приручил ее, и она сделала меня лучшим. Знаю, что сегодня все счетчики обнулены. Нужно снова доказать свое превосходство, если хочу ее сохранить.

С самого начала гонки все просто, все свободно. Я владею ситуацией. Со смешанной эстафеты знаю, что силен на лыжах, а ветер стихает при каждом приходе на огневой рубеж, как будто желает облегчить мне задачу. Мне остается выпустить пять пуль, но уже знаю, что все они будут в цель. Готово. Я сжимаю кулак и позволяю вырваться смеси гнева, адреналина и облегчения, которые меня переполняют. Я финиширую с лучшим временем на лыжне и великолепной стрельбой 20/20. Сохраняю свою майку лидера, но, что особенно важно, посылаю сильный сигнал своим конкурентам, которые видели, что моя уверенность поколеблена.

«Я вернулся!» И чтобы послание было хорошо понято, я продублирую победу через два дня, взяв верх в спринте…

За 48 часов я вернул контроль над ситуацией, все снова идет великолепно. Из шести первых гонок сезона я пять раз поднимусь на подиум, из них три раза – на его вершину. Даже в Хохфильцене, на этапе, который до этого мне еще не покорялся.

Удается создать отрыв в общем зачете, но я сконцентрирован только на цели, которая впереди.

Чтобы избежать любого переутомления, я не поеду домой на рождественские праздники и использую эти две недели затишья для тренировок. Мне сложно отказаться от того, чтобы провести веселые дни Рождества с родными, ведь я вижу их так редко в течение года. Но, выбрав зимний спорт, я очень рано понял, что ночные посиделки у огня, несварение желудка и брызги шампанского во время празднования Нового года будут плохо совместимы с моим родом занятий.

Как и каждый год в биатлонном календаре, за рождественскими каникулами следует Оберхоф, «Мекка биатлона» – настоящая классика, которая притягивает так же, как и пугает.

Все предыдущие пять лет я показывал здесь свои худшие результаты на Кубке мира. Этот волшебный этап действительно мое слабое место! Оберхоф-2014 станет продолжением первой части сезона и подтвердит великолепную форму, которая держится уже несколько недель. В заключительном масс-старте, королевской гонке, я наконец одержу свою первую победу в этом месте.

Чувствую, что доминирую, что очень силен как на лыжах, так и в стрельбе. Я не опасаюсь избытка самоуверенности, воспринимаю этот успех исключительно как этап, и знаю лучше, чем кто бы то ни было, что он не будет иметь никакого значения, если я провалюсь в Сочи.

Перерыв

Я провел много времени за составлением плана тренировок, вначале один, а потом со Стефаном Бутьё. Опирался на опыт прошлых сезонов, но не хотел просто копировать план, который до этого хорошо работал. Мне больше нравилась идея пойти на риск и исследовать новые пути для совершенствования.

В этом смысле первый в моей карьере пропуск этапа Кубка мира (пятый этап в Рупольдинге) для того, чтобы подготовиться к Сочи, был авантюрой, новшеством, которое я до этого долго просчитывал.

Вместо того чтобы принять участие в соревнованиях, я решил отправиться в Антерсельву, маленькую деревушку в итальянском Тироле. Несложный выбор, так как она обладает целым рядом достоинств. Невероятно красивое место, расположенное на высоте 1700 метров над уровнем моря. В Антерсельве прекрасный климат, много солнца и снега. Наш отель – один из самых комфортабельных среди тех, где мне приходилось жить. И в довершение всего я буду уже на месте для следующего этапа Кубка мира, который пройдет здесь через десять дней, и тем самым обойдусь без лишних переездов.

Провести сбор на высоте – обдуманный выбор, сделанный для того, чтобы продолжить летнюю работу по подготовке к Сочи. Я провел все детство выше 1700 метров над уровнем моря и поэтому очень хорошо переношу высоту. Но у меня оставались некоторые сомнения, смогу ли я осуществить на такой высоте значительный объем тренировок в самый разгар сезона. Чтобы побороть колебания, я спросил совета одного из кумиров моей юности.

Венсан Виттоз знает о тренировках на высоте больше, чем кто бы то ни было. Он исследовал все их аспекты и много раз обращал их себе во благо, как, например, в феврале 2005 года в Оберстдорфе, когда он стал первым в истории французского спорта чемпионом мира в лыжных гонках.

В рождественские каникулы мы увиделись с ним после краткого обмена СМС-сообщениями, в которых я обрисовал ему мои сомнения. Мы назначили встречу на плато Жев, выше лыжной базы Отран. Что могло быть лучше лыжной прогулки среди великолепных пейзажей Отрана, чтобы поговорить с глазу на глаз?

Венсан поделился опытом и дал советы по поводу длительности акклиматизации, большого значения гидратации на высоте, важности соблюдения ритма тренировок. Большинство

его замечаний были мне уже знакомы, но услышать их из его уст было для меня особенно ценно.

Кроме технических аспектов наш разговор быстро перешел на тему, которую я даже и не думал затрагивать, когда надевал лыжи час назад. Я сказал Венсану, что планирую провести сбор в одиночестве, в то время как мои товарищи должны будут принять участие в соревнованиях, чтобы квалифицироваться на Олимпиаду. С большой чуткостью Венсан заговорил о важности психологической составляющей для спортивного успеха. Он понял, что за несколько недель до Игр я должен обустроить это «бегство в деревню» не как командный сбор, а как добровольное отшельничество для того, чтобы обрести внутренний покой.

Я сказал Венсану, что планирую провести сбор в одиночестве, в то время как мои товарищи должны будут принять участие в соревнованиях, чтобы квалифицироваться на Олимпиаду.

Я собираюсь найти этот покой в Антерсельве в компании Зигфрида, тренера по стрельбе, Бруно, нашего массажиста, и моей подруги по команде Мари Дорен, готовящейся к Сочи после очень неприятной травмы лодыжки, которая случилась в начале декабря.

Я знаю Мари с тех пор, как переехал из Пиренеев в Альпы и вошел в команду Дофине. Она старше на два года, и в те времена была для меня кем-то вроде старшей сестры. С тех пор наши отношения, естественно, изменились. Теперь в роли раздатчика советов в области спорта чаще оказываюсь я. Но мы также говорим обо всем на свете: о семье, о жизни. Мы общаемся свободно еще и потому, что ее муж Луи Абер – один из моих лучших друзей, а сама Мари прекрасно относится к Элен. Мари удалось совместить материнство с большим спортом, и, должен признаться, ее успехи в этой области окончательно убедили меня, что я смогу стать отцом, несмотря на ограничения, связанные с моей профессией.

В нашей маленькой компании, сведенной до жизненно необходимого минимума, царит чудесная атмосфера. Распорядок дня неизменен: после здорового и сбалансированного завтрака (мюсли, йогурт и фруктовый сок) я начинаю свою 2,5-часовую тренировку на лыжах подъемом на Пассо-Сталле. Этот маленький перевал, летом связывающий Италию с Австрией, – настоящее наслаждение. Зимой же требуется немалый спортивный задор, чтобы взобраться по трассе, укатываемой только дважды в неделю, на перевал высотой более 2000 м, преодолев подъем длиной в 6 километров, с перепадом высот 400 м и длинным

участком крутизной более 12,9 %… Специалисты оценят!

Как только ты поднялся на высшую точку, открывшаяся панорама вознаграждает за потраченные усилия. Лазурно-голубое небо и прекрасная белая долина, которая сверкает под ярким солнцем насколько хватает глаз… Конечно, я даю себе время насладиться этим моментом, и когда делаю привал на вершине, чтобы выпить несколько глотков воды, чувствую себя невероятно счастливым.

Но больше часа поднимаюсь на перевал не только из любви к природе или ради удовольствия сделать роскошное фото. Трассы Сочи – одни из самых трудных, на которых мне приходилось бывать. Подъемы очень длинные и крутые. Теоретически это не в мою пользу, учитывая мои немалые габариты, но, как показывает практика, чем более уникальна и сложна трасса, тем сильнее на ней чувствуется преимущество лучших… Поэтому хочу пройти как можно больше километров вверх по крутым склонам, и не так-то легко найти место, где это можно сделать, ведь большинство трасс Кубка мира менее суровы.

Наконец я направляюсь к стрельбищу, чтобы закончить утреннюю тренировку долгими упражнениями в стрельбе, в которой Зигфрид, сосредоточенный всего лишь на двух спортсменах, Мари и мне, доводит нас до совершенства.

Затем, не снимая лыж, возвращаюсь в отель, чтобы проглотить большую тарелку «паста аль денте» и после устроить вполне заслуженную сиесту. Проснувшись, мне нужно сделать только шаг, чтобы оказаться на массажном столе Бруно, который делит со мной комнату.

Бруно весь год живет в нескольких километрах от моего дома. Он мой лицензированный «механик» и заботится о моем теле в среднем четыре раза в неделю, помогая предотвратить травмы и смягчить боль от нагрузок.

Побывав в его умелых руках, я готов отправиться на вторую тренировку, чередуя лыжи, силовые тренировки в спортзале и упражнения в стрельбе. За этими занятиями время быстро движется к ужину, когда мы собираемся все вместе, а Мари проглатывает все упаковки с гриссини[16], которые лежат на столе. И так как назавтра программа будет точно такой же, возвращаюсь на массажный стол…

В течение всего сбора я буду посвящать массажу более двух часов в день, в отличие от 45 минут, которые положены каждому спортсмену в коллективе из двенадцати человек. Нужно обратить все средства и возможности в свою пользу, и эти в том числе…

После разговора по «Скайпу» с Элен, дабы сохранять контакт с жизнью, которая течет за пределами нашего кокона, мне не

нужно долго уговаривать себя, чтобы отправиться в кровать и несколько минут обсуждать с Бруно его страсть, астрономию. Разговоры о Млечном Пути и остальной Вселенной возвращают меня в детство. Помню вопросы, которые меня обуревали, когда я шел закрывать ставни в своей комнате и поддавался очарованию неба Пиренеев, усыпанного звездами. Мне не нужно большего, чтобы погрузиться в восстановительный сон. Пробуждение, однако, будет не таким приятным.

В Рупольдинге начинается очередной этап Кубка мира. С начала моего пребывания в Италии я неукоснительно следую своему плану, но мне сложно выдержать пропуск соревнований. В первый раз с моего дебюта во «взрослых» соревнованиях я буду смотреть гонки по другую сторону телевизионного экрана.

Я обожаю свой спорт и провожу много времени, досконально разбирая запись гонки в вечер после соревнований, но видеть моих соперников, не имея возможности противопоставить им свой уровень, – это сбивает меня с толку. Эмиль Свендсен, уже показавший очень хорошую форму неделю назад в Оберхофе, демонстрирует свою силу. Он показательно побеждает в индивидуальной гонке, а затем и в гонке преследования, сразу же разбивая все спокойствие, которого мне удалось достичь.

У меня складывается впечатление, что все спортсмены находятся на уровень выше моего, и я начинаю сомневаться, даже если прекрасно знаю, что мои страхи совершенно беспочвенны.

Закипаю, когда вижу, как мои конкуренты соревнуются, в то время как я «всего лишь» тренируюсь. Я должен успокоить свою тревогу и ждать начала соревнований, чтобы ввязаться в бой и побороть эти глупые сомнения. Остается четыре дня до того, как шумный караван Кубка мира приедет ко мне, чтобы раскинуть шатер в Антерсельве.

Для моих товарищей из команды Франции неделя обещает быть напряженной. Именно на этот этап тренеры назначили окончательный отбор в олимпийскую сборную. У нас пять мужчин на четыре места, и мы знаем, что даже если все поедут в Россию, один из нас не примет участия в соревнованиях.

Я уже давно уверен в своем отборе на Олимпийские игры, поэтому стараюсь отстраниться от этого деликатного вопроса. Мы все знаем правила игры: спорт высоких достижений состоит из принятых решений, а также из счастливчиков и неудачников. Это не мешает мне сочувствовать Алексису Бёфу – он в итоге станет пятым участником, что почти уничтожает его шансы войти в состав эстафеты, в которой он был одной из главных опор в течение последних трех лет.

С тех пор как Луи Абер ушел из спорта, Алексис стал моим

соседом по комнате на всех сборах и соревнованиях. Если вначале, с нашими совершенно разными интересами, мы совсем не предполагали быть лучшими на свете товарищами, с течением времени мы хорошо узнали друг друга и научились ценить наши различия, что сделало нас настоящими друзьями. К тому же у нас схожий ритм жизни, – и сна! – что позволяет нам идеально уживаться друг с другом.

За четыре года «совместной жизни» мы делили радость и горе, сомнения и надежды. Доверяя друг другу, мы построили прекрасные отношения, которые продолжаются и за пределами спортивной карьеры.

Этап Кубка мира в Антерсельве – последние соревнования до Олимпиады в Сочи, поэтому для меня важно хорошо выступить, чтобы обрести уверенность перед решающей битвой. Парадоксальным образом я знаю, что буду не в лучшей форме из-за большого объема проделанных на сборе тренировок, которые должны принести свои плоды к Играм. Здесь же мне будет не хватать свежести, и нужно с этим смириться.

Первая гонка соответствует моим ожиданиям. Я прихожу пятым, несмотря на два штрафных круга. Приятно удивлен хорошей реакцией организма после десяти дней интенсивных тренировок. Вторая гонка тоже складывается благоприятно, а наша победа в эстафете вместе с Симоном, Алексисом и Жан-Гийомом позволяет красиво завершить эту неделю.

Пускаясь в обратный путь во Францию, чувствую уверенность, что сделал правильный выбор в своей подготовке. Я знаю, что после нескольких дней отдыха и окончательных приготовлений я буду готов штурмовать вершину Олимпа.

7
Я – животное

О Сочи написано столько всего, особенно плохого! Частично я могу это понять, потому что Россия – страна с двумя лицами.

С одной стороны, это нация, которая мало заботится об охране окружающей среды, где властвует коррупция, которой благоприятствуют административные барьеры. Это быстро становится невыносимым для любого, кто хоть раз пытался раздобыть визу. С другой стороны – сами русские доброжелательные, щедрые, умеющие вас принять лучше, чем кто бы то ни было.

На пути к Сочи, даже если я и был здесь год назад, я не знаю толком, чего ожидать. Я опасаюсь неадекватных мер безопасности и унылой атмосферы на Играх. Уже много лет в этом районе, расположенном у границы с Грузией, угроза терроризма остается вполне реальной. Некоторые страны, такие как США, усилили меры безопасности, чтобы защитить своих спортсменов. В первый раз в жизни я чувствую себя потенциальной мишенью. Но, когда я покидал Францию, решил от всего этого абстрагироваться, чтобы сполна насладиться моментом и не тратить энергию на напрасное беспокойство. Битва, к которой я готовился четыре года, в моих глазах важнее любых страхов.

Прибытие в аэропорт Сочи развеет мои сомнения. На выходе из самолета я сразу охвачен царящей здесь атмосферой. Десятки русских болельщиков приехали меня встретить. Я чувствую себя почти неловко рядом с другими французскими спортсменами, которые своими глазами увидели любовь русских к биатлону.

За несколько часов во мне снова проснулся ребенок, который не покидал меня все две недели в Канаде четырьмя годами раньше.

Я просто-напросто счастлив быть здесь, горд, что избежал ловушек, которые подстерегали меня на пути к Олимпу. Все красивое, все розовое, как рекламный плакат этих XXII зимних Олимпийских игр…

Чтобы не слишком разбрасываться, я тороплюсь влиться в свой обычный распорядок больших чемпионатов, который совмещает протокольные обязанности и общение со СМИ с тренировками, отдыхом и повседневной рутиной. Со времен Ванкувера я стал опытнее, теперь хорошо знаю свое тело и умею заступить во всеоружии на финишную прямую.

Поскольку трасса крайне сложная, я сокращаю время

тренировок, чтобы сохранить свежесть. Единственная тестовая гонка в компании других спортсменов позволит мне получше разобраться в своих ощущениях.

Тренер советовал мне бежать осторожно, но я начинаю быстро, очень быстро. Стефан, стоя на вершине первого подъема, не ожидает увидеть меня, проходящего дистанцию в таком темпе. Я не следую его инструкциям, так как чувствую потребность выложиться полностью, проверить себя, чтобы знать свой предел и подойти к нему как можно ближе три дня спустя.

После великолепного начала мне придется поплатиться за эту стратегию в конце дистанции, когда молочная кислота забьет и обездвижит мои мышцы. Высота – около 1500 метров – тоже внесет свою лепту!

Но я знаю что делаю, и особенно чего я добиваюсь. Я стремился к этим ощущениям, потому что хорошо понимал: стать олимпийским чемпионом будет нелегко. Я хотел в последний раз почувствовать вкус крови во рту перед решающим прыжком.

Что касается стрельбы, я знаю, что нахожусь на правильном пути и что место мне подходит. В прошлом году мне удалось отстрелять 29 из 30 во время предолимпийской недели. В моем виде спорта это имеет решающее значение: единственная маленькая пуля, сдвиг на сантиметр могут изменить ход всей карьеры.

Я уверен в себе, поскольку ветра нет. Это значит, что случайности нашей дисциплины, иногда очень капризной, будут сведены к минимуму. У меня было четыре дня, чтобы внести маленькие поправки в работу винтовки, как бывает всякий раз, когда мы приезжаем на новое место. В техническом плане все в порядке, поэтому самым главным будет психологический аспект, способность укротить внутренних демонов.

> Я отвечу журналисту TF1, который спросит о моем расположении духа, что я «как лошадь в стартовом боксе».

Со времен Ванкувера мне также пришлось научиться справляться с вниманием прессы и давлением, которое оказывается на фаворита. Пресс-конференция за два дня до спринта, которая была для меня новинкой на первых Играх, стала привычным ритуалом. Я чувствую на себе пристальное внимание, чуть ли не слежку, со стороны французских и зарубежных медиа. Мои победы в начале сезона только подогревают ожидания.

Я отвечу журналисту TF1, который спросит о моем расположении духа, что я «как лошадь в стартовом боксе». Этот образ прекрасно отражает мои ощущения. Животная, почти

звериная сторона таких моментов сейчас проявляется сильнее, чем когда-либо прежде.

Умираю от страха

Открыв газету L'Equipe накануне первой гонки, я обнаруживаю себя на первой полосе рядом с Алексисом Пентуро[17]. Имея четыре титула чемпиона мира и дважды победив в общем зачете Кубка мира, я еще ни разу не удостаивался такой чести…

После заключительной тренировки устраиваюсь на двухместном диване, который мы делим с Алексисом Бёфом, чтобы посмотреть по телевизору церемонию открытия. Биатлон – жестокая дисциплина, с шестью гонками за две недели, мы одни из самых загруженных спортсменов. Даже нет и речи, по крайней мере на этих Играх, чтобы тратить энергию, стоя более двух часов на стадионе накануне самого важного дня в твоей жизни.

Я закрываю глаза в последний раз, после того как столько мечтал о дне, который мне предстоит пережить. Завтра.

В мире французского спорта газета L'Equipe, без сомнения, является самым авторитетным изданием. В любом случае именно ее я читаю больше всего, как и все любители спорта.

Когда открываю газету, знаю, что там обязательно пойдет речь о моей сегодняшней гонке. Но каково же мое удивление, когда на первой полосе я вижу свое лицо под заголовком «Суббота, Мартен?»

Мне нравится быть человеком, которого все пытаются победить, я рад, что могу справиться с грузом ожиданий, который иногда ложится на мои плечи. Но, закрыв газету, вытянувшись на своей кровати, один в комнате в сердце Олимпийской деревни, я боюсь. Умираю от страха.

Вот уже три года я, однако, лучший биатлонист в мире. Работал больше чем когда-либо ради достижения этой цели, и сейчас я на пике своей формы. Но несмотря на эту уверенность, я знаю, что спорт полон случайностей и что статус, каким бы высоким он ни был, никогда не служил гарантией того, что ты обязательно завоюешь медаль. Постепенно меня охватывает дрожь, становится трудно дышать. Я ищу выход из этого состояния и хватаю телефон, чтобы запустить плей-лист, который Элен состряпала для меня перед отъездом. Закрываю глаза и позволяю музыке Людовико Эйнауди мягко снять напряжение. Через несколько минут настанет пора сосредоточиться на соревновании, собрать сумку, выбрать лыжи, размяться и отрегулировать винтовку. С этого момента больше не будет места для сомнений.

> Мне нравится быть человеком, которого все пытаются победить, я рад, что могу справиться с грузом ожиданий, который иногда ложится на мои плечи.

После двух сотен стартов на Кубке мира мой распорядок накануне соревнований отточен до мелочей. Он начинается за три часа до гонки с приема пищи – естественно, это белое мясо и что-то из углеводов, – и продолжается вплоть до старта. Это мой незаменимый союзник, помогающий подавить паразитные мысли и ничего не забыть. Я мог бы все сделать с закрытыми глазами, но тем не менее накануне каждой гонки я записываю на листке бумаги расписание и особенности завтрашних соревнований. Конечно, больше для чувства уверенности, чем для того, чтобы потом сверяться с записями.

Это может показаться немного маниакальным, но жесткость протокола играет очень важную роль. Он позволяет мне плавно включиться в режим соревнований и избежать любых непредвиденных ситуаций. Если большой спорт – это постоянная адаптация, при которой ты должен принимать решения за доли секунды, то спортсмены высокого уровня приходят в ужас от сюрпризов.

После того как я в десятый раз проверил свою сумку, сажусь в автобус, чтобы доехать до стадиона. За час до старта прихожу к Кристиану Фавру, готовящему мои лыжи. Вот уже неделю он их тестирует в компании Сильвана Фанжа-Кларе, специалиста компании Rossignol – поставщика моего снаряжения. Из тридцати пар лыж, которые они проверяли в предыдущие дни, остались только две пары, подходящие к сегодняшним условиям снега. Теперь мне предстоит сделать окончательный выбор, который должен занять не более 10 минут, чтобы потом сервисеры успели правильно их смазать. Без помощи Кристиана и Сильвана я никогда бы не смог перепробовать такое количество лыж, а значит, упустил бы оптимальный выбор.

Это может показаться странным для товаров, выпущенных заводским способом, но живой материал, из которого состоят лыжи, такой как дерево, делает уникальной каждую пару. Жесткость лыжи, ее профиль, структура под пяткой, – каждый параметр контролируется производителем Rossignol, чтобы подходить под разные условия снега. Остается только сделать правильный выбор, но для этого, несмотря на все технологии мира, есть только один способ – тестирование человеком.

Далее все идет своим чередом: меньше чем за час до гонки я должен отрегулировать винтовку, пройти материальный контроль и размяться, это всё за 45 минут. Все это время я много пью и

проглатываю энергетический гель, чтобы предотвратить гипогликемию.

Остается пять минут до старта. Я снимаю слои лишней одежды и направляюсь к старту. Волонтеры прикрепляют к каждой лодыжке электронный датчик, уполномоченный сотрудник производит окончательный контроль моего снаряжения. Сильван находится рядом, чтобы помочь мне надеть лыжи. С помощью отвертки он счищает твердый снег под моими ботинками и жмет мне руку, наградив ободряющим взглядом. Это мой последний контакт с внешним миром. Теперь я один в стартовых воротах, и только от меня зависит моя судьба.

Икона по имени Бьёрндален

У меня осталось очень мало воспоминаний о самом соревновании. Все произошло слишком быстро. Помню, что испытывал боль на пике усилий, – что для меня всегда плохой признак, – и один раз промахнулся на стрельбе лежа, что стоило мне победы. Я пришел шестым, и полностью подавлен.

Это очень самонадеянно, но я должен был выиграть эту гонку.

Я всего лишь в двенадцати маленьких секундах от титула, о котором столько мечтал, и знаю, что мне удалось использовать не больше 80 % моего потенциала. Я был зрителем собственного поражения, стреноженным и не способным реагировать. Мне было трудно преодолеть возрастающее давление, а снаряжение было не самым удачным.

Несколько долгих минут я остаюсь в зоне финиша, опершись на палки, с взглядом, устремленным в пустоту куда-то в направлении табло с результатами, которые я пока не могу осознать.

Нервная улыбка сползает с моего лица, когда я наконец вижу имя победителя: Уле Эйнар Бьёрндален!

Мне еще не было 10 лет, и я только встал на лыжи, когда впервые о нем услышал, это было во время Олимпиады в Нагано в 1998 году. Во время эпической гонки, которую он выиграл дважды из-за отмены первого старта вследствие погодных условий, он в первый раз стал олимпийским чемпионом. Первый титул из очень длинной серии…

В 2002 году на Олимпийских играх в Солт-Лейк-Сити он на вершине мастерства. Он забирает себе все четыре титула! С тех пор для всех любителей лыж он становится Эталоном как из-за побед, так и из-за великолепной лыжной техники. Всегда идеально выбирающий позицию в пелотоне, он, кажется, не делает усилий, настолько его движения плавны, он не «рассыпается» несмотря на напряжение и усталость. Уле Эйнар Бьёрндален на лыжах – это просто красиво.

Когда в 2006 году он стал первым биатлонистом, выигравшим этап Кубка мира по лыжным гонкам, он тем самым положил конец вечным спорам об уровне лыжной подготовки в биатлоне. Имея восемь олимпийских титулов, шесть «Больших Хрустальных глобусов», 19 титулов чемпиона мира и 95 побед на этапах Кубка мира, он в большой степени перекрыл возможности для рекордов следующим поколениям биатлонистов.

Странно, но, несмотря на девять сезонов, когда мы

соревновались вместе, я никогда по-настоящему не воспринимал его как соперника.

Когда я только начал выступать на Кубке мира в 2008 году, он был кумиром, этот чемпион, чье фото висело на стене в комнате моего детства…

В течение первых двух лет моего пребывания в «лиге взрослых» я наблюдал за ним, стараясь держаться позади него, когда мне везло оказаться с ним рядом на трассе. Мы участвовали в одних и тех же соревнованиях, но проводили совсем разные гонки. Он доминировал в мировом биатлоне, а я с восхищением смотрел на это, приходя к финишу на несколько минут позже.

В первый раз мы с ним разговорились во время тренировочных сборов в Норвегии. Он был любопытен и задал мне множество вопросов! Странно для гиганта, который мало чему мог бы научиться у молодого перспективного спортсмена, но логично для перфекциониста, никогда ничего не оставляющего на волю случая. Я быстро понял, что в будущем нужно будет тщательно фильтровать информацию, которую я могу ему раскрыть…

После Олимпийских игр в Ванкувере наши траектории пересеклись, чтобы снова разойтись. В 2011 году, когда я завоевывал себе место среди нового поколения биатлонистов, он начал сбавлять обороты. В 2012 году я стал доминировать на Кубке мира так же, как он делал это несколько лет назад, и перестал его бояться. Он был одним из тех, с кем я соревнуюсь, но не был настоящим соперником. Однако я продолжал относиться с восхищением к этому исключительному спортсмену, который приближался к сорокалетнему возрасту и чей профессионализм был примером для всех.

Он продолжал прикладывать те же усилия, но больше не вознаграждался за них счастьем победы, счастьем, которое единственное оправдывает жертвы, приносимые нашему чрезвычайно требовательному виду спорта.

У меня, как и у других спортсменов и наблюдателей, складывалось впечатление, что он вел безнадежную борьбу за обретение прежнего уровня, которого у него больше никогда не будет. Однако в декабре 2013 года он вернулся в когорту лучших, но мы думали, что это долго не продлится. Вот уже два года, как он мощно начинал сезон, но потом быстро угасал. В этом же году, чем дольше сезон продолжался, тем увереннее он выступал…

В январе в Оберхофе я наконец осознал опасность. За месяц до начала Олимпиады он вернулся в число самых быстрых лыжников. И если перед Сочи у него так и не было побед в текущем сезоне, то только потому, что он слишком сильно

рисковал на стрельбе.

Как-то вечером, за несколько недель до начала Олимпиады, мы говорили о нем с моим тренером. Мы оба были впечатлены после трех лет, в течение которых он сражался за результаты, недостойные его прошлого. Три года подавленной гордости после того, как он столько выиграл. Три года, когда он, без сомнения, был единственным, кто верил в собственные шансы… Помню, в тот вечер я сказал Стефану: «Если Уле выиграет в Сочи, мне не останется ничего другого, кроме как пожать ему руку и сказать «Браво!».

Именно это я и сделал. Искренне. Несмотря на пощечину, которую получил в первой олимпийской гонке, я хотел, чтобы он увидел в моих глазах все восхищение. Я также хотел поблагодарить его за урок, который он преподал тем, кто его уже похоронил, и мне – первому!

Охваченный водоворотом победы, несомненно оглушенный тем, что удалось так преуспеть, Уле наверняка не воспринял ничего из моих слов. Но, как и всегда, его рукопожатие было крепким и искренним.

За свою двадцатилетнюю карьеру он внес вклад в наш спорт больший, чем кто-либо. Он сделал нашу дисциплину намного более профессиональной, и именно ему мы обязаны значительной частью популярности, которую биатлон имеет сегодня.

Меня всегда очень трогало, когда он делал мне комплименты… Он знает лучше чем кто-либо, из чего складывается успех! И в тот день самый большой успех снискал именно он, выиграв первую олимпийскую гонку.

Мечта всей жизни

У меня не осталось воспоминаний о дне накануне пасьюта. Думаю, я провел легкую тренировку на лыжах, чтобы восстановиться после вчерашнего соревнования, но это только предположения. Знаю, что у меня не было похмелья, как бывает на следующий день после вечеринки, которая плохо закончилась.

Как после любой гонки, я провел много времени за аналитикой, изучением детализированных результатов, которые помогают нам по косточкам разобрать выступление в гонке. В ней я не увидел данных спортсмена, который пришел шестым; это были результаты фаворита на пасьют.

Наверно, как это бывает после каждого провала, я не был лучшим из возможных соседей по комнате, но Алексу виднее! Я углубился в себя, чтобы собрать силы для ответного удара.

Я больше не чувствую стресса. Большие чемпионаты напоминают мне прыжок с парашютом. Во время спринта я сделал первый шаг, который сделать труднее всего. После шока, который сопровождает первые секунды полета, у меня возникает ощущение, что освоился в незнакомой среде, в которой нахожусь.

Я знаю, что за кулисами персонал решает проблемы скольжения, которые возникли во время спринта. Им, как и мне, нужно снова обрести уверенность после не слишком удачного дебюта. За несколько минут до тестирования лыж я решаю послать сообщение Кристиану и Сильвану. Они уже перебирают десяток пар лыж, уцелевших после отбора предыдущих дней. «Я не буду их тестировать, мне это не нужно, я верю в вас». Эти тесты уже стали ритуалом, но я чувствую, что должен так поступить для того, чтобы они чувствовали себя уверенно.

Когда я приезжаю на стадион, Кристиан спокоен. Он протягивает мне лыжи и, улыбаясь, говорит со своим итальянским акцентом: «Теперь дело за тобой. Это MF 53; те, на которых ты победил в Оберхофе».

Это всего лишь маленькая деталь, но она имеет значение. За два месяца до этого у меня были очень хорошие ощущения на лыжах, но что особенно ценно, я наконец завоевал победу, которая до сих пор ускользала от меня в лесах Тюрингии.

С момента, когда распорядители соревнований пригласили нас в стартовую зону, я заставляю себя оставаться как можно более активным, чтобы вновь не охладиться. До последнего оттягиваю момент, когда нужно будет надеть лыжи, чтобы сохранить мазь, которую сервисеры нанесли под пятку. Стоя в стартовых воротах, на шестой позиции, я смотрю на секундомер.

Бьёрндален стартует. Через двенадцать секунд настанет моя очередь броситься вдогонку. 1, 2, 3, 4, я поправляю перчатки, 6, 7, 8, 9, я надеваю очки и упираю палки в снег, чтобы они не соскользнули при первом толчке. 10, 11… Эти секунды кажутся мне бесконечными, и Уле Эйнар как будто уже далеко, когда хронометр наконец меня освобождает.

> Он протягивает мне лыжи и, улыбаясь, говорит со своим итальянским акцентом: «Теперь дело за тобой. Это MF 53; те, на которых ты победил в Оберхофе».

Я задумал только одну стратегию: как можно быстрее догнать головную группу, чтобы затем стать хозяином своей судьбы. Мне потребуется всего лишь пятьсот метров, чтобы это сделать. Я был удивлен, что догнал соперников так быстро и так легко.

Начало первого круга – это игра в прятки, никто не хочет вести гонку и задавать ритм. Идя в хвосте первой группы, я закипаю, так как чувствую себя в очень хорошей форме и хочу ею воспользоваться. Я решаю ускориться, чтобы утомить перед стрельбой семерых спортсменов, которые бегут вместе со мной.

Устраиваюсь напротив мишени под номером 1 и трачу гораздо больше времени на стрельбу, чем мои соперники. Я очень не хочу совершить ошибку, которая, несомненно, будет фатальной, и чувствую себя достаточно сильным, чтобы наверстать несколько лишних секунд, потраченных на стрельбу.

Я ухожу последним из группы, но мне не составляет никакого труда их нагнать. Что не удается Симону Эдеру. Совершив один промах, он первый прощается с мечтой об олимпийском титуле.

Вторая стрельба представляет собой точную копию первой. Канадец Жан-Филипп Лёгеллек достигает невероятного успеха и поражает свою мишень меньше чем за двадцать секунд! Я ухожу с огневого рубежа на несколько метров позади, в компании Доминика Ландертингера и Ярослава Сокупа.

Бьёрндален и Антон Шипулин, в свою очередь схватившие штраф, будут наблюдать битву за титул из дальних рядов.

Третий круг – решающий. Нас осталось четверо во главе гонки, и только мы собираемся перегруппироваться, как Жан-Филипп жестко падает на несколько метров впереди меня. До этого момента он проводил одну из лучших гонок в своей карьере, а теперь, раздосадованный, смотрит, как мы удаляемся. Он сломал лыжу и вылетел из борьбы за медали. Я остаюсь сконцентрированным и не чувствую ни радости, ни грусти по поводу его падения. В такие моменты сострадания не существует.

Время, которое летело так быстро до начала гонки, теперь представляется мне как в замедленной съемке. Я ясно вижу все,

что происходит, предвижу события. Чувствую себя хорошо.

Я избежал столкновения с Жан-Филиппом, не испытав ни малейшего всплеска адреналина. У меня ощущение, что я взял эту гонку под контроль, я более быстр, а также сохраняю больше здравомыслия, чем остальные.

Из опыта знаю, что часто в этот момент гонки ты начинаешь совершать маленькие ошибки, и мне тоже не удается этого избежать на третьей стрельбе.

Я ухожу на штрафной круг и выхожу с него впереди моих преследователей, несмотря на один промах. Ландертингер недалеко – всего в шести секундах, но я ускоряюсь, чтобы он не мог меня догнать. Он грозный финишер, и я хочу оставаться от него в безопасном отдалении.

За двадцать минут интенсивной гонки ноги становятся все более тяжелыми. Мазь под лыжами стирается, это ухудшает скольжение, так что бежать еще труднее.

Перед выходом на стадион, для последней в этом олимпийском пасьюте стрельбы, я по-прежнему в одиночестве возглавляю гонку, но что особенно важно, остаюсь один на один с собой, чтобы собрать в железный кулак все извилины мозга.

На тренировках я представлял эту ситуацию сотни раз, пытаясь придать такую же важность тысячам пуль, как тем пяти, которые мне осталось выпустить в цель для того, чтобы осуществить мою самую прекрасную мечту.

Я знаю, что мне нечего защищать, моя позиция лидера не более чем предварительна, и звания победителя еще придется добиваться.

Я приступаю к стрельбе. Первая хорошо, вторая хорошо, третья хорошо, «оставайся сконцентрированным на технике», четвертая хорошо, «если ты попадешь, ты олимпийский чемпион…» Как раз таких мыслей мы стараемся в любом случае избегать, концентрируя всю энергию на технической стороне. Однако в решающие моменты моей карьеры я использую эти паразитные мысли в качестве вызова, чтобы доказать себе, что я сильнее, чем сомнения, которые нас неизбежно захлестывают.

> Я по-прежнему в одиночестве возглавляю гонку, но что особенно важно, я остаюсь один на один с собой, чтобы собрать в железный кулак все извилины мозга.

Палец плавно нажимает на курок, и я знаю, что мой выстрел точен, еще до того, как пуля вылетает из ствола винтовки.

Вижу, как поднимается белый клапан, будто в замедленной съемке. Я ликую.

Ничто не преднамеренно, это живет во мне и я не могу это

удержать. Сегодня, когда я просматриваю фотографии с гонки, фото этого волшебного момента, я не узнаю себя. Жесты, взгляд, выражение лица – все это мне не принадлежит. Это говорило мое тело, которому нужно было освободиться от переполнявших его эмоций.

Я ухожу с огневого рубежа, зная, что скоро осуществлю мою мечту. Пока стрелял, я слышал, что Ландертингер промахнулся двумя выстрелами. Мне остается только аккуратно пройти последний круг, чтобы мое чемпионство стало официальным. Я начинаю в быстром темпе, чтобы сохранять как можно больший отрыв от соперников, которые выйдут с огневого рубежа позади меня. На вершине первого подъема стоит Стефан. Он улыбается, но у него сел голос. Это первый человек из нашей команды, которого я встречаю, и у меня не возникает никакого желания прыгнуть в его объятия. Это немного подождет! Даже если я сполна наслаждаюсь этим кругом почета, я должен оставаться сконцентрированным. Предстоящий спуск – в плохом состоянии. Я замедляюсь перед тем, как совершить крутой поворот вправо, и знаю, что как только миную его, ничто больше не может со мной случиться. Жан-Поль, тренер женской сборной, стоит на выходе из виража. В течение всей гонки он находился на этом месте, чтобы помочь нам в случае падения. Он поднимает запасные палки, которые нам, к счастью, не понадобились, молчаливо отдавая мне честь.

Далее, через несколько сотен метров, выстроились сервисеры, поднимающие руки в знак приветствия. Их крики заглушены ревом публики, но я ясно различаю слезы, которые текут у них по щекам.

На вершине очередного подъема вижу Тьерри Дюссера, тренера моей юности. Он всегда верил в меня, и я счастлив, что теперь он в первых рядах среди тех, кто разделяет эту победу.

Последний толчок палками направляет меня на спуск, который ведет к стадиону. Меньше чем через две минуты я пересеку финишную черту!

Мне еще остается миновать огромную трибуну, а потом повернуть налево, чтобы выйти на финишную прямую. Мне нравится эта часть трассы, она позволяет использовать всю амплитуду моего лыжного хода.

> Как и четыре года назад, я посылаю ей [телекамере] поцелуй и выбрасываю кулак к небу, пересекая линию моего освобождения. Это мой последний жест перед тем, как стать олимпийским чемпионом.

Я смотрю вокруг и стараюсь запечатлеть в памяти все из этих

последних мгновений. Зрители размахивают флагами, но я различаю только цвета и формы. Я больше ничего не слышу. Все происходит быстро, слишком быстро. Слева от меня движется телекамера, и это возвращает меня на Землю. Как и четыре года назад, я посылаю ей поцелуй и выбрасываю кулак к небу, пересекая линию моего освобождения. Это мой последний жест перед тем, как стать олимпийским чемпионом. Исполнить мечту всей жизни.

Разделить счастье

Переполняющее меня счастье огромно, я знаю, что отныне этот титул мой и никто не сможет его у меня отнять. Я – олимпийский чемпион.

После нескольких мгновений, посвященных позированию для фотографов, я возвращаюсь к финишной линии, чтобы встретить и поздравить других спортсменов. Мне уже рассказали о расстановке сил на последнем круге, и я знаю, что чех Моравец будет вторым.

Когда замечаю двоих лыжников, которые борются за третье место, меня снова охватывает возбуждение. Жан-Гийом Беатрикс, друг моего детства, сражается в финишном створе с Бьёрндаленом и пересекает черту в нескольких метрах впереди него! Я кричу и запрыгиваю на него сверху еще до того, как он успевает затормозить. Я не знал, что он так хорошо прошел гонку, и никак не мог предположить, что он будет бороться за подиум.

Симон тоже финиширует. Показав 19 из 20 на стрельбе, он сильно улучшил свою позицию по ходу гонки, так же, как и Карлито (прозвище, данное в команде Симону Дестьё, чтобы различать двух Симонов), который в свою очередь пересекает финишную черту.

Мы счастливы все четверо, и это позволяет мне полностью насладиться моей победой.

Я занимаюсь индивидуальным видом спорта и знаю, что никогда не смог бы достичь успеха в командном спорте. Ненавижу проигрывать, и в биатлоне я являюсь единственным виновником проигрыша, когда он случается. Это позволяет мне анализировать причины поражения и работать над тем, что не получилось. В таком случае, даже если иногда эти моменты непросто пережить, у меня нет никакой злости по отношению к товарищам по команде.

Даже если я сознательно выбрал одиночество в своих занятиях спортом, мне не хватает мгновений общей радости, которую вызывает победа в командных видах спорта. Из уважения, а также из деликатности, для меня немыслимо полностью выразить свое счастье рядом с теми, кто расстроен собственным выступлением. Если мне понемногу удалось снять этот барьер по отношению к соперникам из других стран, я часто держу в себе бурлящую радость, которую вызывает победа, в присутствии моих товарищей по сборной Франции.

Сегодня это совсем не так. Наши медали вкупе с отличным выступлением Симона, который перешел с 36-го на 18-е место,

и Карлито, перескочившего с 46-го на 21-е место с теми же 19/20 на стрельбе, вознаградили работу всей команды.

Несколько мгновений мы все четверо остаемся у финишной черты, разделяя сегодняшнее счастье, которое, как я уже знаю, изменит мою жизнь.

Путь в раздевалку – настоящая эйфория. Массажисты, сервисеры, тренеры – все здесь, чтобы насладиться этим моментом славы. Кати, мой пресс-атташе, плачет слезами облегчения. Зная ее эмоциональность, так и думал, что этим закончится.

Я должен поторопиться, чтобы идти отвечать на вопросы СМИ, которым принадлежат права на трансляцию. Остальные медиа должны будут подождать, чтобы получить наше интервью. Таков протокол МОК, который направлен на получение как можно большей выгоды от Олимпиады… Я даю одно интервью за другим на языке Шекспира, и только затем предстаю перед французским телевидением. Кисло улыбаюсь, когда вижу своего отца в пуховике с эмблемой France Télévisions, рядом с Патриком Монтелем. Очень счастлив его видеть, но, боюсь, я не самый идеальный кандидат для того, чтобы выкладывать подробности моей личной жизни перед камерой. Я бы предпочел более интимную обстановку, чтобы разделить этот момент счастья с отцом, как это было в Ванкувере. К тому же пуховик как вознаграждение за роль эксклюзивного консультанта… Его явно облапошили!

Ритм событий не стихал, и мои эмоции тоже. У меня едва было время переодеться, как звуки олимпийского гимна призвали нас на цветочную церемонию. Это первый торжественный момент.

Хорошо помню голос диктора, он ясный и ровный. Один из тех голосов, которые всегда звучат на публичных мероприятиях. Он должен повторить свою фразу три раза перед тем, как я поднимусь на подиум. На французском, официальном языке Олимпийских игр, на английском, как самом универсальном, и на русском, языке страны-организатора. «Дамы и господа, олимпийский чемпион представляет Францию…» секунда ожидания показалась мне бесконечной, я хочу, чтобы он это сказал! Я знаю, что не сплю, тычок, которым наградил меня Зигфрид за несколько минут до этого в знак радости, был слишком болезненным, но я должен это услышать, чтобы окончательно убедиться.

«…Мартен Фуркад». Чувствуя ком в горле, я медленно поднимаюсь на пьедестал, чтобы как можно дольше продлить этот момент.

Бурление продолжается и после того, как мы спускаемся с

подиума. Ощущая себя куклой, которую передвигают от одного интервьюера к другому, я вслепую следую за Кати. Как нить Ариадны, она ведет меня в лабиринте олимпийского комплекса «Лаура», попутно собирая вещи, которые я теряю по пути. Куртку на пресс-конференции, перчатку на допинговом контроле, сумку в автобусе, следующем в Олимпийскую деревню.

> «…Мартен Фуркад». Чувствуя ком в горле, я медленно поднимаюсь на пьедестал, чтобы как можно дольше продлить этот момент.

Уже поздно, и я утомлен, но возбуждение берет верх над усталостью. После ужина отправляюсь к массажисту, чтобы восстановиться. Жан-Гийом заканчивает свой массаж, и мы вчетвером делимся впечатлениями о том, что пережили. Алекс, один из массажистов, который присутствовал на всех Олимпиадах начиная с 1988 года, признается, что никогда не испытывал настолько сильные эмоции. Уже полночь, и я получаю право на массаж в четыре руки, чтобы пораньше добраться до кровати.

Возвращаюсь к себе на цыпочках, чтобы не разбудить Алекса, но он не спит. Мы проводим несколько прекрасных минут, его улыбка искренна. Мне еще нужно позвонить родным во Францию, благо разница во времени это позволяет. Уже больше двух часов ночи, когда я, наконец, ложусь спать. Давно пора, завтрашний день тоже будет длинным.

Знаю, он гордится мной

Мои Олимпийские игры уже увенчались золотом, а значит, имели успех. Я завоевал титул, к которому так стремился, остальное будет только бонусом. Стефан, понимающий, сколько энергии я потратил накануне, разрешил мне день отдыха, необходимый для восстановления. Я им воспользовался, чтобы тренироваться в кровати и отвечать на сотни поздравительных сообщений. Сегодня вечером я должен получить свою золотую медаль на центральной площади Олимпийского парка Сочи.

Обычно я не отношусь с большим восторгом к протокольным церемониям, особенно когда, как в этот раз, они мешают восстановлению перед следующими гонками. Но сегодня у меня только одно желание: получить мой трофей! Не важно, что для этого мне придется четыре часа провести в дороге и пройти через четыре досмотра, которые устраивает служба безопасности.

Отъезд на церемонию назначен на ранний вечер. Я рад, что мы едем вместе с Жан-Гийомом и сможем быть вместе во время долгого ожидания, которое нам предстоит.

Мы знаем, что технический персонал не сможет к нам присоединиться, так как именно в этот момент будет проходить женская гонка. Мы ужасно расстроены, так как хотели бы разделить этот момент с ними, но гонка важнее церемонии награждения.

Три внедорожника немецкой марки показываются на аллее. На них надписи «Золото», «Серебро» и «Бронза». По крайней мере недостатка в свободных местах точно не будет! По пути я даю несколько интервью по телефону, это позволяет скрасить дорогу, но, прибыв на олимпийский стадион, я рад наконец покинуть машину и размять ноги.

Небо над нами великолепно. Мы присоединяемся к другим сегодняшним медалистам в большом шатре, где нас посвящают в детали протокола. Я не все их знаю. Место каждого участника определено точно, как в оркестре, где каждый должен найти правильное место, чтобы результат оправдал затраченные средства.

Слушая вполуха, я запоминаю, что нужно дождаться момента, когда заиграет музыка, остальное, кажется, пойдет само собой!

Потом мы беседуем с Альбертом, принцем Монако. Он член Международного олимпийского комитета и будет вручать медали. Наш разговор короток, но я успеваю почувствовать его страсть к спорту. У меня было такое же ощущение в 2011 году, когда я встретил его впервые во время выборов столицы зимних

Олимпийских игр – 2018, которые проходили в Дурбане, в Южной Африке. Во время презентации кандидатуры Анси, в которой я участвовал, он был единственным членом МОК, который задавал содержательные вопросы. Я чувствовал, что он отдал свой голос за кандидата, лучшего с точки зрения спорта, а не с точки зрения политической целесообразности, которая часто наносит вред чистоте выборов.

Приходит распорядитель, чтобы предупредить нас, что пришла наша очередь. Мы проходим за кулисы, где к нам присоединяются две очаровательные девушки-хостес. За первой девушкой должен идти Жан-Гийом, потом я, Ондржей Моравец, и замыкает шествие вторая девушка.

Мы слышим музыку, которая сопровождает вручение медалей предыдущей группе. Свет прожекторов проходит через огромный голубой занавес, который отделяет нас от сцены. Это создает странную атмосферу, как будто находишься среди ночи в ярко освещенном бассейне.

Снова раздается музыка, и первая девушка делает шаг вперед. Мы следуем за ней и выходим на свет. Площадь полна народа. Смотрю на Жан-Гийома, который сияет такой же улыбкой, как и я. Мы огибаем подиум, чтобы встать лицом к публике.

Жан-Гийома вызывают первым, я по-настоящему рад за него. Потом серебряную медаль вручают Ондржею Моравецу.

В момент, когда произносят мое имя, меня прошибает озноб. Как и накануне, я медленно поднимаюсь на подиум, а потом даю выход радости, прыгая так высоко, как только могу.

Приближается девушка, которая держит в руках подушечку с моей медалью. Член МОК из Норвегии берет мой трофей и направляется ко мне. Поздравляет и вешает медаль мне на шею, так что я наконец могу до нее дотронуться и рассмотреть. Она висит на широкой синей ленте и кажется мне тяжелой и очень красивой. В центре золоченый металл уступает место сиянию хрусталя, покрытого гравировкой с мотивами из русской культуры.

Я полностью, абсолютно счастлив. Диктор объявляет: «Государственный гимн Франции», и я улыбаюсь, вспоминая церемонию четыре года назад, где звучал гимн России. Жан-Гийом слева от меня так же наслаждается этим моментом, как и я. Два французских флага поднимаются в небо Сочи. Я смотрю на отца, стоящего в толпе передо мной, он тоже сияет. В этот раз Симона нет рядом. Он остался в Олимпийской деревне, чтобы готовиться к следующим гонкам. Его здесь нет, но я знаю, что он смотрит, он счастлив и гордится мной.

Как и накануне, я медленно поднимаюсь на подиум, а потом даю выход радости, прыгая так высоко, как только могу.

Еще одно золото

Я участвовал только в двух из шести олимпийских гонок, в которых заявлен, но уже завоевал золото и достиг главной цели. В такой ситуации становится невозможным сохранять тот же психологический настрой, который позволил мне покорить Олимп. У меня теперь новый статус. Один из многих спортсменов до этого, отныне я стал человеком, на которого смотрят по-другому даже в пределах Олимпийской деревни.

Я хочу сохранить положительную динамику, которая установилась после пасьюта, но также соглашаюсь разделить моменты общей радости, как было на праздновании в клубе Франции после церемонии вручения медалей. Я был счастлив ненадолго увидеть знакомые лица и еще раз почувствовать, что поздравления искренни. Пробыв там всего час, я сполна насладился этим моментом, тогда как за два дня до этого пришел бы в ярость, если б мне предложили поставить под угрозу отдых перед гонкой.

Накануне индивидуальной гонки тренировка проходит как нельзя лучше. После ночного заморозка снег в идеальном состоянии, а солнце сияет над биатлонным стадионом. На моем лице вместо напряжения первых дней поселилась широкая улыбка. Я делаю акцент на стрельбе и совершаю несколько ускорений «как в гонке» для того, чтобы тело знало: оно не на каникулах.

Не одного меня настигло облегчение: мне кажется, что мое счастье заразно. Начиная от моих коллег и сервисеров и заканчивая журналистами, которые бродят вокруг стрельбища, – все кажутся более расслабленными!

По возвращении в деревню наступает обычная рутина дня накануне гонки: массаж, инструктаж с тренерами, сбор сумки на завтра. Только олимпийская медаль, висящая на ручке холодильника в нашей комнате, напоминает о моем титуле.

Я не «жаворонок», и по утрам чувствую себя не лучшим образом. Как всегда перед гонкой, выхожу на несколько минут, чтобы пройтись перед завтраком. Мне нужны эти моменты, чтобы слушать мое тело и позволить ему плавно втянуться в работу. Несмотря на усталость, накопившуюся из-за торжеств и интервью, знаю, что я в форме. К тому же у меня есть огромное преимущество перед соперниками: отныне с меня снято всякое давление.

Трасса, которая на первых гонках казалась мне ужасно сложной, стала легкой, и перед мишенями я чувствую себя

совершенно свободно. После великолепного начала совершаю маленькую ошибку на второй стрельбе, которая выбрасывает меня за пределы тройки лучших. Я остаюсь спокоен. Убежден, что у меня есть ресурсы, чтобы выиграть.

Благодаря точной стрельбе на третьем огневом рубеже я перемещаюсь на пятое место в предварительных результатах и знаю, что судьба моей победы будет решаться на четвертой стрельбе.

У меня номер 31, и основная часть фаворитов гонки бегут передо мной. Это значит, что меня информируют об их времени, а также об их результатах на последней стрельбе. Я знаю расстановку сил: мне нужно чисто отстрелять на последнем рубеже, чтобы рассчитывать на победу. Может показаться простым для того, кто проводит сотни часов в год, закрывая мишени на тренировке. И совсем не так легко во время олимпийской гонки, когда уже пробежал шестнадцать километров. Но я больше не чувствую стресса. За двадцать пять секунд посылаю пять пуль в центр мишеней и ухожу с огневого рубежа с лучшим предварительным временем.

На последнем круге, когда я уже чувствую запах победы, мне говорят, что немец Эрик Лессер отстрелял 20 из 20. Я знаю, что сильнее его, потому что моя разница во времени с ним составляла только 9 секунд, несмотря на минуту штрафа, которую я получил. Я обожаю такие ситуации, когда берет верх животный инстинкт. Боль становится удовольствием в этой охоте за секундами, отделяющими меня от цели, которую, как я уверен, настигну.

Когда пересекаю финишную черту, это сладостное чувство меня покидает. Теперь у меня нет никакого влияния на ход событий. Яростный зверь, который показал лучшее время на последнем круге, превращается в добычу, приготовленную на убой. Ситуация становится еще более жестокой, так как камеры всего мира нацелены на меня, чтобы передать в прямой эфир мое либо счастье, либо падение.

Я ухожу к нашему массажисту Йоану, который поджидает меня с сумкой сухой одежды, и, что особенно важно, у него есть рация. Члены тренерской команды, стоящие на краю трассы, сообщают о прохождении последнего круга Лессером. Это только их визуальные впечатления, но, кажется, они благоприятны. Для меня.

Снимаю мокрый комбинезон и натягиваю сухое термобелье. В это время единственный спортсмен, который может меня победить, появляется на гигантских экранах. Он прошел отсечку менее чем в двух километрах от финиша. Когда его время

отображается красным цветом, я понимаю, что выиграл. Он идет медленнее, чем я, и не сможет меня догнать. Йоан сжимает меня в объятиях, как и во время первой победы. Знаю, что когда через несколько секунд Лессер пересечет финишную черту, я снова потеряю контроль над своей жизнью! Внезапно меня озаряет идея, я хватаю камеру и поздравляю Элен с днем рождения. Надеюсь, она примет мой титул как подарок, потому что, честно говоря, я забыл приготовить ей другой!

Боль становится удовольствием в этой охоте за секундами, отделяющими меня от цели, которую, как я уверен, настигну.

Надеюсь, она примет мой титул как подарок, потому что, честно говоря, я забыл приготовить ей другой!

Сравняться с Килли

Среди тех, кто пришел меня поздравить в микст-зоне, есть человек, чьим вниманием я был особенно тронут. Тони Эстанге присутствует здесь в качестве члена Международного олимпийского комитета, и я чувствую, что он по-настоящему рад моему успеху. Это немного странная ситуация, что наши роли перевернулись. Помню, как двумя годами ранее я кричал и прыгал как безумный на диване у родителей Элен, когда он завоевал свой третий олимпийский титул на Олимпиаде в Лондоне. В тот день, разрушив всю свою респектабельность в глазах тестя и тещи, я осознал, насколько сильные эмоции может вызывать спорт.

Я так сильно болел за Тони еще потому, что он к тому же спортсмен, которым я больше всего восхищаюсь. Не только как чемпионом – он нравится мне как личность. Чтение его книги «История равновесия» очень мне помогло во время подготовки к Олимпиаде. В ней Тони рассказывает о разных случаях в своей олимпийской карьере и о необходимости следовать своему инстинкту, а также о своем развитии как спортсмена в течение всей карьеры. Еще я нашел в книге многие общие черты на нашем спортивном пути, например соперничество с братом.

Когда Тони говорит мне, что его выбрали для завтрашнего вручения медалей, я уже знаю, что для меня это будет великий момент!

В эмоциональном плане я переживу эту церемонию совершенно по-другому, чем предыдущую. Эйфория на пару с Жан-Гийомом уступила место гораздо более торжественному моменту, когда у меня было время осознать, какое спортивное достижение я только что осуществил. Тони вешает мне медаль на шею, и мы оба чувствуем себя немного неловко. Жесткость протокола слишком отличается от доверительных отношений, которые быстро установились между нами. Он только говорит мне: «Тебе идет твоя медаль», и я отвечаю: «Спасибо». Он не знает, что сейчас это произносит ребенок, которого он вдохновил, а не новый олимпийский чемпион.

Снова раздается «Марсельеза», и со слезами на глазах я смотрю на французский флаг, который еще раз поднимается в небо Кавказа.

Когда спускаюсь с подиума, атмосфера меняется, и в микст-зоне начинает звучать только одно имя – Жан-Клода Килли. Как и у него 46 лет назад, у меня теперь есть возможность завоевать сразу три титула на одной Олимпиаде. Все тут же принимаются

искать сходство между нами. Мне льстит это сравнение, но я далек от таких рассуждений. Наслаждаюсь своей второй победой без всякой задней мысли.

Журналисты же нашли тему для разговоров, чтобы скоротать время до масс-старта…

Не хватило трех чертовых сантиметров

Все могло бы закончиться через два дня последней индивидуальной гонкой, которая была назначена на воскресенье, но тогда драматургия не была бы такой сильной. Для красоты истории нужно было добавить капризы погоды, которые как следует поиграют нам на нервах. Утром мы просыпаемся среди густого тумана, который стоит над горами и не позволяет видеть мишени.

Над всеми витает угроза отмены соревнований, но нужно готовиться к гонке, как будто ничего не случилось. От одного прогноза погоды к другому часы тянутся бесконечно. Много раз мы выходим, чтобы разогреться, а затем снова возвращаемся в импровизированный зал ожидания.

Стефан входит в состав жюри, которое должно решить, проводить гонку либо перенести ее. Как и мы, он не хочет, чтобы соревнования состоялись при такой погоде. В этом случае результаты будут больше похожи на ярмарочную лотерею, чем на Олимпийские игры. Но телевизионные каналы заинтересованы в своевременном проведении соревнований, так как программа Игр очень насыщенная, и в случая изменения расписания будет сложно перекроить сетку трансляций. В 19 часов решение наконец принято. Гонка состоится завтра рано утром.

Будильник заведен на 6.30 утра, но, открыв глаза, я быстро понимаю, что мог бы и не просыпаться так рано. Когда приходит Стефан, туман становится еще гуще, чем накануне. Он объявляет, что гонка опять перенесена, на этот раз на 13.00, но наш метеоролог Дидье не питает оптимизма насчет всего дня.

Я иду на стадион, чтобы узнать температуру. Солнце где-то недалеко над нашими головами, но над землей лежит толстый слой облаков. Нужно будет ждать 14 часов, чтобы услышать официальное решение и расслабиться. До завтра…

Благодаря великолепной работе Международного союза биатлонистов и несмотря на несколько стартов, проведенных в очень плохих условиях, в последние 10 лет почти не было отмен биатлонных гонок. В отличие от наших коллег-горнолыжников, мы не привыкли к таким ситуациям, и по возвращении в Олимпийскую деревню я чувствую себя измотанным. Я еще этого не знаю, но два дня ожидания и долгие часы, проведенные на холоде и при высокой влажности, испортят конец моей олимпийской эпопеи.

В середине ночи мое пробуждение ужасно. У меня температура и боли в районе лба. Я бужу врача нашей команды.

Диагноз поставлен быстро: у меня острый синусит.

Лечение очень простое. Когда ты спортсмен высокого уровня, для этой болезни единственное средство, разрешенное Всемирным антидопинговым агентством – это долипран…

Иду к Стефану, которому достаточно взглянуть на мою голову, чтобы понять, что я не сообщу ему хорошие новости. Мы долго обсуждаем мое состояние, и я говорю ему, что хочу попробовать бежать.

За мою карьеру я много раз испытывал судьбу. В сборной Франции лечить болезнь гонкой – это традиция. В то время как норвежцы отправляются на отдых из-за небольшого насморка, мне иногда приходилось выходить на старт с температурой 39.

Это не повод для гордости, я хорошо понимаю, что каждый раз подвергаю свой организм опасности, но если бы я не шел на риск, я бы не выигрывал так часто Кубок мира.

Провожу кошмарное утро, прикованный к кровати, всеми силами пытаясь снять заложенность носа. Безуспешно.

Приехав на стадион, нахожусь на грани снятия с гонки. Свежий воздух приносит облегчение, и, надев лыжи, мне удается немного отвлечься от моего плачевного состояния.

При старте крупными хлопьями валит снег, и мне кажется, что гонка будет для меня мучением. Первый круг проходит в небыстром темпе, что не может меня не радовать! Я слежу за каждым своим жестом, чтобы максимально сберечь силы. Знаю, что скоро мне понадобятся все мои резервы. Но стратегия обороны никогда мне не удавалась. Слишком пассивный, я промахиваюсь одним выстрелом на первой стрельбе и вдобавок теряю несколько секунд из-за неполадок винтовки.

За мою карьеру я много раз испытывал судьбу. В сборной Франции лечить болезнь гонкой – это традиция.

Выхожу со стадиона я уже на 23-м месте, в 35 секундах от лидера. Моя гордость заменяет мне удар электрошока. Я до сих пор доминировал на этих Играх, и не хочу их закончить подобным образом. Если суждено, я буду побежден, но сделаю это достойно, после того как отдам последние силы в этой битве.

Чем больше я обгоняю своих соперников, тем больше забываю про боль, несмотря на условия скольжения, которые становятся все хуже из-за снега, накапливающегося на трассе. Мне удается отстреляться чисто на втором и третьем огневых рубежах, и я покидаю стадион, видя недалеко впереди себя группу лидеров. Быстро догоняю их, и к стадиону для последней стрельбы мы подходим только вчетвером. Моравец, мой сосед по подиуму пасьюта, Бьёрндален и Свендсен. Я знаю, что возник из ниоткуда.

Мне нечего терять.

Я уже выпустил три пули, а мои соперники еще не начали стрелять. Дальше продолжаю в более медленном темпе, добиваясь того, чтобы две последние пули стали всего лишь формальностью. Спустя несколько секунд Моравец и Свендсен повторяют мой успех. Бьёрндален выбит из борьбы четырьмя штрафными кругами…

Именно в этот момент я совершаю свою самую большую ошибку. Мне ни в коем случае нельзя было терять темп и позволить им нагнать те четыре секунды преимущества, которые мне дала моя скорость при стрельбе.

Мы вместе бежим на последний круг, и расстановка сил меняется. Я сосредоточиваю внимание на Эмиле Свендсене, так как знаю, что Моравец, который возглавляет нашу группу, делает это из последних сил и скоро бросит бороться. Меньше чем в двух километрах до финиша Эмиль предпринимает атаку. Я вплотную следую за ним, что не удается сделать Моравецу.

Несколько месяцев назад журналисты представляли эту Олимпиаду как борьбу между Эмилем и мной. Но в итоге пришлось ждать последней личной гонки, чтобы так широко разрекламированное сражение состоялось.

На последнем спуске его скольжение лучше, чем мое, но ему не удается меня обогнать. Как только он сходит с лыжни, которую проделали наши лыжи на предыдущих кругах, свежий снег заставляет его терять скорость, и он снова вынужден держаться позади меня.

Мне удается сохранять удачную траекторию, и это дает некоторое преимущество. За триста метров до финиша он делает бросок слева от меня и обгоняет. Я вижу этот обгон, но не могу вовремя среагировать. Понадобилось несколько десятых секунды, чтобы в свою очередь начать спуртовать, и эти доли секунды позволили ему создать отрыв.

Я продолжаю бороться и постепенно нагоняю. Знаю, что вряд ли получится, но твердо верю в себя. Безнадежно бросаюсь на финишную черту, пытаясь его обогнать. Слишком поздно. Разница ничтожна, но мне не нужен фотофиниш, чтобы понять, что моих усилий было недостаточно.

Из полутора миллионов сантиметров, которые мы преодолели, мне не хватило трех, чтобы совершить исторический хет-трик. Магия цифр… Три сантиметра в пользу Эмиля. Никто, кроме него, не мог бы проделать со мной такое!

8
Моя маленькая фирма

Олимпийское золото меняет все в твоей карьере. Но когда тебе посчастливилось завоевать больше одного и эти титулы подкреплены успехами предыдущих лет, вся жизнь круто меняется. Например, в том, что касается денег и спонсорских контрактов.

Я не стал дожидаться звания олимпийского чемпиона и заранее организовал профессиональную структуру для всего, что прямо не относится к спорту. Поэтому и оказался готов к потоку деловых предложений, последовавших за Играми в Сочи.

В 2010 году я основал свою компанию для того, чтобы отделить призовые, заработанные в гонках, от денег, которые я надеялся получить от спонсорских контрактов. Эта фирма также позволяла мне платить зарплату людям, которые на меня работали. Например, я предложил Кати Лальман, которая работала на лыжную Федерацию и французский Олимпийский комитет, заниматься также моими связями с прессой.

Два года спустя у меня состоялся разговор с Тедди Ринером, в котором я спрашивал, как устроены его деловые отношения. Мне нравился тот образ, который он транслировал, он мне казался вполне соответствующим настоящему Тедди, а также нравилось, как его партнеры использовали и монетизировали его образ, без того чтобы замыкать его в жестких рамках. Я читал в L'Equipe, что Тедди работает с адвокатом, Дельфин Верейден. Он подробнее рассказал об их сотрудничестве, и я подумал, что и мне может быть полезна ее помощь. Впервые я встретил ее на мероприятии «Звезды спорта», где она читала лекцию для молодых спортсменов о сотрудничестве со спонсорами. Честно говоря, это могло бы быть первое свидание, на которое я не явился, так как пропустил ее презентацию, запутавшись во время тренировки на велосипеде в дорогах района Канталь. До сих пор не знаю, был я тогда ей знаком или нет. Попросил ее уделить мне время, чтобы я рассказал, что мне нужно, и она в свою очередь объяснила, на каких условиях работает. Разговор состоялся немедленно. Эта встреча сыграла большую роль в моей карьере.

Дельфин – адвокат, а не агент, и это меня устраивает. Мне нужен не человек, который ищет для меня спонсоров, а профессионал, который может сопровождать сделку и выполнять роль консультанта. С того момента, как договор подписан, работа Дельфин с моими партнерами окончена, и я принимаю эстафету

общения со спонсорами на 100 %. Я оплачиваю ей время, которое она затратила на сделку, а не проценты с контракта. В такого рода делах мне не нравится принцип оплаты по процентам от сделки, он заставляет агентов искать как можно бóльшие суммы контрактов, независимо от их качества. Это не наша с Дельфин философия. Мой принцип – лучше меньше, да лучше. Я хочу заниматься тем, что имеет для меня значение и не представляет меня в ложном свете. Точно так же я не могу представить себя в рекламе фирмы, чьи действия идут вразрез с моими убеждениями, идет ли речь об экологии или о других принципах простого гуманизма, которым я привержен.

Возможно, в 20 лет я был бы менее требователен, но сейчас у меня есть возможность выбирать надежных спонсоров, которые сопровождают меня долгое время и благодаря которым я хорошо зарабатываю. На самом деле, при составлении договора со спонсорами имеют значение многие другие вещи, кроме денег. Конечно, сумма контракта остается определяющей, но когда мы обсуждаем договор, о деньгах речь идет в последнюю очередь.

Для меня время, проведенное с семьей, значит больше, чем возможность накопить деньги. Также важнее денег для меня то, что партнеры предлагают мне делать. Я не хочу заниматься вещами, которые не доставляют мне удовольствия или налагают ограничения выше разумных.

> Спортсмен высокого уровня – звучит круто, но если ты говоришь только о спорте, это не будет долго интересно людям, которые тебя слушают.

На самом деле, мои предложения для спонсоров сейчас очень разнообразны, так что все довольны. Это может быть съемка рекламы или использование моего образа, как в случае с MGEN, либо встречи с персоналом предприятия. Я люблю такую форму сотрудничества, когда чувствую, что мой рассказ интересен аудитории и может быть ей полезен, например, в отношении мотивации. Спортсмен высокого уровня – звучит круто, но если ты говоришь только о спорте, это не будет долго интересно людям, которые тебя слушают.

Есть и другие способы взаимодействия со спонсорами. Например, мне пришла в голову идея предложить Rossignol выставить все мои трофеи в холле их штаб-квартиры. Мне не хотелось заводить у себя дома музей личной славы, но также было жаль оставлять олимпийские медали (которые часто сами по себе произведения искусства) лежать в коробке в гараже.

Раз уж зашла речь о деньгах

Поскольку я решил быть полностью откровенным, назову точные суммы. Мои призовые на Кубке мира составили с начала карьеры около 1,5 миллиона евро, из которых 380 тысяч я заработал за последний сезон (2016/17), рекордный по числу побед. Призовые всем известны: победитель кладет в карман 13 тысяч евро, обладатель второго места – 10 тысяч, третьего – 7 тысяч, и так далее до занявшего 15-е место, который довольствуется 500 евро. Есть также бонусы, их выплачивают в конце сезона. Победитель в общем зачете Кубка мира получает от Международной федерации чек на 30 тысяч евро. Сюда также надо добавить премию от французского Олимпийского комитета, которая выплачивается за олимпийские медали. 50 тысяч евро – за золото, 20 тысяч – за серебро и 13 тысяч – за бронзу. Конечно, это всё суммы до вычета налогов, потому что я должен отдать государству более 40 % моих призовых.

Я не ищу способов защитить от налогов то, что зарабатываю. У меня никогда не было финансового или налогового агента. Считаю справедливой обязанность платить налоги и плачу их в полной мере. Думаю, что нахожусь в лучшем положении, чем большинство людей. В юности я много получил благодаря французской системе бесплатного образования, системе стипендий и от федеральных структур[18], поэтому нахожу логичным в свою очередь помочь этой системе работать и дальше. Но не стану отрицать, что у меня вытягивается лицо, когда я должен подписать в пользу государства чек на сумму с пятью нулями!

Я не инвестирую свои деньги на бирже и не вкладываюсь в спекуляции. Я ничего об этом не знаю, и меня это не интересует. Конечно, хочу обеспечить всем необходимым мою семью, но не любой ценой. Я горд, что могу зарабатывать деньги моей работой, а не заставляя работать мои деньги.

Может быть, с возрастом изменю философию, но это случится не завтра. Сейчас я инвестирую только в то, к чему лежит душа. Как в случае с прекрасным проектом, который шеф-повар, обладатель двух мишленовских звезд Кристоф Арибер осуществил в своем ресторане в местечке Урьяж, недалеко от Гренобля. Ресторан скоро получит третью звезду Мишлен, это человеческая история и амбициозный проект, который мне нравится и к которому я счастлив иметь отношение.

В повседневной жизни я не мот, но и не скряга. Умею делать приятное себе и людям, которые меня окружают, но не хочу

казаться тем, кем не являюсь. Я не кидаю понты. С ранней юности знаю цену деньгам, и то, как многим людям трудно их заработать. Элен работает учителем, большинство наших друзей не имеют больших доходов, и я не хотел бы жить в отрыве от них. Езжу на очень хорошей машине, подаренной моим спонсором BMW, у меня красивый дом, а в остальном… Люблю путешествовать и знаю, что однажды совершу безумство: куплю участок и построю дом своей мечты. Это мне свойственно, я люблю декор, архитектуру. Я рос в старинном сельском доме из камня, который стоял немного на отшибе, это было прекрасное здание в роскошном окружении, и с тех пор я сохранил желание иметь красивый дом. Знаю, что спорт однажды позволит мне воплотить эту мечту, и отлично понимаю, насколько мне повезло иметь все, что я имею.

Страх пустоты

На первый взгляд ничего не изменилось. Но для меня все стало по-другому. Я осуществил свою самую большую мечту и на следующий день обнаружил, что цели больше нет. Я никогда не смел мечтать о чем-то, что будет после того, как получу олимпийское золото. Я ничего не планировал на время «после», тогда как олимпийская цель определяла мою жизнь в течение почти десяти лет.

До Сочи все было просто: у меня была цель и был план. За что же мне теперь зацепиться? На оставшуюся часть сезона, на остаток карьеры?

Я никогда не стремился войти в историю спорта. Знаю: что бы ни случилось, олимпийские медали являются достаточным свидетельством моего спортивного и профессионального успеха. В отличие от представления, которое часто складывается обо мне, я не каннибал, голодный до побед, трофеев и рекордов. Я рос с мечтами, которые отныне исполнил.

> Я осуществил свою самую большую мечту и на следующий день обнаружил, что цели больше нет.

Засыпая после возвращения из Сочи, я спрашиваю себя, какой будет моя реакция, когда нужно будет заставлять работать тело и особенно дух в новых условиях, ведь я уже сыт наградами…

Задаю себе вопрос и боюсь дать на него ответ. Я чувствую себя опустошенным.

К счастью, последние этапы сезона – скорее формальность. Я пользуюсь своим преимуществом в общем зачете, чтобы снова выиграть Кубок мира, при этом не ощутив ничего особенного. Третий подряд «Большой Хрустальный глобус», завоеванный почти машинально…

Но тот же вопрос мучает меня во время заслуженных каникул на Сейшелах. Я не хочу заканчивать карьеру. Не хочу, чтобы правы оказались те, кто думает, что в постолимпийский сезон я буду более расслаблен. Но в то же время знаю, что ничто точное, осязаемое больше не будет мне помогать каждый день поддерживать самый высокий уровень требований к себе, который я должен моему спорту, чтобы надеяться взамен получить те же результаты, что и до этого.

Весной, с возобновлением тренировок, обнаруживаю себя все перед тем же белым листом. У меня выработалась привычка записывать черным по белому мои цели на предстоящий сезон в

тот момент, когда начинается предсезонная подготовка. Теперь ничего не приходит в голову. Сколько бы я ни старался нацарапать «завоевать новые титулы чемпиона мира», прекрасно понимаю, что это ничего не значит. Я больше не могу делать то же самое, думать так же, как раньше.

Я найду решение, даже сам того не осознавая. Несколько месяцев спустя смогу понять и объяснить свой метод. Тогда же я действовал инстинктивно, решив больше не гнаться за наградами, знаками и доказательствами моего таланта и моей работы, а наоборот, в качестве главной опоры выбрать саму работу. Больше не ставить себе других целей, кроме как стать как можно лучшим лыжником, как можно лучшим стрелком, как можно лучшим профессионалом, день за днем, гонка за гонкой. Абстрагируясь от целей и наград… Я перешел к методу, сфокусированному на качестве подготовки, обращенному больше внутрь меня самого. Я искал зерно безумства, искал импровизацию и фантазию, свойственные мне в более юном возрасте и которые мне было так трудно обуздать, чтобы обрести твердость, необходимую в те времена. Речь не шла о том, чтобы повернуть время вспять, но чтобы вновь обрести качества, которые сделают меня сильнее.

Загвоздка в том, что этот период сомнений помешал мне должным образом восстановиться после тяжелого сезона. Моя голова правила бал, и тело было вынуждено ей повиноваться. Я приступил к тренировкам, не дав ему как следует отдохнуть. Разумеется, я должен был за это поплатиться.

Трудные месяцы

В середине июня сборная Франции отправилась на двухнедельный сбор в Преманон. Там случился мой первый опыт пребывания в барокамере. Первый и последний: я ее возненавидел…

Такая камера воспроизводит эффект пребывания на высоте, пока ты спишь. Считается, что она позволяет организму вырабатывать больше красных кровяных телец, и при этом ты тренируешься на равнине, со всеми ее преимуществами, особенно для работы мышц.

Некоторые спортсмены считают барокамеру полезной, но я не отношусь к их числу. К тому же остается этическая проблема, которую поднимает этот искусственный метод.

В общем, я был счастлив в начале июля уехать на каникулы в долину Аоста с семьей и родителями жены. Мы гостили в деревне, где живет Кристиан, мой сервисер. Ежедневные тренировки проходили прекрасно, и по прошествии двух недель я чувствовал себя готовым увеличить нагрузки во время запланированного сбора в Норвегии, который начинался в середине июля. Но, будучи там, уже на второй тренировке я почувствовал себя изнуренным, вообще ни на что не годным. Остаток сбора провел как призрак, не понимая, что со мной не так. Несмотря ни на что, я пытался готовиться к летним гонкам на фестивале Блинк, на который нас пригласили. Но в таком состоянии я упал на лыжероллерах, сломал несколько палок, короче, ничего не получалось… Хуже всего было ночью. Я чувствовал себя усталым, но не мог заснуть. Настоящий порочный круг.

Я вернулся в Фон-Ромё и прошел череду тестов. Врач подозревал что-то неприятное, и он оказался прав. Мононуклеоз.

Я испытал практически облегчение, зная имя несчастья, которым страдал, это позволило мне прекратить упреки в свой адрес: «Это все в твоей голове, ты слишком зациклен на себе!» Да, я испытал облегчение, но встревожился. Я был не первым, с кем такое случилось, но, порывшись в Интернете, прочитал, что несколько спортсменов были вынуждены закончить карьеру из-за этой болезни, а другие так никогда и не восстановили свою прежнюю форму… В частности, так говорили о Роджере Федерере, который подхватил такую же болезнь. С тех пор мы видели цену этому мнению!

Неприятность этого вируса – в неопределенности, так как сила и длительность его действия могут быть разными. Это может

продолжаться две недели, три месяца, шесть месяцев, год… Лекарство же всегда одно: ждать.

Вначале я думал о том, чтобы пропустить первую часть сезона и попытаться достичь хороших результатов на чемпионате мира, но ни в коем случае не пропускать весь сезон. Еще в глубине души был страх, что я никогда не смогу вернуться… Без сомнения, это побудило меня делать все возможное, чтобы доказать себе обратное. На самом деле я не прерывал тренировки. Я довольствовался легкой тренировкой по утрам, во второй половине дня особенно не тренировался, но всегда присутствовал, принимал участие в жизни команды. Я выполнял в двойном объеме то, что мог делать: стрельбу, растяжку, – растягивался по три часа в день! – и внимательно следил за питанием, чтобы не набрать ни грамма лишнего веса…

Во всех сопутствующих тренировках я был безупречен, повторяя себе: «Твои соперники тренируются, в то время как сейчас ты не можешь это делать. Так что нужно, чтобы во всех остальных областях они не имели перед тобой ни секунды преимущества».

Это было изнурительно. Я очень плохо спал по ночам, усталым начинал утро, меня тревожило, в какой форме я нахожусь и что будет дальше. Задавал себе тысячи вопросов… Оглядываясь назад, понимаю, что мог бы выиграть у болезни немного времени, если бы поехал с семьей на каникулы на море, сделав перерыв в занятиях спортом.

Но меня сводил с ума этот вирус, неизвестная дата моего выздоровления, неумолимый обратный отсчет времени до начала сезона.

Август был ужасен. Сентябрь тоже. В октябре я вернулся к обычному режиму тренировок, а в ноябре стал более уверен в себе, поскольку обнаружил, что в итоге потерял не так уж много по сравнению с товарищами по команде.

> «Твои соперники тренируются, в то время как сейчас ты не можешь это делать. Так что нужно, чтобы во всех остальных областях они не имели перед тобой ни секунды преимущества».

Мы выиграли первую эстафету на открытии Кубка мира, во время которой я показал лучшее время на лыжне. Сразу же за этим я пережил грандиозный провал в индивидуальной гонке, заняв 81-е место, но потом одержал победу в спринте и пасьюте! Я не был до конца уверен, что полностью победил вирус, но относительно своей конкурентоспособности на трассе я снова был спокоен.

День, который мог бы быть идеальным

Три дня назад наша сборная покинула Францию, направляясь на этап Кубка мира в Оберхоф. Так как меня освободили от участия в эстафете, которая открывала соревнования, я не поехал вместе с командой, собираясь позднее добраться на самолете. 7 января 2015 года пользуюсь поздним часом своего вылета, чтобы еще раз покататься на лыжах дома. Я уеду на три недели и понимаю, что мне будет не хватать этих простых моментов свободного катания.

Этот день – один из тех зимних дней, которые люблю больше всего. На небе ни облачка, мороз ниже 10 градусов пощипывает лицо. Снег свежий, и солнце медленно появляется над верхушками деревьев. Я совершенно один на «королевской трассе», она считается визитной карточкой Веркора. Останавливаюсь, чтобы полюбоваться великолепным видом, который расстилается передо мной. Я спокоен, умиротворен.

Когда возвращаюсь домой, Элен держит в руке тест на беременность. Положительный. Я обнимаю ее, и мы оба улыбаемся. Это идеальный день.

По дороге в аэропорт Лиона мы обсуждаем счастливое событие, которое изменит нашу жизнь. Радио, звучащее фоном, неожиданно привлекает наше внимание. Неизвестные проникли в редакцию сатирического журнала Charlie Hebdo и открыли огонь во время рабочего совещания. Двенадцать погибших.

Мы в ужасе перед такой ненавистью, в то время как через несколько месяцев сами собираемся дать начало новой жизни. Я вспоминаю спокойствие, которое чувствовал несколькими минутами раньше, и не понимаю. Как можно совершать такое?

9
Моя самая красивая гонка

Год назад я впервые одержал победу в Оберхофе во время масс-старта. Это не помешало Венсану Дефрану прислать мне сообщение, в котором он дружески подтрунивает надо мной и напоминет, как он это делал, начиная с моих первых побед, что я стану мужчиной только тогда, когда, как он, выиграю спринт Оберхофа… Я рассчитываю, что заставлю его сменить пластинку!

Как и всегда в этом месте, погода стоит ужасная, это коктейль из дождя, ветра и тумана, в очередной раз заставляющий думать об угрозе отмены соревнований, даже если отмена невозможна из-за давления телеканалов в союзе с тридцатью тысячами немецких болельщиков, которые не испугались стихии и собрались, чтобы петь «Oh wie ist das schön»[19] в перерывах между поглощением колбасок и пива.

Если некоторые победы бывают «легкими», то сегодня это не так. Мое скольжение посредственно, а ошибка на стрельбе лежа еще больше затрудняет задачу. Все еще отставая от Бьёрндалена на последней отсечке, я отдам все силы, чтобы в итоге превзойти его на четыре маленькие секунды.

Не знаю, стал ли я мужчиной, но очевидно одно: события последних дней заставили меня еще больше повзрослеть.

На следующий день дождь сменился снегом, но ветер стал неконтролируемым. Как часто бывает при таких условиях, многие из нас избежали ловушек на первых двух огневых рубежах, поскольку это была стрельба лежа.

После двух кругов никто из десятка человек лидирующей группы, к которой принадлежу и я, не горит желанием возглавить гонку. Остаются еще две стрельбы стоя, и я не хочу рисковать, доверяя свою стрельбу воле случая. Когда стоишь напротив мишени, воздействие ветра на винтовку слишком сильно. Оно дестабилизирует дуло винтовки, направляя пулю далеко от цели. Невозможно. Я решаю оторваться от пелотона и бежать один.

Мой выбор оправдывает себя на первой стрельбе стоя. Я попадаю на стрельбище между порывами, которые налетают через равные интервалы, тогда как мои преследователи вынуждены стрелять в настоящую бурю. Кажется, моя решительность вознаграждена!

Итак, перед последней стрельбой я один на большом стадионе Оберхофа. Мне нужно пробежать 500 метров вдоль трибун как можно ближе к ним, укрываясь от ветра, который

затрудняет движения. Чувствую дыхание публики в нескольких сантиметрах от себя. Я знаю, они хотят, чтобы я провалился на стрельбе, чтобы гонка снова обрела интригу, а также, чтобы местный уроженец Эрик Лессер, идущий третьим, мог догнать и затем обойти меня.

Я становлюсь на изготовку напротив мишени под номером один, как того требуют правила. Глубоко дышу, чтобы как можно больше насытить организм кислородом, а также замедлить сердечный ритм, который сейчас близок к 180 ударам в минуту.

Вставляю обойму и фиксирую взгляд на мушке винтовки. Я мысленно вхожу в туннель, который через пятьдесят метров заканчивается мишенью как единственным выходом. Все вокруг перестает существовать, я один в своем пузыре.

Сосредоточиваюсь на том, чтобы проделать движения, которые я столько раз отрабатывал. Прицелиться, мягко сдвинуть полукилограммовый курок указательным пальцем. Раздается выстрел, и я вижу, что мишень закрылась. Один раз, два раза, три раза. В этот момент моя винтовка становится неуправляемой. Теперь ветер дует так сильно, что телекамера, которая меня снимает, до этого надежно закрепленная на треноге, начинает раскачиваться. У меня есть две альтернативы. Я могу быстро выпустить две последние пули без малейшего шанса попасть в мишень, а затем пробежать два штрафных круга и оказаться по-прежнему далеко впереди, поскольку мое преимущество это позволяет. Сделав такой выбор, я практически наверняка выиграю, но… это решение кажется мне неэлегантным, далеким от спортивного духа, который во мне живет. Я также могу подождать, когда ветер на несколько секунд утихнет, чтобы пытаться попасть в мишени последними двумя пулями… Это рискованно, но такое решение мне ближе. Я рассматриваю только второй вариант. Предпочитаю проиграть, пытаясь завершить гонку красиво, чем выиграть, намеренно допустив два промаха.

Захваченный бурей, поднимаю голову от винтовки и, уставившись куда-то в пустоту, жду. Секунды идут, как в замедленной съемке. Когда мне удается выпустить четвертую пулю, я уже растерял все преимущество над соперниками, которые тоже приступили к стрельбе, удивленные тем, что видят меня здесь. В обстоятельствах, когда мне нельзя промахнуться, проведя минуту как можно более неподвижно, ощущаю то, что биатлонисты называют «трясучкой». Ноги начинают дрожать. Как и любой, кто попадал в такую ситуацию, знаю, что ждать больше нельзя. Прицеливаюсь в черноту мишени и освобождаюсь от этой пытки. Я отстреливаюсь без промаха, и сам не могу в это поверить.

Это не самая большая моя победа, но, определенно, самая впечатляющая. Соединив терпение и риск, я использовал в этой гонке все элементы, которые делают меня хорошим биатлонистом, а также подчинил самую неукротимую из стихий! Иностранные тренеры один за другим приходят пожать мне руку, с уважением качая головой. Я очень горд.

> Я не хочу расслабляться – в биатлоне все меняется очень быстро, – но неизбежно испытываю некоторое облегчение.

Еще не прошла и половина сезона, но после этого этапа я имею такое преимущество в Кубке мира, которое заставляет думать, что никто уже не сможет меня догнать. Я не хочу расслабляться – в биатлоне все меняется очень быстро, – но неизбежно испытываю некоторое облегчение. Погодные условия и пережитые на этой неделе эмоции заставили меня потратить очень много энергии, а расписание гонок не оставляет возможности для полноценного восстановления. На первой же тренировке на следующий день я чувствую, как непослушны мои мышцы, будто лишены всех сил. В дальнейшем это ощущение сохранится.

Глаз тигра

Каково же мое удивление, когда, придя для интервью в конференц-зал нашего роскошного отеля с видом на Осло-фьорд, я обнаруживаю сидящего там немца Симона Шемпа. Кати, мой пресс-атташе, только что отклонила предложение о нашем совместном интервью для немецкого телеканала ZDF.

Если обычно я не имею ничего против подобных словесных дуэлей, то именно это интервью я предпочел избежать. Впервые с начала сезона лидеры общего зачета Кубка мира так близки друг к другу. В январе Симон выступал великолепно, чередуя победы и места на подиуме, в то время как я переживал спад формы, последовавший за моими победами в Оберхофе.

Накануне этапа в Осло у меня всего лишь шесть очков преимущества, то есть ровно разница между первым и вторым местом в одной гонке. Русский спортсмен Антон Шипулин дышит нам в затылок. Ситуация складывается не в мою пользу, поэтому мы с Кати решаем избежать этой деликатной ситуации, когда я должен сражаться с Симоном еще и на словах, и взамен предложить немецкому телеканалу классическое интервью, где я один буду разговаривать с журналистом.

Поймав мой мрачный взгляд, интервьюер понимает, что я раздражен, и тут же уточняет, что Симон Шемп уже закончил свое интервью, и они хотят «всего лишь» заснять, как мы жмем друг другу руки. Трудно отказать в такой просьбе, тем более что рукопожатие не может решить исход борьбы за Кубок мира, по крайней мере так я себе говорю.

Я протягиваю ладонь к руке Симона и сильно сжимаю ее, глядя ему прямо в глаза. Для меня это скорее знак уважения, чем брошенный вызов, но я сразу же чувствую, что он не в своей тарелке. Его рука влажная, и он при любом удобном случае отводит взгляд, пока оператор настраивает телекамеру.

За несколько минут все изменилось. Расклад сил поменялся на противоположный. Убежден, что мне удалось почувствовать неуверенность в глазах Симона накануне индивидуальной гонки в Осло, которая окажется решающей в битве за «Хрустальный глобус».

Чтобы добавить еще больше интриги, мне достается первый стартовый номер. Я не смогу прятаться за чужими спинами и должен буду сконцентрироваться только на собственной гонке, не имея никакой зацепки за результаты моих соперников.

Начинаю осторожно, после первого круга у меня только одиннадцатое время. Остальное пройдет великолепно. Я

наращиваю темп, в то время как мои главные соперники «сыплются» один за другим. Выкатываясь на стадион для последней стрельбы, я вижу на большом экране, что Шемп и Шипулин сделали по два промаха на третьей стрельбе.

Расклад прост: если отстреляюсь без промаха, я выиграю гонку и создам отрыв в общем зачете Кубка мира.

Я люблю этот финальный поединок, решающую стрельбу, которая составляет магию биатлона. Именно ради этих моментов я так тяжело тренируюсь весь год. Делаю последний глоток воздуха перед тем, как отрешиться от всего мира. Я совершенно один, и только от меня зависит исход гонки.

За тридцать три секунды, так как я не торопился, стараясь прицелиться как можно лучше, я провел идеальную стрельбу, вычерпав из самой глубины себя необходимую для этого энергию. Покидая стрельбище, не могу удержаться и не послать улыбку Зигфриду. Я одновременно горд и счастлив. Мне остается только бросить остаток сил на последний круг, чтобы как можно быстрее добраться до финиша.

> Я люблю этот финальный поединок, решающую стрельбу, которая составляет магию биатлона.

Я первым из 98 участников узнаю свое итоговое время, но уже уверен в победе и предварительно праздную ее, сделав телемарк[20] на мостике в этой Мекке лыжного спорта.

Спустя несколько часов, когда, удовлетворившись финальным протоколом, ложусь на массажный стол, Бруно, мой массажист, говорит: «Сегодня четверг, 14 часов. Не так уж много народа видело по телевизору то, что здесь произошло. Они пропустили самую важную гонку сезона!»

Пока мы обмениваемся заговорщическими взглядами, я вспоминаю рукопожатие с Симоном Шемпом. Вот уже месяц я не мог его обыграть, он завоевал шесть подиумов подряд, но сегодня он пришел на финиш 27-м. Остаток сезона подтвердит то, что я почувствовал, когда мы стояли лицом к лицу. Остается восемь стартов, и он больше не сможет одержать надо мной верх.

Искушение лыжными гонками

Норвежский этап завершается прекрасным вторым местом в спринте. В то время как мы с командой наслаждаемся прощальной вечеринкой, которая проходит в зале нашего отеля, мой телефон начинает звонить. На другом конце провода Франсуа Фэвр, тренер сборной Франции по лыжам. Через несколько дней начинается лыжный чемпионат мира в Фалуне, и он хочет, чтобы я вошел в состав эстафеты!

Полгода назад, болея мононуклеозом, я, скрипя сердце, вынужден был отказаться от этого столь желанного мною вызова. И вот теперь, когда я сосредоточен на чемпионате по биатлону и веду борьбу за Кубок мира, этот вопрос снова стоит передо мной.

Я знаю, что у меня есть возможность принять участие в этих соревнованиях, и что такая эстафетная команда имеет шансы завоевать первую коллективную медаль на чемпионате мира в истории французского лыжного спорта. Уверен, что атмосфера будет замечательной и что я буду жалеть всю жизнь, если откажусь от такого блестящего предложения.

Но также понимаю, что после смазанной из-за болезни предсезонной подготовки я не смогу участвовать в двух подряд главных стартах, а затем в заключительном этапе Кубка мира в России.

Дилемма проста: я должен выбрать между престижной, но гипотетической медалью в лыжах и защитой моего «Большого Хрустального глобуса» и моих титулов чемпиона мира.

У меня есть ночь на раздумья. Но если обычно этого мне хватает, сейчас так не получается. Я рассмотрел проблему со всех сторон, но не нашел удовлетворительного решения. Это предложение нельзя отвергнуть, если слушать мое сердце; но его нельзя принять, если слушать мой разум.

Наконец я звоню Франсуа и говорю, что принял решение. Я построил свою карьеру на уважении к выбору, который делал в тот или иной момент. В самые тяжелые дни мононуклеоза я решил, что сосредоточусь на биатлоне, чтобы попытаться спасти сезон, который считал проваленным. На этот раз я скажу «нет».

После нескольких дней, проведенных дома, чтобы отдохнуть и снова упаковать багаж, мы опять собираемся в Финляндии, в местечке Вуокатти, для подготовки к чемпионату мира. Как обычно, дни довольно сильно загружены, но долгие групповые тренировки на лыжах, а также совместные переживания за наших коллег-лыжников создают отличный настрой в команде.

В конце сбора, как обычно, проводим тестовую гонку на

время. Для меня она проходит наилучшим образом. Я готов. Однако мне остается еще одно испытание перед тем, как я полностью погружусь в чемпионат мира: посмотреть лыжную эстафету в Фалуне!

Я говорю об испытании, потому что даже если я, растянувшись на диване в комнате, которую мы делим с Симоном Дестьё и моим братом, знаю, что принял верное решение, отклонив предложение, знаю также, что буду не в силах помешать себе представлять, будто являюсь четвертым участником эстафеты…

Жан-Марк Гайяр, старожил этой команды и последний из «поколения Виттоза[21]», показывает результат ниже своих возможностей. Когда он передает эстафету Морису Манифике, я испытываю странные эмоции, которые мне неприятны: что-то среднее между сожалением не быть там и ощущением, что я сделал правильный выбор. Толчок за толчком, круг за кругом Морис приближается к группе лидеров. Он проводит героическую гонку, и я захвачен этим азартом. Возбуждение нарастает, и мы криками подгоняем Робена Дювийяра, который в свою очередь великолепно проводит этап.

Когда Адриен Бакшайдер принимает эстафету, медаль почти в кармане. За норвежцами, шведами и французами создан разрыв. Чувство, которое жило во мне в начале гонки, полностью исчезло, и я стал их самым преданным болельщиком.

С этого момента начинается странная игра, норвежец и швед борются друг с другом, и подобно тому, как это бывает в велоспорте, никто не хочет быть лидером гонки. Адриен оказывается впереди с десятисекундным преимуществом над скандинавами. Я обещал себе ни о чем не жалеть, но, вопреки моему желанию, это невозможно. Финал гонки для меня будет трудным, для них – освободительным. Победа двух скандинавов не уменьшит их счастья. Завоевав бронзу, они принесут облегчение французским лыжникам, которые уже давно заслуживали командную медаль на чемпионате мира.

Когда они получают поздравления от сервисеров, на моем лице снова появляется улыбка. Понимаю, что не был участником команды, чтобы радоваться этой медали так, как они. Я испытываю облегчение, что не изменил своим решениям и остался на собственных рельсах. В любом случае слишком поздно переписывать историю, и я знаю, что если по-настоящему захочу, у меня снова будет шанс войти в лыжную сборную. Браво, парни!

Черная лента

Мне нравится Контиолахти, несмотря на то, что есть места и более гостеприимные. Он расположен всего в трех тысячах километров от Северного полюса, и температуры здесь часто соответствующие. В 2010 году представителям Международной федерации даже пришлось слегка подышать на термометр, чтобы гонки могли состояться, так как регламент соревнований позволяет их проводить при температуре не ниже минус 20 градусов.

Чемпионат начинается великолепно: мы завоевываем серебряную медаль, доставшуюся нам в результате последней стрельбы в смешанной эстафете.

Во время спринта ветер адский. Если я всегда борюсь за победу после стрельбы лежа, три промаха на стойке лишили меня всякой надежды. Симон Шемп, который бежал недалеко от меня, тоже не смог справиться с порывами. Семь штрафных кругов похоронили его чаяния заполучить «Большой Хрустальный глобус».

На последнем круге дудочки французских болельщиков, которые выводили «Марсельезу» во время двух предыдущих кругов, утихли. Медали придется подождать.

Мне не удается исправить ситуацию и во время пасьюта. Я провожу очень среднюю гонку и финиширую на почетном седьмом месте, которое меня совсем не удовлетворяет. В этот вечер я отправляюсь спать усталым и расстроенным. До индивидуальной гонки есть еще день отдыха.

Свет телефона ударяет по моим сонным глазам. Странная привычка – только проснувшись, утыкаться в экран, но это позволяет мне сохранять контакт с родными и остальным миром. Везде заголовки: «Разбились». Камиль Мюффа, Флоранс Арто и Алексис Вастин погибли во время съемок телепередачи в Аргентине. Это шок. Я их знаю мало, или даже совсем не знаю, как и в случае с Флоранс Арто, но оглушен.

Мне нравилась скромность Камиль в мире, где спортсмен часто живет больше за счет того, что он делает за пределами спорта, чем за счет своих достижений. Я встречался с ней только раз, в уголке роскошного Клуба Франции, устроенного на берегу Темзы, когда во время Олимпиады в Лондоне она стала чемпионкой в плавании на 200 метров вольным стилем. Я не стал беспокоить ее, чтобы не утомлять очередными поздравлениями, но она сама подошла ко мне поговорить.

С Алексисом я пересекался несколько раз во время

мероприятий, таких как «Звезды спорта» или встречи, организованные Adidas. Я очень уважаю его путь в спорте и силу характера, которую он показал, открыв факты несправедливых решений на Олимпиаде, сделанных судьями, которые не были полностью беспристрастны.

Они моего возраста, похожей судьбы, похожей страсти. И они умерли на другом конце света, когда наслаждались жизнью, испытывая новый опыт, после того как посвятили себя большому спорту.

Возвращаясь с завтрака, я встречаю французских журналистов, они спрашивают о моей реакции на трагедию, о которой мы только что узнали. Я не знаю, что сказать. В такие моменты слова ничего не значат. Однако мы останавливаемся посередине коридора, чтобы об этом поговорить. Большинство из них освещали достижения Флоранс, Камиль и Алексиса. Как и я, они болели за них вживую или перед телевизором. Как и я, они шокированы. Когда мы прощаемся с Марком, журналистом из L'Equipe, он спрашивает, не хочу ли я сделать жест на финише следующей гонки. Я об этом еще не думал.

Чувствую себя неловко, публично выражая соболезнования, потому что грань между состраданием и пиаром на несчастье часто очень тонка. Но я глубоко тронут, и мне нужно это сказать. Тогда я рисую черную ленту на желтой майке, которую надену завтра. Это мой собственный способ высказаться, поблагодарить их за вдохновение, которое они мне дали. И попрощаться.

Тогда я рисую черную ленту на желтой майке, которую надену завтра. Это мой собственный способ высказаться, поблагодарить их за вдохновение, которое они мне дали.

Когда подхожу к стартовым воротам, ко мне обращается распорядитель, который проверяет снаряжение. На смеси английского и немецкого он говорит, что я не могу стартовать в таком виде. Моя майка была изменена, и я ни на секунду не подумал, что это может создать какие-то проблемы.

Время идет, я пускаюсь в объяснения о том, зачем нарисовал несмываемым маркером черную ленту на уровне моего сердца. До старта остается меньше минуты, когда он наконец понимает и делает мне знак проходить.

Мои лыжи быстры, агрессивны. Я управляю происходящим. Чувствую себя сильным, и ошибка на первой стрельбе стоя ничего не изменит. Пересекая финишную черту, поднимаю указательный палец к небу. Я не мог посвятить им ничего другого, кроме победы.

Я не мог проиграть

Перелет прямой, но от этого он не становится менее длинным. В тесноте чартера, зафрахтованного Международным союзом биатлонистов для перелета в Ханты-Мансийск, усталый, но спокойный, я просматриваю таблицу общего зачета Кубка мира. Еще ничего не решено окончательно, но я располагаю вполне комфортабельным преимуществом.

Осталось три гонки, а я на 110 очков впереди Шипулина, что практически равно очкам, которые дают две победы. Мне нужно всего-навсего не провалиться в спринте.

В такой ситуации очень легко стать параноиком. Я теперь пью только минеральную воду, мою руки по десять раз в день и надеваю обувь с шипами всякий раз, когда выхожу на улицу, чтобы избежать риска поскользнуться и упасть.

В такие моменты всплывают в памяти случаи из истории нашего спорта. В 2005 году немец Свен Фишер проиграл «Большой Хрустальный глобус» в последней гонке. Он заболел и не смог использовать свой шанс.

Я знаю, что подобное может произойти и со мной, но как только выхожу на старт в спринте, думаю только о хорошем: еще восемь месяцев назад я еле передвигал ноги, сраженный мононуклеозом. В течение долгих недель мысленно страдал, мучимый сомнениями и мыслями о возможном конце карьеры, но продолжал верить, что выйду победителем из этого испытания. После того что довелось пережить, я просто не могу сломаться и все потерять в каких-то десяти километрах от самой прекрасной награды, моего четвертого «Большого Хрустального глобуса»! Нет, он не мог бы принадлежать никому кроме меня!

10
Норвежские каникулы

Эта идея пришла мне в голову уже давно. Нужна пауза, новое дыхание, чтобы преодолеть рутину, привнести что-то новое в жизнь спортсмена высокого уровня, которая иногда бывает немного монотонной. Вдвоем с Элен мы хотим приобрести новый опыт в нашей совместной жизни. Вместе пережить необыкновенные моменты, при этом не жертвуя моей спортивной подготовкой. Скоро мы в первый раз станем родителями, и, значит, для нас это последняя возможность сполна насладиться только обществом друг друга. Мы знаем, что с появлением Манон все изменится. Мы сделали осознанный выбор стать родителями, но считали важным посвятить время друг другу перед большим прыжком в новую жизнь. Мы с Элен уже давно хотели провести некоторое время за границей. Даже собирались на год обосноваться в Норвегии, но появление Манон несколько изменило наши планы. Мы переезжаем только на два летних месяца, с конца мая по начало августа. Путь лежит в Осло, где, по счастливому стечению обстоятельств, в следующем марте состоится чемпионат мира.

С чемпионатом мира или без Осло был идеальным вариантом. Действительно, город в двух минутах от моря, скандинавское качество жизни, долгие летние дни, совсем рядом девственный лес. Кроме того, в Холменколлене есть вся инфраструктура, необходимая для тренировок. Это единственное место в Европе, подходящее под наш проект переселиться в другую страну, при этом не ставящий под удар мою подготовку.

Проштудировав онлайн-объявления, я стал искать жилье на Airbnb. Я был требователен: мне нужна квартира в Холменколлене, где есть вся инфраструктура для занятия лыжами, и еще я хотел, чтобы с балкона открывался красивый вид. Это сузило круг предложений до двух прекрасных квартир, одна из которых была украшена несколькими фотографиями из биатлона. Я нашел имя владельца, и мне удалось получить его координаты через друзей, которые живут неподалеку. Цена, указанная на Airbnb, ни много ни мало – 200 евро за ночь, стала более подходящей, когда мы сказали, что хотим приехать на два месяца. С тех пор мы подружились с Ниной, и последние два лета она по нескольку недель жила в нашем доме в Виллар-де-Ланс, пока мы с Элен и дочками были в Пиренеях…

В этом доме мы с Элен провели несколько недель в состоянии

самого простого счастья. Меня никто не беспокоил: я предупредил журналистов, что хочу пожить в тишине и пообещал, что последние два дня нашего пребывания посвящу интервью. Спонсоры тоже любезно перенесли свои планы, связанные со мной. Я очень серьезно тренировался. Уходил на тренировку рано, как здесь принято, и на пробежке, на велосипеде или на лыжероллерах я запоминал места, куда мы вернемся вместе с Элен после обеда или на следующий день. Мы устраивали пикники, ходили купаться в море, а когда у меня был выходной, уезжали на целый день, чтобы исследовать окрестности на машине…

Я предупредил Эмиля Свендсена и Терьея Бё, что приеду к ним тренироваться. И мы провели много тренировок вместе. Мы уже давно привыкли к совместным тренировкам во время сборов, и наши тренировочные методики не представляют секрета. Каждый следует своей программе, и мы совсем не переживаем, что откроем какую-то тайну. Только несколько местных СМИ высказались на эту тему, но им не удалось испортить нам удовольствие… Однако была большая полемика на норвежском телеканале NRK, потому что Олимпийский комитет Норвегии открыл мне доступ в тренажерный зал, так же как делается во Франции, когда к нам приезжают иностранные спортсмены. Журналист предпочел представить это так, что я использую инфраструктуру, которая содержится на налоги норвежцев, значит, норвежцы косвенно оплачивают мои будущие спортивные успехи! Однако это не изменило отличную атмосферу, в которой мы жили. Вместе с Эмилем регулярно проводили два-три часа на лыжероллерах. Он показал мне места, которых я не знал, провел по своим любимым маршрутам…

Несмотря на то что мы проводили вместе огромное количество времени, ценили и уважали друг друга, говорили друг с другом, но мы никогда не открывались полностью, на 100 %. Между нами всегда был барьер, и в каком-то смысле он останется до тех пор, пока один из нас не завершит карьеру. В гонках наше соперничество создает между нами дистанцию, но здесь, задолго до начала сезона, я открыл для себя совсем другого Эмиля. Гордый вид, который он иногда имеет перед лицом широкой публики, не соответствует тому, какой он в реальности, при близком знакомстве. Его манера поведения – это скорее способ защиты. Он живет в стране, где очень популярен. Благодаря спортивным результатам, красивой внешности и тому, что его считали преемником Бьёрндалена, будучи еще очень юным он стал настоящей звездой в Норвегии.

Эмиль – мой лучший соперник, с ним я проводил самые

яростные битвы, одерживал самые красивые победы и переживал худшие поражения. Подобно Жан-Гийому Беатриксу в моей юности, Эмиль все время заставлял меня повышать мой уровень. Невозможно совершить большие спортивные достижения, не имея настоящего соперника…

> Эмиль – мой лучший соперник, с ним я проводил самые яростные битвы, одерживал самые красивые победы и переживал худшие поражения.

Сегодня, когда я думаю о значимых гонках в моей карьере, вспоминаются три. Судьба всех трех решалась финишным спуртом, и все три я ему проиграл. Тогда он был лучшим в мире финишером, я был в двух шагах от того, чтобы его победить, но каждый раз совершал маленькую ошибку, которая оказывалась фатальной! Я выиграл много гонок, со спуртом и без. Но эти три я помню лучше всего. Потому что был он, и был я…

Конечно, это масс-старт в Сочи, о котором я уже много рассказывал. Пасьют в Нове-Месте в 2013 году, когда нужно было десять минут дожидаться результатов фотофиниша, чтобы определить победителя. И в начале моей карьеры, пасьют на этапе Кубка мира в Форт-Кенте, в США в 2011 году. Мы бежали последний круг вместе, выйдя с последней стрельбы бок о бок, оба запыхались на последнем участке дистанции, а потом… гораздо более опытный гонщик, чем я, перед финишем он заставил меня пройти поворот по внешнему радиусу, чтобы потом выбросить лыжу на несколько сантиметров впереди. Определенно, он заслужил эти три победы, но у меня они до сих пор поперек горла!

Конечно, мы не говорили об этом в те два раза, когда он со своей подругой приходил ужинать в наш дом в Осло. И, разумеется, после таких моментов, когда мы стали более близки, наши отношения изменились. Но не настолько, чтобы полностью уничтожить барьер, который ставит между нами наше соперничество! Хотя его результаты пошли вниз после Олимпиады в Сочи, Эмиль остается одним из моих главных конкурентов во время важнейших соревнований. И я знаю, что он будет готов к следующим Олимпийским играм, чтобы заставить меня сделать ошибку на последнем повороте…

Я вернулся после двух месяцев в Осло прекрасно отдохнувшим, обновленным, убежденным, что сделал правильный выбор. Я насладился благодатными каникулами с Элен после многих лет, в течение которых проводил каждый сезон на самом высоком уровне.

Поэтому совсем не случайно, что спустя полгода я оказался

триумфатором на чемпионате мира в Осло. Кроме того, вся сборная Франции выступила прекрасно, выиграв медальный зачет с одиннадцатью медалями, в том числе шестью золотыми. Далеко опередив норвежцев…

Хотя мне не удалось взять «Большой шлем», заняв «только» второе место в масс-старте, который я уступил Йоханнесу Бё, я завоевал четыре золота и одержал победу, во второй раз после 2013 года, в зачете всех дисциплин Кубка мира (спринт, пасьют, индивидуальная гонка и масс-старт). Я также заполучил пятый подряд «Большой Хрустальный глобус», что стало рекордом. Но, однако, этот невероятно успешный сезон завершится ужасным разочарованием…

Ощущение предательства

Ветер яростно завывает над Ханты-Мансийском, сильные порывы уносят свежий снег, выпавший сибирской ночью.

Угроза отмены нависла над масс-стартом, который должен состояться через два часа. Мое сердце колеблется между перспективой завершить сезон отменой гонки и выступлением в условиях бури. После того как безобразничал всю ночь, Эол в итоге обрушил огромный прожектор, который возвышался над стрельбищем. Это сделало стрельбище недоступным, но гонка отменена прежде всего из соображений безопасности зрителей и спортсменов.

После моего пропуска пасьюта из-за провала в спринте, волшебный сезон-2016 завершается паршиво. Но как могло быть иначе?

Держа в секрете новость, которая грызла меня с конца чемпионата, я плохо провел всю неделю, лишенный сил, без конца мечтая о том, чтобы снова встретиться с маленькой дочкой, которую не видел уже месяц. Я мог бы облегчить душу, поговорив с товарищами по команде, но не хотел портить последнюю неделю соревнований, отравляя их дух тем, что мучило меня самого.

Когда тренеры собирают нас в своей комнате, я уже знаю, о чем пойдет речь. Мое лицо замкнуто и мне трудно делать вид, что я не в курсе. Накануне я посвятил во все Жан-Гийома. А для двух Симонов (Фуркада и Дестьё) и Кентена Фийон-Май сюрприз будет полным. У Стефана мрачный взгляд. Сидя на кровати с компьютером на коленях, он не торопится открывать собрание. Яростно стуча по клавишам ноутбука, он как будто срывает гнев на них.

Зиг, наш тренер по стрельбе, нервничает, стоя лицом к нам. Как будто я снова вижу его восемь лет назад, когда он скромно начинал работать в сборной Франции. Кажется, вся самоуверенность, которую он приобрел за эти годы, теперь исчезла. Поразительный контраст с тем спокойствием, которое он демонстрировал еще накануне, стоя за своей подзорной трубой.

Он запинается, но слова наконец звучат.

«Это еще не точно, но мне предложили тренировать сборную Норвегии, и с вероятностью 80 % я соглашусь».

Я собирался молчать, но тут я его прерываю.

«Я не согласен. Ты уходишь или остаешься, это твой выбор. Мы его примем, но я хочу, чтобы ты сделал это сейчас. Мы не хотим быть запасным вариантом».

«Понимаю, и я должен был сказать вам по-другому. Я ухожу из команды».

Он продолжает говорить, объясняя свои мотивы, но я его больше не слушаю. Я погрузился в мысли, которые живут во мне вот уже неделю. У Зига свои причины, семейные ли, финансовые или профессиональные, я их понимаю, и не мне его судить. Но ни одна из них не может избавить меня от ощущения предательства, которое снова меня охватывает.

За десять лет нашей с ним работы в команде Дофине и в сборной Франции я доверял ему полностью. Мне всегда жаль, если профессиональные отношения не подкрепляются личной привязанностью. С Зигом у меня сложилось взаимопонимание, которое мало кто из спортсменов имеет со своим тренером. Несчетное число раз я ночевал у него дома в Дроме во время наших выездов на сборы, чтобы сделать паузу на пути из Пиренеев в Альпы. Велотренировки, которые обязательно заканчивались у него в бассейне, возлияния на вечеринках в конце сезона, безумный смех во время съемок «Ранчо», юмористического интернет-сериала… Его взгляд был первым, что я видел после каждой стрельбы, едва подняв голову от визира. Изредка этот взгляд был недовольным, но чаще ободряющим.

Его рефлекторная реакция, когда я закрыл последнюю мишень в олимпийском пасьюте, меня глубоко тронула. Десять лет я был уверен, что наши отношения гораздо больше, чем обычная связь тренер – спортсмен, и его теперешнее решение это все перечеркнуло.

Я знаю, что горечь утихнет, и никогда не забуду все, что он для меня сделал. Но сердце мое сжимается, когда вижу его в стане своих злейших врагов. Не сомневаюсь, что с ними он тоже завоюет много мировых и олимпийских титулов, но думаю, что ему будет сложно испытать те эмоции, которые мы когда-то испытывали вместе.

Его взгляд был первым, что я видел после каждой стрельбы, едва подняв голову от визира.

У меня также есть претензии к Норвежской федерации биатлона, так как я понимаю, что кроме проекта, который они хотят реализовать вместе с ним, они также хотят дестабилизировать мою подготовку. Иначе зачем выбирать тренера из страны, которая идет третьей в мировом рейтинге по стрельбе, а не из России, где процентовка в среднем на 5 % выше, или Германии, которая славится своей стрелковой школой?

С человеческой точки зрения, это тяжелый удар для команды, похожий на развод супружеской пары. После собрания мы долго

обсуждаем ситуацию. Даже если мнения разделились, – мои товарищи не были так глубоко привязаны к Зигу, как я, – мы знаем, что будет трудно снова найти такое совпадение характеров. И тем не менее теперь мы очень довольны, что к нам присоединился Франк Бадью, вице-чемпион по стрельбе на Олимпиаде в Барселоне. Его новый подход и богатый опыт приносят нам огромную пользу, он всегда рад возможности построить хорошие отношения и испытать с нами новые приключения.

Почему я никогда не буду принимать допинг

В прошлом сезоне[22] развернулась большая дискуссия на тему допинга. Дискуссия, в которую я тоже был вовлечен, поскольку выразил свое нетерпимое отношение к этому бедствию. Речь шла, в частности, о российском биатлонисте, который вернулся после двухлетней дисквалификации за использование ЭПО[23]. И это произошло как раз тогда, когда по результатам независимого расследования Ричард Макларен обнародовал доклад о государственной системе допинга и сокрытия положительных допинг-проб в России.

Мне часто говорят, что нужна смелость для того, чтобы иметь собственное мнение о проблеме допинга. Не думаю, что я особенно смелый, и, конечно же, не для того, чтобы показаться смелым, я высказываюсь на эту тему!

Спорт был мечтой моего детства, и в течение последних лет он стал для меня гораздо большим. Разумеется, это профессия, которой я посвящаю львиную долю своего времени, но также это фильтр, через который меня видят другие.

Победы и поражения, все то, что я выиграл или проиграл, чем я горжусь и что пережил – это не может быть построено на лжи, иначе весь мой мир разобьется вдребезги. Я не смогу жить, зная, что все это обман, что мои успехи были результатом действия искусственных веществ, а то, что составляет мою силу – не более чем хитрый трюк. Я не смог бы смотреть в глаза своим близким, зная, что я совсем не тот, за кого они меня принимают.

> Победы и поражения, все то, что я выиграл или проиграл, чем я горжусь и что пережил – это не может быть построено на лжи, иначе весь мой мир разобьется вдребезги.

Уже скоро восемь лет, с первой олимпийской медали, меня сопровождают ваша поддержка и признание. Со временем благодаря спортивным успехам и вниманию прессы эта поддержка вышла за пределы лыжной трассы и переместилась в мою повседневную жизнь. Сейчас не бывает и дня, чтоб меня не узнали, одного или с семьей, в супермаркете, на каникулах или за рулем. Для меня это огромная честь, но также и ответственность за то, чтобы не разочаровать моих болельщиков.

Именно для того, чтобы защитить свое доброе имя, я так яростно выступаю против допинга и возможных обвинений в том,

чего я не делал.

Как еще я могу убедить людей, что честно выиграл у тех, кто принимал допинг? Я бы хотел дать ответ, но, к моему большому сожалению, не могу. Долгое время я думал, что если тебя контролируют больше 35 раз за год, это служит надежной гарантией твоей честности. Но Лэнс Армстронг[24] показал всем, и мне первому, что это не может гарантировать ничего. Значит, сегодня все спортсмены вынуждены нести на себе груз подозрений.

Со временем я научился жить с этим недоверием к себе, научился принимать тот факт, что моя работа и все, что я создал, могут быть отвергнуты теми, кто не верит в мою честность. Достаточно зайти на любой спортивный форум после гонки, чтобы прочитать, что эти храбрые диванные анонимы обо мне думают.

Но пишу эти строки не для них, они не изменят своего мнения. Я обращаюсь к вам, к своим близким, к ребенку, которым я когда-то был, и к другим детям, которые смотрят на меня как на супергероя!

Не хочу никого поучать, поскольку убежден, что, хотя многие спортсмены предпочитают поменьше говорить о допинге, большинство атлетов «чисты». Я уверен, что можно участвовать в «Тур де Франс» без допинга, как это и делает бóльшая часть пелотона. Безусловно можно стать олимпийским чемпионом и без обмана и выхода за флажки. Мой пример тому доказательство, как и многие другие.

За всю карьеру я ни разу, ни издалека, ни вблизи, не имел дела с допингом. Чтобы быть полностью откровенным перед лицом скептиков, скажу, что никогда не запрашивал терапевтических исключений, которые разрешают спортсменам принимать запрещенные препараты для борьбы с болезнью, либо в качестве допинга, с позволения контролирующих органов… Хотелось бы, чтобы терапевтические исключения стали публичными, это уберегло бы от злоупотреблений, которые, например, раскрыли русские хакеры Fancy Bears во время Игр в Рио.

Я бы также хотел, чтобы наказание за употребление допинга стало более жестким, чтобы всем было понятно, каковы правила игры: запрещено пользоваться допингом, а не попадаться на допинге.

> За всю карьеру я ни разу, ни издалека, ни вблизи, не имел дела с допингом.

В любом случае не стоит часто прибегать к пожизненной

дисквалификации, так как есть вероятность ошибки, и, кроме того, все имеют право на второй шанс. Однако, если ты вводишь в вену ЭПО, тут не может идти речь об ошибке. И здесь недостаточно просто сделать штрафной круг и иметь право спокойно вернуться, как если бы ты всего лишь не закрыл мишень.

На борьбу с допингом я потратил много энергии с малым результатом, но здесь речь идет о моей чести. В глубине души я знаю, что выгоднее не говорить об этом, одиноко злиться в своем углу, чтобы не прослыть занудой, который везде сует свой нос. Но каждый новый случай задевает меня за живое, так что мне необходимо высказаться.

У меня есть только одно сожаление по поводу моих высказываний на тему допинга: люди реагируют на конкретный случай, а не на проблему, которая за ним стоит. Сегодня «Фуркад критикует Жалабера», завтра «Фуркад докапывается до русских»… В результате я предстаю как вечный критикан, я это понимаю. Но не могу говорить о допинге, не подкрепляя это примерами, ведь обычно он глубоко скрыт и незаметен.

Грустно это признавать, но дело движется плохо, и мы часто бьемся впустую. Фигуранты скандалов меняются – от BALCO до Макларена, не забывая о Puerto, Human Plazma и Ferrari, – но истории остаются теми же самыми. Может быть, я очень наивен, но не понимаю, почему ситуация не улучшается! Не заинтересованы ли мы все в том, чтобы спорт был чистым? Спортсмены, организаторы, медиа, спонсоры… Это как с защитой окружающей среды: даже те, кто загрязняет природу, нуждаются в том, чтобы дышать чистым воздухом и пить чистую воду. Это должно заставить их задуматься, разве нет?

Но я никогда не отступлю. Знаю, что, к сожалению, для моего поколения мало что изменится, и наши достижения еще не раз поставят под сомнение. Но это не должно мешать нам бороться, чтобы молодежь когда-то увидела то, о чем сейчас приходится только мечтать: чистый спорт, избавленный от подозрений. Когда закончу карьеру, я хотел бы использовать свои убеждения и опыт, чтобы внести вклад в борьбу с допингом.

Остаться в истории

В прошлом году (2016/17) у меня было невероятное начало сезона. В конце декабря я уже положил в копилку семь индивидуальных побед. Разумеется, как и в Сочи, когда журналисты вспоминали рекорд Жан-Клода Килли, взявшего три золота на одной Олимпиаде, как и в Осло, когда я был в шаге от «Большого шлема», первого в истории чемпионатов мира, так и здесь начали вестись разговоры о рекорде: числе побед в течение одного сезона. До этого рекорд держал Бьёрндален, завоевавший 12 побед в сезоне 2004/05. И, естественно, что взяв семь побед в восьми гонках, я был на идеальной позиции, чтобы вычеркнуть его имя из скрижалей. Но быстро ощутил бремя этой охоты. Просто потому, что боялся потерпеть неудачу, как уже было в Сочи и Осло, когда дважды оказывался перед лицом Истории. У меня сложилось впечатление, что должен выполнить желание, которое сначала не было по-настоящему моим, но которое я быстро принял как свое.

Никогда особенно не хотел вписать свое имя в историю спорта, но я игрок, и когда мне представляется возможность совершить что-то, что никто никогда не делал, у меня появляется желание. Не для того, чтобы оставить наследие, – другие побьют мои рекорды, и тем лучше, – но потому что я не так часто за свою карьеру прикасался к неизведанному, хотя и добился многих прекрасных вещей в спорте. На самом же деле боялся снова оказаться несостоятельным перед этой стеной. Это породило во мне смесь желания и напряжения. Возбуждение. До такой степени, что я решил не пропускать финал Кубка мира в Осло ради рождения Инес, хотя уже выполнил свои цели и завоевал шестой «Большой Хрустальный глобус»… Я знал, что случаи, когда ты противостоишь тому, что никто до тебя не делал, нечасто встречаются в карьере. В итоге я установил новый рекорд в четырнадцать побед за сезон, а Инес подождала моего возвращения для того, чтобы родиться. Победа по всем фронтам! Только одна неувязка: я обещал Элен оставаться трезвым на последней вечеринке в Осло (обычно после нее все очень устают…), чтобы быть бодрым и готовым назавтра, если Инес решит высунуть свой носик. Должен признаться, что Инес была очень великодушна и подождала еще один день. Потому что бодрым я точно не был!

Я никогда не хотел вписать свое имя в историю спорта, но я игрок, и когда мне представляется

возможность совершить что-то, что никто никогда не делал до этого, у меня появляется к этому желание.

Знаю, иногда сложно поверить, что для меня не важно остаться в истории моего спорта. Это трудно понять, но это правда. Прошлым летом я читал интервью Усэйна Болта, который сказал: «Надеюсь, мои рекорды никогда не будут побиты». Я же надеюсь, что все мои рекорды побьют! Какими бы ни были наши успехи в настоящий момент, мы все незначительны в масштабе всего спорта, будь то биатлон, футбол или атлетика… Единственное, что мне важно, – это здесь и сейчас. Я не стремлюсь коллекционировать титулы, но хочу победить каждый раз, когда выхожу на старт. Хочу быть лучшим сегодня. Через десять лет в любом случае уже не я буду действующим лицом, с рекордами или без. Я поклонник биатлона, и очень уважаю старшее поколение, большие имена в спорте, но понимаю, что сегодня они перестали быть звездами. Кого помнит широкая публика, молодежь? Бьёрндалена. Потому что он всегда здесь. Конечно, еще помнят Рафаэля Пуаре, но это во Франции. В других странах биатлонисты моложе 20 лет его не знают. Так же будет и со мной, через меньший или больший промежуток времени.

С другой стороны, меня не особенно волнует, чтобы обо мне помнили. Я не чувствую в этом потребности, просто стараюсь преуспеть там, где это возможно и пока это возможно.

Будь то чемпионат мира или тренировка, во мне есть глубинная тяга к соревнованию. И, наоборот, у меня никогда не было желания высечь свое имя в мраморе, чтобы мои рекорды длились до скончания веков. Меня стимулирует настоящий момент, вызов здесь и сейчас, а не вечность. Обычно я не думаю о рекордах, пока они не встают прямо передо мной, в ближайшей перспективе. И я уверен, что будут еще другие возможности, другие проекты, которые откроются мне, пока я соревнуюсь.

Я уже намного превзошел то, что планировал сделать. Во время Олимпиады в Ванкувере был убежден, что завершу карьеру после Сочи, говоря себе: «Первая Олимпиада пробная, на второй Олимпиаде завоюю золото, и хватит, в жизни полно прекрасных вещей!» Но я до сих пор здесь. И есть большая вероятность, что останусь еще. Пока этот маленький огонек горит во мне…

Приложение

Вы держите в руках биатлонную мишень в реальном размере. Расположите книгу в 50 метрах, и вы лучше поймете, какую цель нам нужно поразить, и это после интенсивной физической нагрузки!

Как при стрельбе лежа, так и при стрельбе стоя, мы видим одно и то же (мишень диаметром 115 мм). Однако во время стрельбы лежа мы должны попасть в центр белого круга (диаметром 45 мм), чтобы закрыть мишень и увидеть, что она стала белой!

На биатлонном жаргоне пуля, которая попала в самый центр мишени, называется «яблочко». Пуля, попавшая в край мишени, называется «габарит». Габарит может улыбнуться нам и пройти, но он также может быть жесток и не закрыть мишень. В таком случае мы говорим, что габарит не прошел.

Вы держите в руках биатлонную мишень в реальном размере.

Азбука биатлона

Перечитывая эти строки, я понял, что упомянул все дисциплины биатлона, не учитывая, что некоторые читатели, возможно, не являются экспертами, знакомыми со всеми тонкостями. Значит, мне нужно сделать пояснения, которые специалисты вполне могут пропустить. Однако… Никогда не вредно повторить основы!

Я считаю спринт эталонной гонкой в биатлоне. Гонка не самая популярная, но именно она показывает уровень спортсмена и его место в иерархии. Ты один на трассе, твой соперник – только время, никто и ничто не вмешивается. Формат очень простой: десять километров с перерывами на две стрельбы – одна лежа, другая стоя. Здесь нужно короткое и интенсивное усилие, но, несмотря на краткость, можно создать ощутимое преимущество во времени. Это та гонка, в которой ты чаще всего оказываешься в красной (анаэробной) зоне. Нужно выложиться полностью, сознавая, что даже малейшая ошибка не может быть исправлена.

Эта гонка открывает большие чемпионаты, она позволяет настроиться, задать тон. Она также в значительной степени определяет следующее соревнование, гонку преследования. Чтобы быть лучшим в мире, надо быть лучшим в спринте.

В начале моей карьеры королем этой дисциплины был Эмиль Свендсен. Нужно хорошо бежать, точно прицеливаться и быстро стрелять. Эмиль все это умел. Теперь Йоханнес Бё невероятно успешен в этой гонке. Его стиль сильно отличается от моего. Меньше контроля над гонкой, в большей степени подход «пан или пропал». Отдать все и додержать до конца. Когда это срабатывает, его трудно победить, даже когда я в своей лучшей форме.

В прошлом сезоне в Рупольдинге я провел один из своих самых красивых спринтов. Эберхард, один из лучших лыжников на Кубке мира, отстрелялся чисто, как и Эмиль. Стоя в стартовой зоне и видя их результаты, я понимал, что у меня нет права на ошибку. И в глубине души мне это нравится! Мои тренеры это знают. Стефан Бутьё часто мотивирует меня, стоя на обочине трассы и крича: «Если хочешь выиграть, ты знаешь, что тебе делать, у тебя нет права на ошибку». Это не очень типично. Тренеру не полагается такое говорить. Обычно он должен давать надежду, ободрять, иногда немного лгать, в зависимости от ситуации. Но меня это стимулирует: именно в безвыходном положении я работаю лучше всего.

В отличие от спринта, гонка преследования (пасьют)

предполагает контактную борьбу с соперниками. Берем результаты спринта и получаем стартовый лист на пасьют. Если, например, победитель в спринте выиграл с десятисекундным преимуществом над вторым местом, в пасьюте он стартует на десять секунд раньше… Это правило работает только для 60 человек, показавших лучшие результаты в спринте. Двенадцать с половиной километров, две стрельбы лежа, две стрельбы стоя, каждый промах наказывается (как и в спринте) штрафным кругом в 150 метров.

Пасьют – гонка, в которой я показал свои первые хорошие результаты на Кубке мира и в которой с тех пор имею наибольшее число побед. Эта гонка мне хорошо подходит по одной простой причине: так как она объединяет в себе результаты двух гонок (спринта и пасьюта), она вознаграждает стабильного спортсмена и редко позволяет выиграть аутсайдеру…

Я также очень люблю контактную борьбу, сражение мужчины с мужчиной. Она есть и в масс-старте, но, как поясню ниже, ее характер немного другой. В пасьюте твое ускорение немедленно действует на соперника. Если ты ускоряешься достаточно сильно, он отстает, и ты видишь, как он отстал. В масс-старте, так как ты бежишь в пелотоне, отбор производится сзади. При ускорении отваливаться будут спортсмены в хвосте пелотона, которые даже не знают, кто именно ускорился и заставил их отстать… Это ограничивает не только психологический эффект маневра, но, должен признаться, и удовольствие, которое я от него получаю. Это уже не сражение двух мужчин, а в большей степени стратегическая гонка, где последствия твоих усилий не наступают немедленно.

Во время пасьюта я в своей стихии, и иногда даже способен на провокации. Я напрямую воздействую на психологическое состояние моих соперников. Могу им показать, что чувствую себя очень сильным и что у них нет права ни на малейшую ошибку. Влиять, оказывать давление – это тоже часть игры.

Есть еще один аспект, который я люблю в пасьюте. Когда я показал хороший результат в спринте, но, однако, не выиграл его, на старте пасьюта я оказываюсь в положении охотника. Люблю такое начало гонки, когда видишь впереди соперника, как в прицеле! Мне нравится заранее планировать, когда я его нагоню, и потом сделать это немного раньше, чем ожидал. Особенно люблю переход от охотника к добыче, когда становлюсь лидером гонки и уже мои соперники стараются удержать меня в поле зрения. Когда гонка проходит таким образом, испытываю восхитительное чувство, что управляю происходящим. Я наслаждаюсь!

Моя самая важная победа в пасьюте – это, разумеется, олимпийский пасьют в Сочи. Недавно в Марселе во время лекции для руководителей компаний я рассказывал о последнем выстреле в той гонке. Том, который позволил завоевать мой первый титул олимпийского чемпиона. Многие месяцы и, без сомнения, даже годы я думал об этом двадцатом, решающем, выстреле. Я прекрасно знал, что в момент выстрела будет вероятность, что себе скажу: «Если ты попадешь, ты будешь олимпийским чемпионом!» Конечно, в теории это заставит тебя промахнуться и потерять медаль, которая была на кончике твоей винтовки. Потому что ты ее увидел на своей шее на несколько минут раньше, чем нужно… Даже лучший в мире психолог не сможет избавить тебя от образа золотой медали, который возникнет в тот или иной момент. На самом деле на тренировках я годами играю с этими паразитными мыслями. Свыкаюсь с ними. Приручаю их. Часто сам провоцирую их, воспринимая это как еще один вызов.

Этому несколько необычному методу положил начало Тьерри Дюссер, мой тренер в команде Дофине. На собрании накануне гонки, чтобы мотивировать нас, он часто повторял: «В команде Дофине мы попадаем последним выстрелом!» Под этим понималось: «Спортсмены из других команд мажут последним выстрелом, но мы – никогда!» На моем первом Кубке Европы, когда я должен был сделать последний выстрел, отстреляв уже 9/9, ко мне пришел этот девиз, как озарение. «В Дофине последним мы попадаем!» Я попал, и так началась моя мания. Позже я пытался понять: каким образом то, что не было технической мыслью, а, наоборот, типичной мыслью-паразитом, смогло мне помочь? Я сделал простой вывод: это дало мне дополнительную концентрацию в момент наибольшего риска. Ведь классическая глупость в биатлоне – это поторопиться с последним выстрелом, уже представляя себе окончание гонки.

Правила масс-старта, или гонки с общего старта, еще более просты: на старт выходят тридцать лучших в мире биатлонистов, им нужно бежать пятнадцать километров с четырьмя огневыми рубежами (две стрельбы лежа, затем две стрельбы стоя). Штрафы за промахи такие же, как в спринте и пасьюте. Выигрывает тот, кто первым пересечет финишную черту.

Масс-старт – это флагманская гонка для публики и медиа. Для спортсменов она имеет привкус элитарности, что усиливает ее привлекательность. В ней не имеют права участвовать все спортсмены, это удел лучших. Для новичков, которые только начали выступать на Кубке мира, это гонка мечты, гонка для взрослых. Во всяком случае, так я это представлял, когда сам был

новичком. Должен признаться, на нескольких масс-стартах я был не в качестве участника, а в роли зрителя на краю трассы. Задним числом можно сказать, что это было очень полезно в плане обучения тактике. Конечно, в то время я все воспринимал иначе и изнывал от желания оказаться на месте участника, а не зрителя. Попасть в масс-старт уже было достижением. Выиграть масс-старт было Граалем.

Это тактическая гонка, в которой я сделал значительный прогресс за последние сезоны. Я понял, что усилия, которые ты прикладываешь в начале гонки, часто бессмысленны и могут дорого обойтись в дальнейшем. Для меня это тяжело, но факт. Я всегда выхожу на старт первым (согласно моему месту в общем зачете), но все усилия, которые могу приложить вначале, бесполезны. Действительно, невозможно сразу вымотать моих главных соперников. Нужно или отрываться и бежать одному с риском потратить слишком много сил, или оставаться в гуще и ждать, пока не произойдет отсев на стрельбе. Надеясь не допустить ошибку в самый неподходящий момент, то есть на последнем огневом рубеже. Это гонка терпеливых. Не самая подходящая к моему темпераменту, но что поделать…

Есть еще элемент «схватки», который придает несравненную остроту масс-старту. Мне часто приходится поработать локтями, чтобы сохранить свое место в пелотоне, а также дать понять сопернику, пытающемуся меня обойти и вытеснить: «Нет уж, это мое место!»

Первые круги нервные, мы наталкиваемся друг на друга, бывают падения и сломанные палки, так что лучше держаться впереди. Это вопрос опыта. После нескольких месяцев соревнований уже хорошо знаешь специалистов по силовому обгону, тех, кто может тебя оттолкнуть или сломать тебе палку. Я мог бы назвать двоих или троих особенно злостных. С другой стороны, поскольку я сам довольно задирист, знаю, что кто-то и меня считает несносным.

Индивидуальная гонка – это исторический формат в биатлоне. Но это также гонка наименее раскрученная, наименее телегеничная, наиболее суровая. Хотя я и большой любитель биатлона, иногда бывает, что скучаю, смотря женскую индивидуальную гонку. Однако это гонка, в которой я обожаю участвовать.

Спортсмены стартуют с интервалом в тридцать секунд, им нужно пробежать на время двадцать километров. В гонке четыре огневых рубежа, и каждый промах карается минутой штрафа (в отличие от двадцати секунд, которые нужны, чтобы пройти штрафной круг в других гонках). Иначе говоря, в таком формате

непозволительна ошибка! Даже если ты бежишь быстрее всех, минуту наверстать очень трудно. Это и нравится мне в индивидуальной гонке: выступать «без страховки» и вычерпывать из себя все силы, чтобы победить. Эта гонка так же изнурительна морально, как и физически. Она длинная, трудная, без передышки. Это формат, который потребовал от меня больше всего времени, чтобы им овладеть. Но начиная с 2013 года, думаю, из тринадцати гонок, в которых я участвовал, я выиграл одиннадцать. Теперь это гонка, в которой я меньше всего волнуюсь на старте. Знаю, что я ею управляю. Я один на трассе, спокоен, и все зависит только от меня. Я уверен в своих силах.

Наконец, в заключение, как не вспомнить эстафеты? Биатлон – это индивидуальный вид спорта, которым занимаются в команде.

Больше двухсот дней в году мы проводим вместе со спортсменами и персоналом сборной Франции. Эстафеты, будь они простыми, смешанными или классическими, позволяют получить один результат на всех.

Штрафные круги заменены дополнительными патронами. В количестве трех на каждую стрельбу, они позволяют нам избежать штрафного круга. Если их не хватило, и мишени остались незакрытыми, то нужно вдобавок еще бежать на круг.

Золотая медаль, завоеванная в смешанной эстафете на чемпионате мира в Осло, остается одним из самых ярких воспоминаний в моей карьере. Золото в мужской эстафете – единственный мировой титул, которого мне не хватает. Наше поколение его заслуживает и обладает всеми возможностями, чтобы повторить успех французской сборной на чемпионате мира 2001 года в Поклюке.

Благодарности

За время моей карьеры я уделял очень мало времени тому, чтобы оглядываться назад. Страх почить на лаврах всегда толкал меня на поиск новых вызовов, которые занимали меня больше, чем то, что я уже совершил.

Если этот страх позволил мне воплотить все мои мечты, желание не жить прошлым иногда мешало мне в полной мере насладиться текущим моментом.

Работая над этой книгой, я оживил воспоминания детства, прошедшего с родителями и моими братьями, Брисом и Симоном. Встревоженная память позволила вновь пережить давно ушедшие события, когда один забавный эпизод следует за другим. Я вспомнил, насколько эти самые простые моменты были основополагающими для того, кем я стал сегодня. Я вас люблю.

Мне также удалось вновь погрузиться в двадцать лет моей страсти к спорту, из которых десять я провел на самом высоком уровне.

Я был рад снова мысленно пройти по дороге, на которой я встретил Элен. Никогда не смогу сполна отблагодарить ее за то, что она приняла путь, который я выбрал, и идет по нему со мной.

В течение всех этих лет выковывалась дружба, в Пиренеях, Юре и Веркоре. Она останется со мной еще долго после того, как я повешу винтовку на стену. Спасибо, друзья!

У меня было много замечательных встреч, которые часто выходили за рамки изначально профессиональных интересов. Спасибо всем, кто вложил свою энергию, мастерство и много времени в это прекрасное приключение, позволившее осуществить мои мечты. Конечно, я думаю о тех, кто разбудил во мне желание заниматься лыжами и совершенствоваться в них. Ален, Самуэль, Никола, Бенжамен, Тьерри, Пако, Пьер, Дени, Йоан Паскаль, Жиль, Кристиан, Зигфрид.

Спасибо Франку за то, что дал возможность взглянуть на стрельбу под другим углом. Спасибо Стефану, что всегда верил в меня, и часто больше, чем я сам!

Браво ребятам, находящимся в тени, этим волшебникам, которые помогали мне часто скользить быстрее, чем мои соперники. Пьер, Ян, Гаэль, Оливье, Грег, Луи, Ксавье, Ян, Жюльен, Тити, Батист. Спасибо, Кристиан и Сильван!

Все это не могло бы произойти без французской Лыжной федерации и тех, кто там работает: Мишель, Фабьен, Поло, Жюльен, Лионель, Кристоф. Спасибо медицинскому персоналу: Ликке, Томасу, Жюли и, конечно, массажистам! Оливье, Алекс,

Режи, Фло, Брюно, Йоан, Брис, Жюльен, Кентен…

Не так уж много женщин, скажете вы! Как я могу забыть бесценный вклад Дельфин и Кати, которые дали мне возможность сосредоточиться только на спорте.

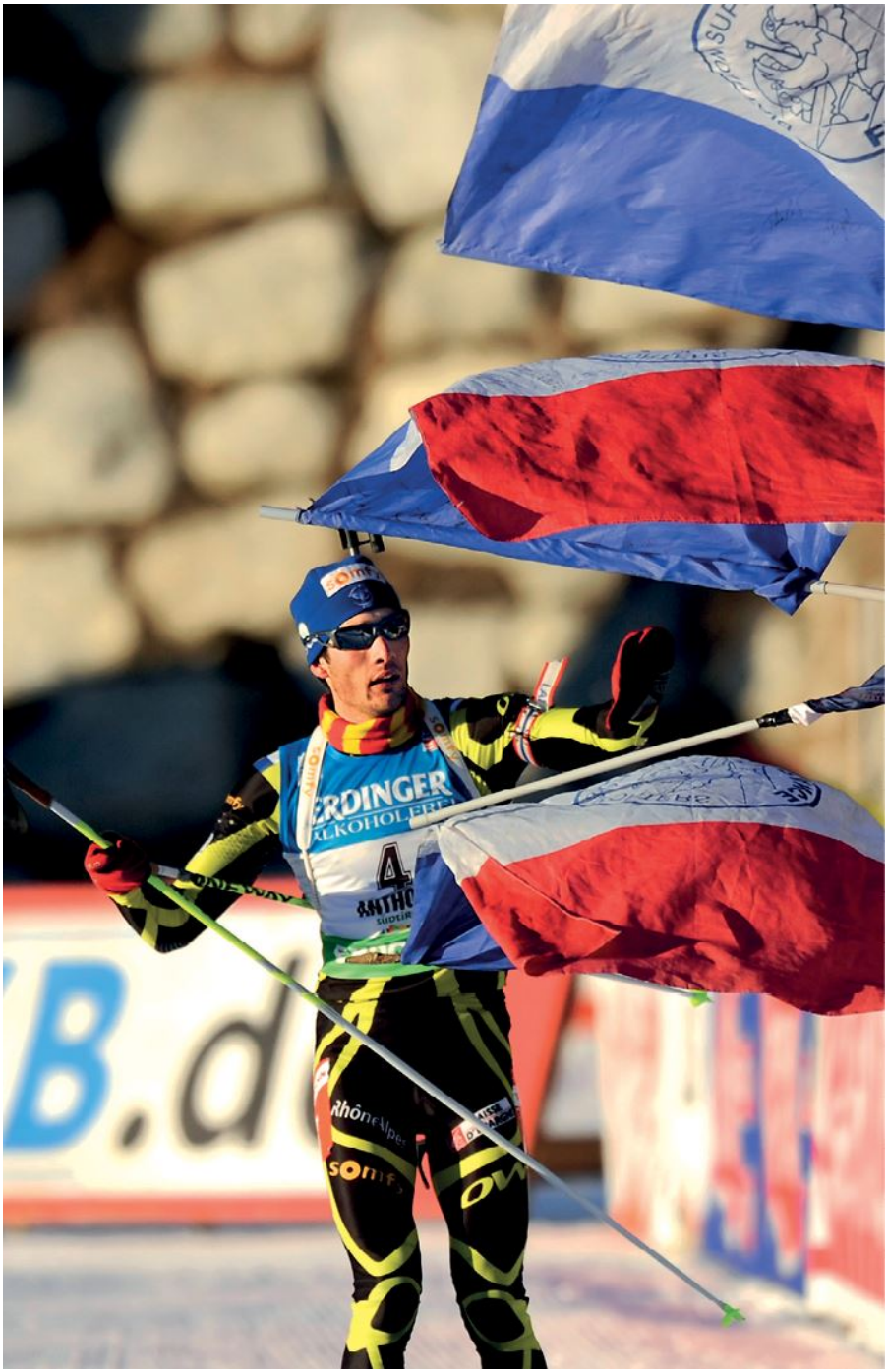
Также не могу оставить без внимания моих вчерашних и сегодняшних спонсоров. Без вас все это имело бы совсем другой вкус. Особенная благодарность Somfy, BMW, MGEN, Rossignol, Adidas и французской армии.

Спасибо издательству Marabout, которое поверило в этот проект. Спасибо Жану Иссартелю и Леонтине, без которых эта книга не могла бы увидеть свет.

Спасибо тем, кого я забыл упомянуть, но кто узнает себя в книге.

Наконец, спасибо вам за вашу поддержку, которая составляет мою силу. Горжусь тем, что в течение этих лет мог близко делиться с вами своей историей.

Нелегко ставить финальную точку в книге, персонажи, события и места которой актуальны как никогда, за несколько месяцев до Олимпийских игр. Мне еще столько предстоит совершить, столько глав написать. И столько прекрасного пережить…



Победа в масс-старте в Антерсельве (Италия), январь 2011 г. Моя первая победа в месте, которое примет чемпионат мира–2020

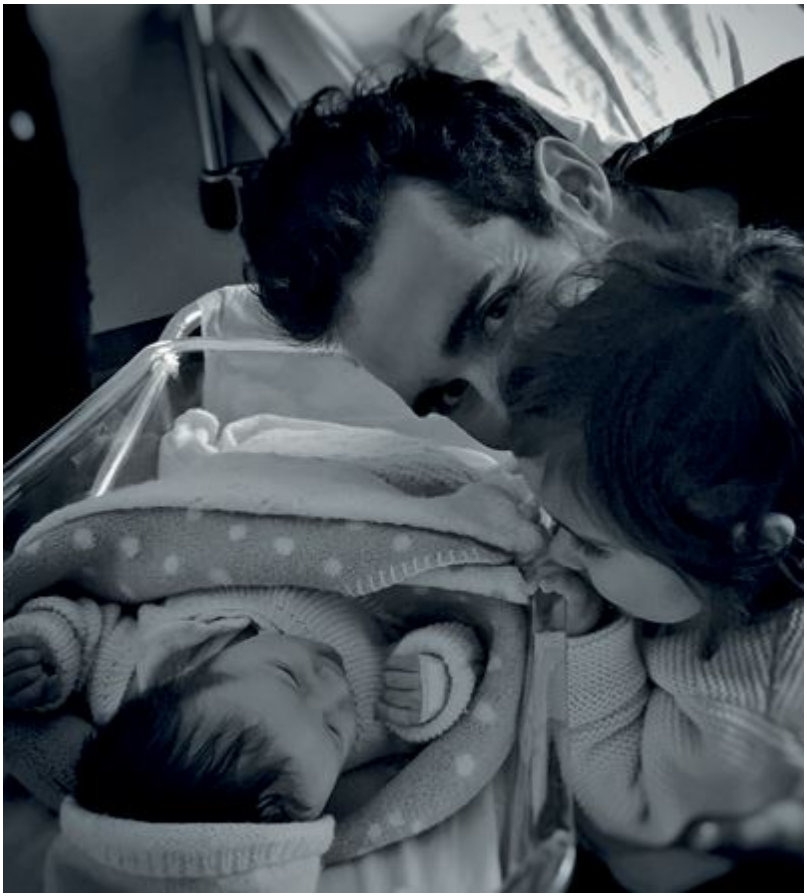
Первая гонка

На каникулах
Моя спутница Элен

Манон, моя главная болельщица
Первые игры с Симоном

23 марта 2017 года, пополнение в семье: родилась Инес

Манон, моя главная болельщица



23 марта 2017 года, пополнение в семье: родилась Инес

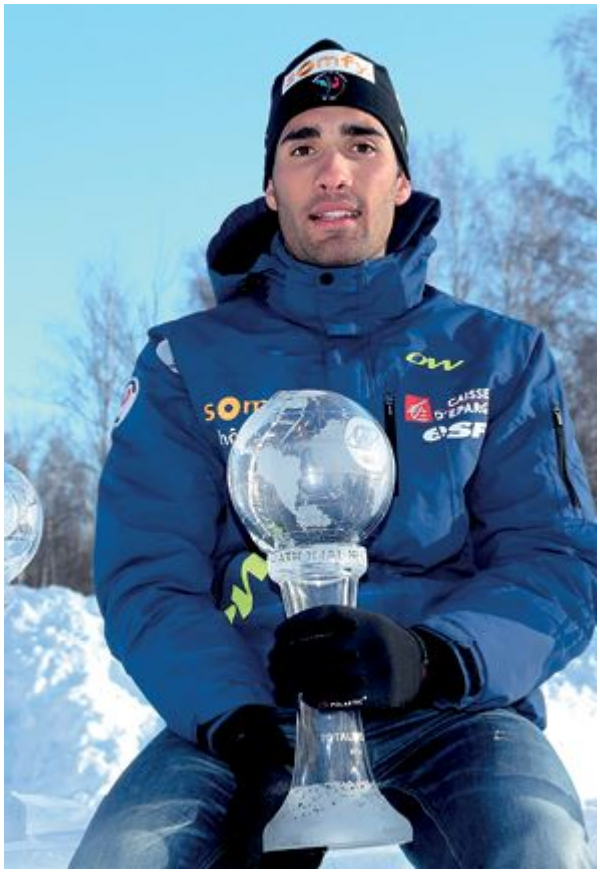
Первые национальные соревнования: в Альп-д'Юэз, в младшей возрастной категории

Первая Олимпиада. Серебряная медаль в масс-старте на Олимпийских играх в Ванкувере в 2010 г.

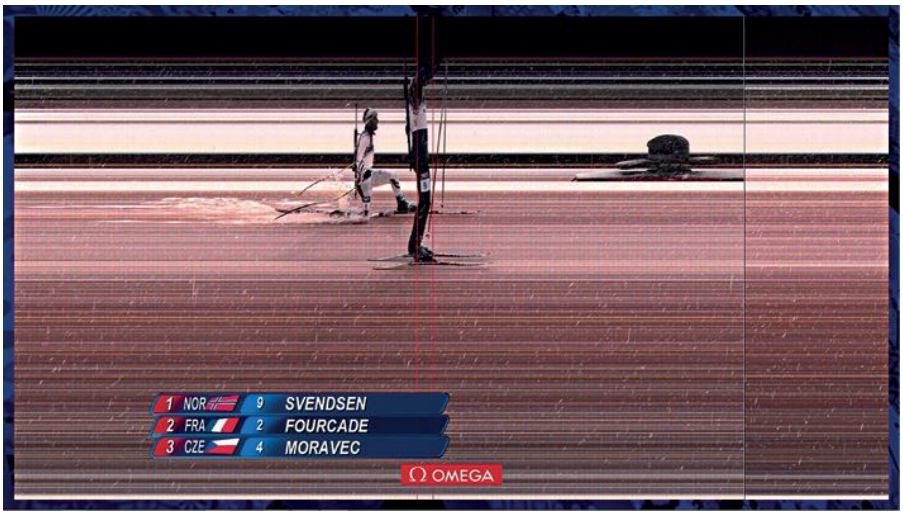
Поездка на Лофотенские острова с Симоном, май 2015 г.

С братьями Симоном и Брисом, Россия, апрель 2016 г.

Мой первый титул чемпиона мира, завоеванный в Ханты-Мансийске в сезоне 2010–2011



Сезон 2011/12. Мой первый «Большой Хрустальный глобус»



Сочи, побежден на волосок Свендсеном в масс-старте

Чемпионат мира в Контиолахти в 2015 г. Золотая медаль в индивидуальной гонке

Финиш масс-старта в Ванкувере вместе с Симоном. Один из самых сильных моментов в моей карьере

Сочи, март 2013 г., наша команда во время предолимпийской недели

Зимние Олимпийские игры–2014, Сочи, Россия. Счастье быть на Олимпиаде!

Белое золото!

Олимпийский чемпион!!!

Больше командное приключение, чем индивидуальный вид спорта

Олимпийские игры в Сочи, Россия

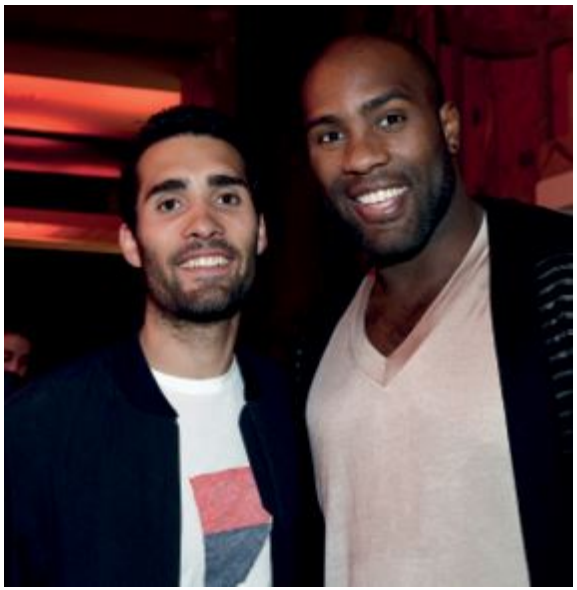
Большая честь получить орден Почетного легиона

Май 2017 г., на красной ковровой дорожке в Каннах вместе с командой «Париж-2024»

Да, соперники, но часто очень милые! Здесь – с Симоном Шемпом

Роскошное селфи с лучшими норвежскими врагами после победы на чемпионате мира в Осло, 2016 г.

Мой лучший чемпионат мира в Осло, теперь нацелен на Олимпиаду-2018



Жизнь, полная встреч и общения. Здесь – с Тедди Ринером

Победа в Нове-Месте в декабре 2016 г.

notes

Примечания

1

Одновременный бесшажный ход – техника лыжного хода, при которой лыжник толкается только руками, не задействуя ноги (*прим. ред.*).

2

Неспециалистам рекомендую последний раздел «Азбука биатлона» (*прим. автора*).

3

Экзамен на бакалавриат (BAC) – выпускной экзамен во французском лицее, аналог выпускных экзаменов в средней школе. Французские лицеисты сдают выпускные экзамены в течение двух последних лет обучения (*прим. ред.*).

4

Юра – горный массив во Франции, недалеко от границы со Швейцарией (*прим. ред.*).

5

Фронтальеры – так называют жителей приграничных областей, которые каждый день ездят на работу в другую страну (*прим. ред.*).

6

Сборная Франции по биатлону делится на сборную «А», которая выступает на Кубке мира, самых престижных международных соревнованиях по биатлону, и сборную «В», которая выступает на вторых по значимости соревнованиях – Кубке IBU (*прим. ред.*).

7

Кубок Европы (в настоящее время – Кубок IBU) – вторые по значимости международные соревнования по биатлону после Кубка мира (*прим. ред.*).

8

Имеется в виду остров Ванкувер, лежащий через пролив от города Ванкувер. На острове расположена гора Вашингтон – известный горнолыжный курорт (*прим. ред.*).

9

В оригинале использовано более сильное, но не совсем цензурное выражение (*прим. ред.*).

10

Вакс-кабина – помещение для подготовки и смазки лыж.

11

Пороговая (темповая) тренировка – тренировка в максимальном (пороговом) темпе, который может поддерживать спортсмен на грани анаэробного режима (*прим. ред.*).

12

Речь идет о Рафаэле Пуаре, 4-кратном обладателе Кубка мира, и Сандрин Байи – чемпионке мира и обладательнице Кубка мира в сезоне 2004/05 (*прим. ред.*).

13

Командная гонка – разновидность биатлонных гонок, когда на дистанцию выходит не один, а несколько человек. Во время прохождения дистанции расстояние между ними не должно превышать допустимого предела. Пример командной гонки – гонка патрулей, которая проводится на военных чемпионатах. Командные гонки были исключены из программы международных соревнований по биатлону, однако остались в национальных соревнованиях и международных соревнованиях среди военных (*прим. ред.*).

14

Кот-Вермей (Côte Vermeille) – прибрежная юго-восточная часть французской Каталонии, у границы с Испанией.

15

Микст-зона – место, где журналисты берут интервью у спортсменов после гонки (*прим. ред.*).

16

Гриссини (grissini) – традиционное итальянское блюдо, хлебные палочки (*прим. ред.*)

17

Алексис Пентуро – французский горнолыжник.

18

Мартен Фуркад является военнослужащим французской армии (*прим. ред.*).

«Ах, как хорошо!» (*прим. автора*).

Телемарк – прыжок на лыжах (*прим. ред.*).

21

Венсан Виттоз – французский лыжник, чемпион мира 2005 г.

22

Сезон 2016/17 (*прим. ред.*).

23

ЭПО – искусственно синтезированный гормон эритропоэтин, повышающий содержание кислорода в крови, считается допингом и запрещен к применению в спорте (*прим. ред.*).

24

Лэнс Армстронг – американский велогонщик, 7-кратный победитель «Тур де Франс», пожизненно дисквалифицированный за употребление допинга (*прим. ред.*).